

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

350.947
S172dp

B 352409 DUPL

Д. Я. Самоквасовъ.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ курсу лекцій

по

ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

Самокрвасов, Дмитрій
" Яковлевич

Д. Я. Самокрвасовъ.

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ КУРСУ ЛЕКЦІЙ

ПО.

ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

350.947

5172dp

30 R4
71
293

ОГЛАВЛЕНИЕ.

№ I. Общія средства познанія древнѣйшаго русскаго права.

Русскія лѣтописи	3.
Исторія Іоакима	4.
Лѣтописный сводъ Нестора	5.
Сказанія иноземцевъ	13.
Вещественные памятники	16.
Городища	21.
Могилы	25.
Клады	32.
Значеніе вещественныхъ памятниковъ для историка и юриста-историка	34.
Арханческіе слѣды въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени	36.
Праславянская терминологія	41.
Выводы сравнительной этнологіи	44.

№ II. Родство Скитовъ и Руссовъ.

Домашняя и иноземная номенклатура Славяноруссовъ языческой эпохи	50.
Фактическія доказательства именованія Руссовъ Скитами	55.
Происхожденіе, объемъ территоріи, количество народонаселенія и власть царства Скитовъ-Сколотовъ эпохи Геродота	59.
Родство Скитовъ и Руссовъ по этнографическимъ фактамъ	66.

№ III. Общце законы Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ

Уголовная система церковнаго устава князя Ярослава Владиміровича	77.
Подлинность церковныхъ уставовъ князей Владиміра и Ярослава	79.
Изданія Русской Правды	84.
Литература Русской Правды	84.

Система содержанія Русской Правды	88.
Денежная система Русской Правды	92.

№ IV. Мѣстное законодательство Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ.

Литература мѣстныхъ законовъ эпохи удѣльныхъ государствъ. . .	94.
Договорное право:	
Содержаніе договоровъ съ Нѣмцами конца XII вѣка и 1229 года . . .	95.
Содержаніе междукняжескихъ договоровъ.	98.
Содержаніе договоровъ Новгорода съ князьями.	101.
Княжеское и вѣчевое уставное законодательство:	
Содержаніе удѣльныхъ церковныхъ уставовъ	102.
Содержаніе Новгородской Судной Грамоты	105.
Содержаніе Псковской Судной Грамоты	106.

№ V. Значеніе вѣча въ удѣльныхъ княжествахъ и народоправствахъ.

Содержаніе теоріи двоевластія и критика ея аргументаціи	107.
Право призванія и изгнанія князя Новгородцами	112.
Организація управленія въ Новгородѣ	113.
Юридическое значеніе вѣча въ княжествахъ и народоправствахъ. . .	119.

№ VI. Основаніе и факты участія народной воли въ преемствѣ великокняжеской власти до времени монгольскаго завоеванія Россіи. . . .

№ VII. Архивы и архивные матеріалы.

Происхожденіе, исторія, централизація и научное значеніе архивныхъ матеріаловъ.	128.
---	------

№ VIII. Литература мнимаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ

ДОПОЛНЕНІЯ.

Д. Я. Самоквасовъ.

ДОПОЛНЕНИЯ

КЪ КУРСУ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА,

читанныхъ въ 1907—8 академическомъ году.

№ I. Общія средства познанія древнѣйшаго русскаго права¹⁾.

Общія средства познанія древнѣйшаго русскаго права *составляютъ: лѣтописные памятники* русскаго и иноземнаго происхожденія, *вещественные памятники, архаическіе слѣды* языческаго быта въ законодательствѣ и обычномъ правѣ русскаго народа христіанской эпохи, *общеславянская терминологія и выводы сравнительной этнологіи.*

1. Русскія лѣтописи.

Лѣтописью называется *погодное* описаніе историческихъ событій; а по своему содержанію *лѣтописи дѣлятся на церковныя и государственныя.* Церковныя лѣтописи содержатъ описаніе событій русской церкви вообще и въ частности тѣхъ церквей и монастырей, при которыхъ велись лѣтописи²⁾. Государственныя лѣтописи были ведены при княжескихъ дворахъ и заключали въ себѣ описаніе событій русской исторіи, и въ частности того княжества, гдѣ велась лѣтопись. Историческія событія записывались въ лѣтописи по распоряженію князей для памяти о событіяхъ и практическихъ цѣлей³⁾. Съ теченіемъ времени *изъ лѣтописей отдѣльных княженій составлялись лѣтописные своды.*

¹⁾ Специальные источники знанія древнѣйшаго русскаго права см. въ курсѣ лекцій, на стр. 1—45.

²⁾ Игуменъ Германъ „служилъ того дни на Лисьи горѣ обидню, и смотрилъ въ монастыри *книги лѣтописца церковнаго*, а сказывали, что лѣтописецъ Лисицкой добри, сполна...“ П. С. Р. Л.; III, с. 169.

³⁾ Въ 1289 году князь Мстиславъ Волынской приказалъ лѣтописцу записать въ лѣтопись крамолу города Берестья. Въ Никоновской лѣтописи говорится: „Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся... нарисовати.“ Въ

Исторія Іоакима.

„Отрывки Исторіи Іоакима“ напечатаны въ первой части, первой книги „Исторіи Россійской“ В. Н. *Татищева*¹⁾. Издатель предпослалъ ей тексту слѣдующія замѣчанія: „Хотя всѣ наши и польскіе историки Нестора Печерскаго за перваго русскаго историка почитаютъ, однакожь то довольно видимо, что прежде его писатели были, да книги тѣ погибли, или еще гдѣ хранятся... Между такими невѣдомыми Нестору и забвенными историки есть Іоакимъ, первый епископъ Новгородскій, о которомъ хотя нигдѣ не упоминается, чтобы онъ исторію писалъ, но сіе не дивно... Просилъ я ближняго моего свойственника Мелхиседека Борцова, которой по многимъ монастырямъ игуменомъ, а наконецъ архимандритомъ Бизюкова монастыря былъ, чтобы мнѣ далъ обстоятельное извѣстіе, гдѣ какія древнія исторіи въ книгохранильницахъ находятся... Получилъ отъ него отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Нынѣ монахъ Веніаминъ, которой о собраніи русской исторіи трудится, по многимъ монастырямъ и домамъ ѣздя, не мало русскихъ и польскихъ собралъ, прислалъ три тетради, которыя при семь посланы, и проситъ не умедля возвратить, чтобы ему отдать.“ Сіи тетради видно, что изъ книги вынуты, по разметкѣ 4, 5 и 6; письмо новое, но худое; складъ старый, смѣшанный съ новымъ, но самый простой, и нарѣчіе Новгородское. Начало видимо, что писано о народахъ, какъ у Нестора... По окончаніи же описанія народовъ и ихъ поступковъ, зачалъ то писать, чего у Нестора нѣтъ, изъ чего я выбралъ токмо то, чего у Нестора не находится, или здѣсь иначе положено, какъ слѣдуетъ...“²⁾

Въ 1856 году было напечатано изсѣдованіе академика П. А. *Лавровскаго*³⁾, специально посвященное вопросу о древности и подлинности Якимовской Исторіи, въ которомъ заключительнымъ выводомъ является слѣдующее положеніе: „Заподозрѣнная Шлецеромъ Якимовская лѣтопись не противорѣчитъ ни мало общему ходу событій въ первое время государства русскаго, предлагая притомъ не мало извѣстій, хотя не находящихся въ Несторовой лѣтописи, но оправдываемыхъ другими историческими источниками, досто-

междоусобныхъ спорахъ за улѣлы князя опирались „на лѣтописцы и старыя списки“ См. *Н. Костомарова*: „Лекціи по русской исторіи“, изд. 1861 г., стр. 21—25.

¹⁾ Изд. Импер. Моск. унив. 1768 года, стр. 29—42.

²⁾ См. „Пособіе“, № I.

³⁾ Учен. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ; кн. II; в. I, стр. 77—160.

вѣрность которыхъ отвергнуть такъ же трудно, какъ и лѣтопись самого Нестора¹⁾. Но и нынѣ, пока не будетъ открытъ старый списокъ Истории Іоакима, отрывки, изданные Татищевымъ, нельзя признать несомнѣннымъ источникомъ научнаго знанія. „Я, получа сіе нечаянное сказаніе, говоритъ Татищевъ, *желалъ ту самую книгу видѣть, какъ старо писано...*, но вмѣсто отвѣта получилъ извѣстіе, что Мелхиседекъ умеръ, а пожитки его разтощены... А бывшій при немъ за казначея монахъ Веніаминъ сказаль, что сія книга была у Мелхиседека, и онъ сказываль, что *списалъ ея въ Сибири, иногда сказываль, что чужая, и никому не показываль; она не въ переплетѣ, но связаны тетради и кожею обернуты; токмо по немъ, въ пожиткахъ его не явилось*“ (стр. 41).

Лѣтописный сводъ Нестора.

По вопросу о происхожденіи лѣтописей въ Россіи долгое время господствовало въ ученой литературѣ *ученіе Шлецера*, по которому: „Лѣтопись Нестора представляетъ собою *сочиненіе монаха Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка, и первый, древнѣйшій актъ лѣтописанія въ Россіи*“²⁾ Позднѣйшія изысканія по вопросу о происхожденіи и составѣ содержанія Несторова лѣтописнаго свода измѣнили прежній взглядъ науки на исторію лѣтописанія въ Россіи³⁾.

Въ лѣтописныхъ сводахъ эпохи удѣльныхъ государствъ и Московскаго государства встрѣчаются *точно датированныя историческія извѣстія, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ, не вошедшія въ составъ содержанія Несторова лѣтописнаго свода*⁴⁾. Происхожденіе хроноло-

¹⁾ Тамъ же, стр. 97, 98, 158, 159.

²⁾ См. *Д. Самоквасова*: Ист. Русск. права, изд. 1878 г.; Вып. I, стр. 7 и слѣд., 166, 167.

³⁾ Литературу и результаты научной разработки вопроса о происхожденіи и составѣ содержанія Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода см. въ сочиненіяхъ: *М. Сухомянова*: „О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ,“—1856 г. *Н. Костомарова*: „Лекціи по русской исторіи. Источники русской исторіи“,—1861 г., вып. I. *И. Срезневскаго*: „Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“, въ Зап. Имп. Акад. Наукъ,—1862 г., № IV, приложение. *К. Бестужева-Рюмина*: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка,“—Лѣтопись Зан. Археогр. Коммиссіи за 1865—1866 гг., т. IV. *Ело-же*: „Русская Исторія“; т. I, стр. 18 и слѣд., изд. 1872 г.

⁴⁾ Сюда принадлежать извѣстія о Гостомыслѣ, Новгородскомъ князѣ; о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Ладогѣ; о перемѣщеніи Рюрика

гическихъ извѣстій этого рода возможно объяснить только тѣмъ, что уже въ IX и X столѣтїяхъ были ведены въ Россїи лѣтописныя записки, заключающїя въ себѣ перечень важнѣйшихъ событїй новгородскаго и кїевского княжескихъ дворовъ; составитель перваго кїевского лѣтописнаго свода невольнѣ воспользовался существовавшими до него лѣтописными матеріалами, вошедшими позже въ лѣтописные своды удѣльныхъ государствъ и Московскаго государства.

Въ содержанїи древнѣйшаго кїевского лѣтописнаго свода *хронологія событїй въ русской землѣ начинается съ 859 года*, подъ которымъ говорится: „Въ лѣто 6367 имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди, и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“¹⁾. Далѣе слѣдуетъ въ сводѣ послѣдовательная хронологическая исторїя, причемъ подъ нѣкоторыми годами не значится никакихъ событїй²⁾; подъ другими годами помѣщаются болѣе или менѣе обстоятельныя историческія разсказы³⁾; подъ остальными годами помѣщаются краткія извѣстія, относящїяся преимущественно къ исторїи княжескаго двора: о рожденїи и смерти князей, о княжескихъ завоеванїяхъ, о размѣрахъ даней, наложенныхъ князьями на покоренные народы, о небесныхъ явленїяхъ и пр.⁴⁾ Откуда же составитель перваго кїевского лѣтописнаго свода почерпнулъ хронологическія свѣдѣнїя о событїяхъ времени Рю-

изъ Ладоги въ Новгородъ по смерти Синеуса и Трувора и о построенїи имъ новаго города на берегу Волхова, вблизи стараго города Славянска, стоявшаго на берегу озера Ильменя; о возмущенїи Новгородцевъ противъ Рюрика и казни Вадима Храбраго съ его единомышленниками; о рожденїи Игоря и пр. Напримѣръ, подъ 864 годомъ: „Убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ. *Тою же лѣта* оскорбшася Новгородцы глаголюща: яко быти намъ работъ и много пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. *Тою же лѣта* уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ избѣ Новгородцевъ совѣтниковъ его“. Подъ 865 годомъ: „*Тою-же лѣта* родися Рюрику сынъ, и нарече имя ему Игорь. *Тою-же лѣта* воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша“. Подъ 867 годомъ: „*Тою-же лѣта* избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кїевъ много новгородскихъ мужей“..., и др. См. „Пособїе“, № III.

1) П. С. Р. Л. I, стр. 8.

2) См. напр. годы: 6368, 6369, 6371, 6372, 6373, и др.

3) Годы: 862, 866, 882, 907, и др.

4) Напримѣръ, подъ 879 годомъ: „Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на рудѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми.“ Подъ 883 годомъ: „Поча Олегъ

рика, Аскольда и Дира, Олега и Игоря, о событіяхъ, отдѣленныхъ двумя и двумя съ половиною столѣтіями отъ времени жизни Нестора? *Даты такихъ событій народная память сохранить не могла.* Описывая обстоятельства крещенія князя Владиміра Равноапостольнаго въ Корсунѣ, лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „Се же несвѣдущіе право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ, ини же рѣша—Василеви, друзіи же инако скажутъ“¹⁾: въ теченіе только ста лѣтъ народная память позабыла обстоятельства важнѣйшаго событія своего времени; тѣмъ болѣе народное преданіе не могло сохранить годы сравнительно мелкихъ событій IX и X столѣтій: размѣры даней, рѣчи князей, годы ихъ рожденія и смерти, годы явленія кометъ, и т. д. *Слѣдовательно, и содержаніе перваго лѣтописнаго свода приводитъ къ необходимости признанія существованія лѣтописей Новгородскаго и Кіевскаго княжескихъ дворовъ уже въ то время, съ котораго начинается въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ хронологія событій русской земли*²⁾.

воевати Деревляны, и примучивъ и, и имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ“. Подъ 884 годомъ: „Иде Олегъ на Сѣверяны, и побѣди Сѣверянѣ, и возложи на нѣхъ дань легку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“; и т. д.

¹⁾ Тамъ-же, годъ 988.

²⁾ Существованіе славянорусской письменности до времени крещенія князя Владиміра Святославича доказываютъ слѣдующія историческія указанія. Договоръ Олега съ Греками 911 года: „Аще ли створитъ (Русинъ) уряженіе, таковій возьметъ уряженое его, кому будетъ *писалъ* наслѣдити имѣніе, да наслѣдитъ е“. Договоръ Игоря съ Греками 945 года: „Нынѣ увѣдѣлъ есть князь вашъ (русскій) посылати *грамоту* ко царству нашему... *пишуче* сице“... Паннонское житіе Св. Кирилла: „Дошедь до Корсуна..., обрѣте ту евангеліе и псалтырь *рушкими письмены писано*, и челоувѣка обрѣте глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи приемъ, *своей бесѣдѣ прикладае различьи письменъ, масная и соласная*, и вскорѣ начеть чести и сказовати“. «Житіе Константина философа», изд. Бодянскаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1863 г.; кн. II, стр. 11. 47, 75. Отсюда Св. Кириллъ научился славянскому языку при посредствѣ *русской грамоты*. По свидѣтельствамъ черноризца Храбра (первой половины X вѣка) „прежде убо Словѣне не имѣхя кнѣигъ, но *чертами и рѣзами чьтяхя и затасахя*, погани суще... Кириллъ... створи имъ *ѣ письменъ и ѣ, ово убо по чину гречьскихъ письменъ, ово же по словьньстѣй рѣчи*“... „Древніе памятники письма и языка югоз. Славянъ“, изд. И. Срезневскаго 1865 г.; стр. 1—3. По свидѣтельству Ибъ-Фадлана (первой половины X вѣка), Руссы, насыпавъ курганъ надъ могилою покойника, вкопали дерево на его

Русскія лѣтописи IX и X столѣтій дошли до насъ чрезъ посредство перваго кievскаго лѣтописнаго свода. Отсюда, задача науки нашего времени состоитъ въ изысканіи признаковъ, посредствомъ которыхъ было бы *возможно отдѣлать* въ содержаніи сохранившагося до насъ древнѣйшаго кievскаго лѣтописнаго свода *лѣтописныя извѣстія времени язычества, составленныя современниками событій IX и X столѣтій*, отъ лѣтописныхъ сказаній христіанскаго времени, составленныхъ лѣтописнымъ сводчикомъ по другимъ источникамъ, по народнымъ преданіямъ, иноземнымъ сказаніямъ и собственнымъ домысламъ.

Въ содержаніи Несторова свода различаются *два слоя свѣдѣній. Въ первомъ слое* господствуетъ *лаконизмъ рѣчи*, состоящей изъ главныхъ предложеній; а по содержанію свѣдѣнія этого слоя всегда *современны* тѣмъ годамъ, подъ которыми записаны, и заключаютъ въ себѣ указанія на такія событія и черты въ описаніи событій, которыя могли быть записаны только ихъ современниками-очевидцами¹⁾. *Во второмъ слое* преобладаютъ *длинные періоды*, придаточныя и вводныя предложенія, *плавность рѣчи, церковное краснорѣчіе*; а по

вершинѣ, а на деревѣ „написали имя умершаго челоуѣка и имя русскаго князя“. Гаркави: „Сказ. мусуль. писат.“ с. 101. По свидѣтельству Ибнъ-анъ-Надима (второй половины X вѣка): „Русскіе имѣютъ письмена, вырѣзываемыя на деревѣ“; тамъ-же, стр. 240. Слѣдовательно, матеріаломъ для письма Славяноруссамъ служило дерево,—доски“ (ер. Псков. Суд. грам.; ст. 14, 19, 28), что объясняетъ причину, по которой не сохранилось въ подлинникахъ памятниковъ письменности русскихъ Славянъ языческой эпохи.

¹⁾ Сюда принадлежатъ хронологическія извѣстія о событіяхъ Русской земли во второй половинѣ IX вѣка и въ X столѣтіи, написанныя слѣдующимъ языкомъ: „Въ лѣто 6370 (862) изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и города ставити; и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, воевати почаша сами на ся... Въ лѣто 6390 (882) Олегъ приде къ Смоленску, и прія градъ, и посади мужъ свой; оттуда поиде внизъ по Днѣпру, и взя Любечъ, и посади мужъ свой... Иде Олегъ на Греки, и приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ своимъ изволочити корабля на берегъ, и повоева около города, и много убійство сотвори Грекамъ, и палаты многи разбиша, а церкви пожгоша (907 г.). ...Изидоша Деревляны противу, снемшемся обѣма полкома на скупъ, суну копьемъ Святославъ, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмольдъ: „князь уже почаль, а потягнѣте дружина по князѣ (946 г.)...“ и т. д.

содержанію свѣдѣнія этого слоя часто не имѣютъ ничего общаго съ тѣми годами, подъ которыми вставлены¹⁾).

Происхожденіе въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ сказаннаго наслоенія свѣдѣній, такъ рѣзко различающихся по формѣ, возможно объяснить только тѣмъ, что въ рукахъ Нестора находились несохранившіяся до насъ въ подлинникѣ лѣтописныя записки IX и X столѣтій, съ точнымъ обозначеніемъ хронологіи событій; *Несторъ переписалъ эти лѣтописи въ свой сводъ, съ сохраненіемъ архаическихъ особенностей ихъ языка, а съ своей стороны прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія и историческія сказанія, составленныя по другимъ источникамъ.*

Сказанія новаго слоя въ Несторовомъ сводѣ составляютъ „*Повѣсти*“ временныхъ лѣтъ черноризца Теодосьева монастыря Печерскаго“, то-есть, безгодное введеніе свода, представляющее собою *компиляцію*, составленную изъ источниковъ византійскаго, болгарскаго и русскаго происхожденія, дополненныхъ домыслами самого Нестора. Введеніе начинается сказаніемъ хроники Георгія Амартола о раздѣленіи земли между потомками Ноя и кончается хронологическою таблицею русскихъ княженій²⁾. *Время составленія*

¹⁾ Сюда принадлежатъ: сказанія о судьбѣ славянской придунайской прародины, о призваніи Варяговъ Новгородцами, о переводѣ священныя книги на славянскій языкъ и славянскихъ первоучителей (898 г.); сказаніе о смерти Олега по предсказанію волхва и разсужденіе о дивномъ исполненіи предсказаній кудесниковъ, со ссылками на разные примѣры бѣсовскихъ чудесъ (912 г.); сказаніе о крещеніи княгини Ольги (955 г.) и вообще всѣ сказанія, написанныя языкомъ, образцомъ котораго могутъ служить слѣдующія цитаты: „По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска; отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ; яко пришедше, сѣдоша на рѣцѣ именовъ Моравы, и прозвашася Моравы, а друзіи Чеси нарекошася... Яко же се и при насъ нынѣ Половцы законъ держатъ отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, поймають мячеи своя и ятрови, и ины обычаи отецъ своихъ творять; мы же христіане, елико землѣ, иже вѣрують въ Св. Троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся...“; и т. д. П. С. Р. Л. I, стр. 3—7.

²⁾ Въ составъ содержанія вводныхъ „повѣстей“ Нестора входятъ слѣдующія сказанія: греческой хроники о разселеніи по землѣ потомковъ Ноя, съ прибавленіемъ къ нему сказанія о сѣверныхъ народахъ; о разселеніи въ Европѣ Славянъ и Руссовъ; о водныхъ путяхъ въ

этой компиляции выражается въ общемъ христіанскомъ характерѣ ея содержанія, а особенно въ сказаніяхъ о народахъ, платящихъ дань Руси и различіи законовъ языческихъ народовъ и христіанскихъ, изъ которыхъ ясно видно, что авторъ жилъ въ эпоху, когда христіанство распространилось по всѣмъ областямъ Руси, за исключеніемъ земли Вятичей, и *когда появились на Руси Половцы*¹⁾, *то-есть, не ранне времени дѣтей Ярослава Владиміровича. Въ хронологической части* лѣтописнаго свода *добавленія Нестора къ русскимъ лѣтописямъ языческой эпохи* составляютъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія къ древнимъ лѣтописнымъ текстамъ²⁾, цитаты изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, выписки изъ житій святыхъ мужей, разсужденія поучительнаго содержанія и историческія сказанія, основанныя на народныхъ преданіяхъ, домыслахъ Нестора и разсказахъ его современниковъ³⁾.

предѣлахъ Руси и о путешествіи Андрея Первозваннаго; о происхожденіи Кіева и первыхъ кіевскихъ князьяхъ; о народахъ-данникахъ Руси славянскаго и неславянскаго происхожденія; о различіи обычаевъ и законовъ народовъ славянскаго и неславянскаго происхожденія; о завоеваніи Полянъ Хозарами и хронологическая таблица событій всемірной исторіи до византійскаго императора Михаила III и русскихъ княженій до смерти Ярослава Владиміровича. См. „Пособіе“, № II.

¹⁾ „Яко-же се и *при насъ нынѣ Половцы* законы держатъ отецъ своихъ“. П. С. Р. Л. I; стр. 7.

²⁾ Напримѣръ къ лѣтописи времени княженія Олега прибавлены слѣдующія пояснительныя замѣчанія: въ разсказѣ о вокняженіи Олега въ Кіевъ: „Устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, *еже до смерти Ярославль даляше Варягомъ*“ (882 г.); въ извѣстіи о движеніи Угровъ мимо Кіева: „Идоша Угры мимо Кіева горою, *еже се зоветъ нынѣ Угорское*; пришедше къ Днѣпру и стаща вежами, *бѣша бо ходяще, аки се Половци*“ (898 г.); въ разсказѣ о походѣ Олега противъ Грековъ въ 907 году, за перечисленіемъ народовъ, участвовавшихъ въ походѣ: „*Яже суть толкованы, си вси звахуться Великая Скиѣ*“,—очевидная ссылка Нестора на его вводныя „Повѣсти“ къ своду, въ которыхъ, за перечнемъ славянорусскихъ племенъ, было сказано: „Да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скиѣ“...

³⁾ Нѣкоторые литературные источники перваго кіевского лѣтописнаго свода, не только византійскаго и болгарскаго, но и русскаго происхожденія, сохранились до нашего времени отдѣльно, независимо отъ лѣтописнаго свода; какъ напримѣръ, „Житіе Владиміра Равноапостольнаго“ и „Чтеніе о житіи и погубленіи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба“, соч. Іакова Черноризца. Въ сказаніи лѣтописнаго свода объ ослѣпленіи Василька Ростиславича говорится: „Присла по мя князь

За исключеніем вводныхъ, безгодныхъ „Повѣстей“ и послѣдующихъ сказаній, составленныхъ по источникамъ христіанской эпохи, остается въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ рядъ хронологическихъ свѣдѣній, взятыхъ Несторомъ изъ русскихъ лѣтописей языческой эпохи. Перечню такихъ свѣдѣній предшествуетъ въ сводѣ *хронологическая таблица*, часть которой, относящаяся къ всемірной и византійской исторіи, взята изъ греческой лѣтописи, а другая часть, относящаяся къ русской исторіи, *составлена по русскимъ лѣтописямъ*¹⁾. Повидимому *русскія лѣтописи языческаго времени были ведены по княженіямъ*, такъ что каждое новое княженіе начиналось первымъ годомъ, а послѣдній годъ княженія каждаго князя означалъ общее число лѣтъ его власти. Несторъ, выписавши изъ греческаго источника хронологію отъ Адама до византійскаго императора Михаила, прибавилъ къ ней хронологію русскихъ княженій, сосчитавъ годы княженія каждаго князя по лѣтописямъ первыхъ Рюриковичей и перечисливъ русскую языческую хронологію на византійскую-христіанскую отъ сотворенія міра. Слѣдовавшіе за Несторомъ лѣтописцы постепенно расширяли составленную имъ хронологическую таблицу, прибавляя къ ней общій счетъ годовъ княженія послѣдующихъ великихъ князей²⁾.

За хронологическою таблицею русскихъ княженій слѣдуетъ въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ изложеніе событій въ русской землѣ времени княженія Рюрика въ Новгородѣ и Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Сравнивая эту часть Несторова свода съ соотвѣтствующими ей частями удѣльныхъ лѣтописныхъ сводовъ и государства московскаго, мы находимъ, что *Несторъ*, въ видахъ возвышенія авторитета княжившей при немъ династіи, *частію сократилъ, частію измѣнилъ подлинный смыслъ извѣстныхъ русскихъ лѣтописей IX вѣка*, быв-

Давидъ и рече ми: „да се *Василю*, шлю тя, иди къ Василькови“. (П. С. Р. Л. I, 112). Очевидно, составитель свода имѣлъ подъ руками рассказъ какого-то Василія и вставилъ его въ свой сводъ, не выбросивъ имени Василія,—автора рассказа, обнаруживъ тѣмъ источникъ своего повѣствованія объ ослѣпленіи Василька Ростиславича.

¹⁾ См. „Пособіе“, № II, 852 годъ.

²⁾ Такимъ образомъ, въ Несторово—Сильвестровомъ сводѣ, за хронологическою таблицею Нестора, находимъ слѣдующее добавленіе: „А отъ смерти Ярославли до смерти *Святополчи* лѣтъ 60; но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся удѣя лѣта си“; а за симъ, въ послѣдующихъ лѣтописныхъ сводахъ читаемъ: „Володимеръ Всеволодовичъ Манамахъ княжи 12 лѣтъ; Вячеславъ княжи 4 мѣсяци; Всеволодъ Ольговичъ княжи 12 лѣтъ...“, и т. д., до времени прекращенія дома Рюриковичей. См. П. С. Р. Л.; XV, стр. 12.

шихъ въ его рукахъ. Опущены извѣстія о насильственномъ подчиненіи Рюрикомъ своей власти Славянъ Ильменскихъ, о возстаніяхъ Новгородцевъ противъ Рюрика, о казни Рюрикомъ Вадима Храбраго и его товарищей и о бѣгствѣ отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ многихъ новгородскихъ мужей. Изъ лѣтописи княженія Аскольда и Дира въ Кіевѣ опущены Несторомъ извѣстія о завоеваніяхъ, о второмъ походѣ въ Грецію и крещеніи Аскольда и Дира, по всей вѣроятности, изъ желанія не будить въ народной памяти воспоминанія о славныхъ подвигахъ первыхъ христіанскихъ князей въ Кіевѣ, убитыхъ Олегомъ и Игоремъ, представителями династіи, княжившей въ Кіевѣ при Несторѣ.

Въ части Несторова свода, относящейся къ княженіямъ *Олега, Игоря и Святослава, незамѣтно важнѣе измѣненій княжескихъ лѣтописей X столѣтія*. Нестору принадлежатъ здѣсь только немногія пояснительныя замѣчанія и нѣсколько сказаній, прибавленныхъ къ древнимъ лѣтописнымъ текстамъ, переписаннымъ въ сводѣ въ той формѣ и въ томъ порядкѣ, въ какихъ нашель ихъ Несторъ въ лѣтописяхъ княженія Олега, Игоря и Святослава¹⁾.

Со времени Владиміра Святославича *языкъ княжескихъ лѣтописей теряетъ* отличительныя *архаическія особенности* лѣтописнаго языка языческой эпохи. Съ этого времени сказанія Нестора такъ слиты со свѣдѣніями, взятыми изъ княжескихъ лѣтописей, что разграничить ихъ невозможно. Исключеніе составляютъ только извѣстія, взятые изъ лѣтописей новгородскихъ и полоцкихъ, долго сохранявшихъ особенности лаконическаго языка русскихъ лѣтописей времени первыхъ Рюриковичей.

¹⁾ Въ эту часть Несторова свода изъ княжескихъ лѣтописей X вѣка вошли лаконическіе тексты слѣдующихъ хронологическихъ извѣстій и сказаній: о вокняженіи Олега въ Кіевѣ (882 г.); о размѣрахъ дани, наложенной Олегомъ на покоренныя племена (883, 884, 885); о движеніи Угровъ мимо Кіева (898); о женитьбѣ Игоря (903); о походѣ Олега на Грековъ и договоръ съ Греками (907); о явленіи кометы (911); договоръ Олега съ Греками 911 года (912); о вокняженіи Игоря (913) и войнѣ его съ Древлянами (914); о нападеніи Печенѣговъ (915) и мирѣ съ ними (920); о рожденіи Святослава (942); о походахъ Игоря на Грековъ (941, 944); о договорѣ Игоря съ Греками (945); о смерти Игоря и вокняженіи Святослава (946); о походахъ княгини Ольги и князя Святослава (947, 955, 964, 965, 966 и 967); о раздѣленіи Святославомъ русской земли на удѣлы между его сыновьями (970); о войнѣ Святослава съ Греками и договорѣ его съ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ (971); о смерти Святослава (972). См. въ „Пособіи“ № II, подѣ годами, указанными въ скобкахъ этой выписки.

Въ составѣ содержанія Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода и послѣдующихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ для исторіи русскаго права эпохи племенныхъ государствъ особенно важны свѣдѣнія: о разселеніи Славянъ въ центральныхъ областяхъ Европы и происхожденіи славянорусскихъ княженій; о законахъ и обычаяхъ Русскихъ племенъ языческой эпохи; о военныхъ отношеніяхъ Кіева къ Византіи въ IX вѣкѣ и крещеніи Кіевлянъ при Аскольдѣ; о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей и отношеніи Кіевскихъ князей къ подвластнымъ народамъ; о военныхъ и мирныхъ отношеніяхъ первыхъ князей Рюрикава дома къ Грекамъ, выясняющія исторію договоровъ Руссовъ съ Греками; наконецъ, содержаніе договоровъ съ Греками, дающее прочный базисъ знанію системы славянорусскаго права языческой эпохи.

2. Сказанія иноземцевъ.

Письменные источники иноземнаго происхожденія перваго періода исторіи русскаго права составляютъ *свѣдѣнія* объ условіяхъ быта русскихъ Славянъ языческой эпохи, сохранившіяся въ сочиненіяхъ *греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и арабскихъ писателей, до X столѣтія включительно*. Задача науки исторіи русскаго права состоитъ здѣсь въ *опредѣленіи количества сказаній иноземцевъ*, составляющихъ средства познанія языческаго права Славяноруссовъ, то-есть, въ разграниченіи содержанія сочиненій древнихъ писателей, относящагося къ Руссамъ, отъ содержанія, относящагося къ другимъ европейскимъ народамъ. Рѣшеніе этой задачи обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ *вопроса объ именахъ, которыми называли нашихъ предковъ древніе иноземные писатели*.

Литературныя воззрѣнія по этому вопросу выражаются въ ученіяхъ *Татищева, Шлецера и Шафарика*.

По ученію Татищева, *имя Славянъ* появляется въ европейской исторіи въ VI вѣкѣ по Р. Хр.; но народъ этого имени также старъ, какъ и другіе европейскіе народы¹⁾; историки до VI в. называли всѣ народы нашего отечества Скивами и Сарматами, а потому *первый періодъ* русской исторіи долженъ заключать въ себѣ *обзоръ сказаній древнихъ писателей о Скивахъ, Сарматахъ и Славянахъ со времени Геродота до времени призванія Новгородцами династіи Рюрика*²⁾.

¹⁾ „Званіе Славяне..., хотя подлинно о старости званія сего, сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сомнѣнія также старъ, какъ всѣ прочіе.“ Ист. Рос.; кн. I; гл. XXXIII, стр. 424, 428.

²⁾ Тамъ же; стр. 72, 249; предувѣдомленіе, стр. XXI, XXII.

По ученію Шледера: „*Все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о Славянахъ, съ прибавленіемъ Скивова, Сарматовъ и многихъ другихъ, соствѣтъ непринлежащихъ къ нимъ народовъ, совершенно бесполезно для настоящаго историка*¹⁾... Древнѣйшая русская исторія оканчивается 1054 годомъ, смертью Ярослава, а начинается призваніемъ Рюрика... Несторъ есть первый древнѣйшій и единственный источникъ русской исторіи до 1054 года. Писанное Дитмаромъ и франкскими лѣтописцами, даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ, есть не что иное, какъ отрывки, и не значить ничего; *Византійцы узнали Русь только со времени Игоря*. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла; истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а бессмыслица принадлежитъ имъ собственно; надобно отказаться и отъ исландскихъ сказокъ“²⁾.

Послѣдовавшее за Шледеромъ направленіе научной разработки источниковъ знанія начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи русскаго права характеризуется слѣдующими словами лекціи историка М. П. Погодина, читанной съ кафедры Московскаго университета въ 1846 году: „*Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть съ прибытія князей варягорусскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ я доволствоваюсь изложениемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки,—Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположителемъ исторической критики прошедшаго столѣтія—Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія Древности“ производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ... Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности*³⁾.

Шафарикъ искалъ славянскую прародину за предѣлами древней европейской Скивіи, въ областяхъ Геродотовыхъ Вудиновъ и Невровъ, въ сѣверной половинѣ Европы, а не въ южной. При такомъ рѣшеніи вопроса о древнихъ именахъ Славянъ въ европейской исторіи многотомное сочиненіе Шафарика о славянскихъ древностяхъ мало подвиги-

¹⁾ Шлец. Несторъ; I, стр. ркз. 119, 325, 381, 413.

²⁾ Стр. 421—426.

³⁾ „Изслѣдованія, Зам. и Лекціи по русской исторіи,“—1846 г., т. II, стр. 321.

нуло *впередъ фактическую разработку начального періода славянской и русской исторіи*, потому что въ исторіи сохранились только названія Вудиновъ и Невровъ и неопредѣленныя указанія на мѣста ихъ жительства; съ одинаковымъ правомъ можно предположить предками Славянъ Меленхленовъ, Антропофаговъ, Фиссагетовъ и всякій другой народъ времени Геродота, исторія и этнографія котораго неизвѣстны. Отсюда разсужденія Шафарика о стародавности Славянъ въ Европѣ и важномъ значеніи нашихъ предковъ въ европейской исторіи со времени Геродота до времени образованія государства Рюриковичей отличаются слабостью аргументаціи, являются построенными на множествѣ предположеній, лишенныхъ фактическихъ основаній; таковы предположенія о передвиженіяхъ Славянъ изъ сѣверныхъ областей Европы въ области придунайскія и обратномъ переселеніи Славянъ на сѣверъ, вслѣдствіе натиска Кельтовъ въ IV в. до Р. Х.; о единствѣ происхожденія Скиѳовъ, Монголовъ и Татаръ; объ истребленіи европейскихъ Скиѳовъ Сарматами; о Сербахъ, какъ общемъ и древнѣйшемъ домашнемъ имени Славянъ; и т. д. отсюда-же безсиліе ученія Шафарика въ борьбѣ съ ученіемъ школы Шлецероваго направленія, признавшимъ дорюриковскій періодъ славянской и русской исторіи временемъ *баснословнымъ, доисторическимъ*. Таковымъ дорюриковское время признается и нынѣ господствующимъ литературнымъ ученіемъ, несмотря на „Славянскія Древности“ Шафарика¹⁾.

Совѣтуя русскимъ историкамъ „отстать отъ Скиѳовъ и Сарматъ“, побуждая ихъ начинать первый періодъ русской исторіи изложеніемъ Нестерова разсказа о призваніи Рюрика въ 862 г., Шлецеръ обѣщаль русской исторіи ясность и вѣрность. За совѣтами Шлецера послѣдовали русскіе историки и историки-юристы, и въ теченіе столѣтій не изучали древнихъ сказаній о Скиѳахъ

¹⁾ См. В. И. Сергѣевича: „Лекціи и Исслѣдованія по исторіи русскаго права“, изд. 1883 года, стр. 53—55: „Для исторіи русскаго права *историческое время не восходитъ далѣе X, мною IX вѣка...* Историческому времени предшествуетъ *доисторическое время. Относительно этою доисторическою времени въ наукѣ есть только догадки*“. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Обзоръ Исторіи Русскаго Права“, вып. I, изд. 1886 года, стр. IV: „Быть *донаціональнымъ (доисторическимъ)* не *долженъ входить въ исторію національнаго права*; таковы: *быть Скиѳовъ, Сарматовъ и др. народовъ, населявшихъ восточную Европу до образованія русской націи или по крайней мѣрѣ непосредственныхъ ея элементовъ (славянскихъ племенъ)...* Исторія русскаго права дѣлится естественно на три періода: 1) *періодъ земскій (или т. н. княжескій) IX—XIII в.*“...

и Сарматахъ, начиная первый періодъ русской исторіи событіемъ призванія Рюрика. Согласно съ обѣщаніемъ Шлецера, мы должны уже владѣть ясною и вѣрною русскою исторіей. Такъ ли на самомъ дѣлѣ? Со времени Шлецера по русской исторіи и исторіи русскаго права напечатано множество сочиненій, а между тѣмъ, по признанію ученыхъ историковъ и историковъ-юристовъ нашего времени, „научная разработка основныхъ вопросовъ русской исторіи и исторіи русскаго права представляетъ собою самую жалкую картину, — лабиринтъ личныхъ мнѣній“¹⁾.

Слѣдовательно, направленіе, господствующее въ историко-юридической литературѣ, данное Шлецеромъ, не оправдывается результатами, не даетъ знанія научнаго, фактическаго; а отсюда новый пересмотръ вопроса о древнихъ именахъ нашихъ предковъ и количествѣ сохранившихся до нашего времени сказаній иноземцевъ о Славянахъ и Руссахъ является настоятельно необходимымъ для приступающихъ къ научному познанію начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи русскаго права²⁾.

3. Вещественные памятники.

Къ вещественнымъ памятникамъ быта древнихъ народовъ принадлежатъ: жилища, могилы, имущественные клады, домашняя утварь, орудія для добыванія пищи, нападенія и самозащиты, одежда, орнаментика костюма, предметы питанія, предметы культа

1) К. Кавелинъ научную обработку русской исторіи характеризовалъ слѣдующими словами: „Ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину... Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не привести ни къ какимъ результатамъ... Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ“. Сочиненія, ч. I, стр. 310, изд. 1859 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, за изложеніемъ „различныхъ мнѣній объ удѣльномъ періодѣ“, говоритъ: „Изъ всего сказаннаго ясно, что мы не довольны ни одной изъ теорій, взявшихся объяснить государственный бытъ древней Руси“. Рус. Ист.; I. с. 162. Изд. 1872 г. По словамъ Ѳ. И. Леонтовича: „По всѣмъ основнымъ вопросамъ нашей науки встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій, съ самыми разнообразными и противоположными направленіями, воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода“. Журн. Мин. Народ. Просв. за 1874 г. Іюнь; стр. 201. Ср. еще В. И. Сергѣевича: „Древ. Рус. Права“; т. III, изд. 1903 г., стр. 494—496.

2) См. ниже дополненіе подъ № II.

и всѣ другіе предметы, составлявшіе *вещественную обстановку домашней и общественной жизни древняго чловѣка*. Главнѣйшіе виды вещественныхъ памятниковъ составляютъ *жилища, могилы и имущественные клады*,—хранилища множества предметовъ культурной обстановки нашихъ предковъ.

Начало научнаго изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся въ землѣ Россіи, относится къ тридцатымъ годамъ текущаго столѣтія, ко времени открытія систематическихъ археологическихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ Керчи на средства Императорскаго кабинета. Поводомъ учрежденія для этой цѣли особой Коммиссіи послужило случайное открытіе богатѣйшей могилы скиѣскихъ царей въ „Куль-Обскомъ“ курганѣ, разрытомъ въ 1830 году въ окрестностяхъ города Керчи¹⁾; а цѣлью ея учрежде-

¹⁾ „По распоряженію мѣстнаго начальства, должно было отыскать и доставить въ Керчь до 400 сажень камня для сооруженія казармъ. Камень готовый, отесанный, тогда добывали изъ кургановъ, а о томъ, что этотъ способъ добыванія камня разрушалъ историческіе памятники, тогда еще не думали. 19 сентября 1830 года въ курганѣ Куль-Оба, въ 6 верстахъ отъ Керчи, отыскивая камень, открыли могильный склепъ, въ срединѣ котораго, на каменномъ возвышеніи, подъ остатками деревяннаго балдахина и деревянныхъ саркофаговъ, лежали остовы скиѣскихъ царя и царицы, главы которыхъ были украшены золотыми митрами и превосходными золотыми же повязками, а шеи—ожерельями изъ массивныхъ золотыхъ колецъ (нашейниковъ) и медальоновъ; руки и всѣ пальцы царицы были украшены массивными золотыми браслетами и кольцами съ камнями; одежду украшали множество золотыхъ бляхъ разной формы и величины. Возлѣ царскаго остова лежала груда царскаго оружія: мечъ съ золотою рукояткою, щитъ изъ массивнаго золота, золотое налучье, золотой скипетръ и пр. Вокругъ остова были расположены золотые и серебряные сосуды, одинъ изъ которыхъ украшенъ изображеніями Скиѣовъ; здѣсь же лежали: музыкальный инструментъ превосходной работы, съ гравированными фигурами, элевтровыя статуэтки и пр. Въ одномъ изъ угловъ склепа помѣщались остовы лошадей и груда золотыхъ украшеній сбруи. По стѣнамъ склепа сохранились остатки желѣзныхъ гвоздей, а подъ ними на каменномъ полу склепа—груды золотыхъ бляхъ, украшавшихъ ислѣвшую одежду скиѣскихъ царя и царицы“. См. Сборн. Антропол. и Этнограф. Статей о Россіи, изд. В. Л. Дашксымъ; кн. I; 1868 г. Статья К. К. Герца: „Погребальныя обряды Грековъ и Скиѣовъ Босфора Киммерійскаго“, стр. 150, 151. Ср. отрывки отчета Дю-Брюкса (открывателя), помѣщенные въ „Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Imperial de l'Ermitage.“

Исторія русскаго права. Д. Самоквасовъ.

нія было *изысканіе образцовъ искусства древнихъ Грековъ въ кустанахъ южной Россіи*. Преслѣдуя свою цѣль, Коммиссія открыла много драгоценныхъ древностей въ скиѣскихъ и греческихъ могилахъ, раскопанныхъ въ предѣлахъ земли древней Скиѣи. „Эти сокровища такъ велики и замѣчательны по своему художественному совершенству (часть ихъ принадлежитъ великимъ временамъ процвѣтанія греческаго искусства отъ Перикла до Александра Македонскаго), что они составляютъ цѣлый особый музей, единственный въ мірѣ, извѣстный подъ именемъ *Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа* въ С.-Петербургѣ, потому что большая часть вошедшихъ въ него предметовъ была найдена въ городѣ Керчи и его окрестностяхъ“¹⁾.

Открытіе въ 1853 году въ Екатеринославскомъ уѣздѣ „*Луговой могилы*“, заключающей въ себѣ золотые предметы греческой работы, подобные предметамъ, найденнымъ въ гробницахъ Куль-Обской могилы, послужило поводомъ къ передвиженію раскопокъ Археологической Коммиссіи *въ области Приднѣпровья*²⁾. Здѣсь, въ Никопольскомъ уѣздѣ, въ „*Чертомлыцкомъ курганѣ*“, въ 1863 г. И. Е. Забѣлинъ открылъ богатѣйшую могилу скиѣскаго царя, заключающую въ себѣ множество драгоценныхъ предметовъ древности, составлявшихъ обстановку быта древнихъ Скиѣовъ³⁾.

Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur (par F. Gilles). Vol. 1—2. St. Petersbourg. 1854.

¹⁾ Тамъ же; статья К. К. Герца, стр. 145. Результаты археологическихъ раскопокъ и находокъ въ предѣлахъ древней Скиѣи были издаваемы въ погодныхъ „Отчетахъ Археологической Коммиссіи“. Результаты раскопокъ до конца сороковыхъ годовъ были сгруппированы въ изданіи А. Ашика, подъ заглавіемъ: „Воспорское дарство съ его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами.“ Ч. I—III. 1848—1849 г. Одесса.

²⁾ См. Отчетъ Арх. Ком. за 1859 г.; стр. V—VI.

³⁾ Результаты изслѣдованій Археолог. Коммиссіи въ областяхъ Приднѣпровья опубликованы особымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Древности Геродотовой Скиѣи. Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ“; вып. I. Спб. 1866 г.; вып. II. Спб. 1872. См. еще И. Е. Забѣлина: „Ист. русск. жизни“; ч. I; прилож.: „Древняя Скиѣя въ своихъ могилахъ“. 1876 г. Объ археол. находкахъ въ южной Россіи, сдѣланныхъ до открытія раскопокъ А. Коммиссіи, см. въ соч. Графа А. С. Уварова: „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. Спб. 1851 г. (съ атласомъ).

Въ центральныхъ областяхъ Россіи, принадлежащихъ Славянорусамъ языческой эпохи, систематическія археологическія раскопки были начаты только въ семидесятыхъ годахъ¹⁾.

Въ первомъ томѣ „Русской Исторіи“ Бестужева-Рюмина, изданномъ въ 1872 году, въ первый разъ помѣщенъ отдѣлъ „вещественныхъ памятниковъ“ въ ряду средствъ познанія исторіи нашихъ предковъ; но почтенный историкъ не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ источникомъ, потому что „до сихъ поръ“, говорить онъ, „большія усилія были направлены на южную часть Россіи, такъ какъ здѣсь были греческія поселенія, добыча здѣсь можетъ быть богаче, результаты яснѣе при усиліяхъ сравнительно меньшихъ; а между тѣмъ самыя важныя вопросы для всей русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а сюда почти еще не заходили работники“²⁾.

Равнодушіе прежнихъ историковъ и археологовъ къ подземнымъ хранилищамъ древностей славянорусской земли объясняется господствовавшими въ первой половинѣ текущаго столѣтія литературными воззрѣніями, по которымъ городища признавались „памятниками языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, не заключавшими въ себѣ ничего болѣе, кромѣ пепла, угля и жженныхъ костей,—остатковъ языческихъ жертвоприношеній“³⁾, а курганы признавались „наслоеніемъ массы могилъ древнихъ народовъ, въ которомъ нѣтъ возможности распознать могилы Славянъ и Славяноруссовъ“⁴⁾.

¹⁾ Исключеніе составляютъ раскопка кургана Перепетовки въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, произведенная проф. *Иванишевымъ*, и раскопки въ Кіевской губерніи, произведенныя по распоряженію бывшаго кіевск. губернатора *И. Фундуклея*. См. „Древности, изданныя временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ“; I—III, 1846 г. „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“. Изд. *И. Фундуклея*. Кіевъ. 1848 г.

²⁾ Рус. Ист.; I, 160.

³⁾ Эта теорія была основана въ двадцатыхъ годахъ *Адамомъ Черноцкимъ*, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Зоріана-Долени-Ходаковскаго*, который доказывалъ, что городища должны быть признаны мѣстами языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, нашими *исисъ, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста*“. См. *Ж. М. Н. П.* за 1838 г.; № 12; стр. 488 и слѣд. Рус. Ист. Сборникъ; изд. Погодина; т. I; стр. 53; т. IV: стр. 10. Эта теорія была принята и пропагандирована *Шафарикомъ* (Слав. Древн.; I, стр. 372), *Срезневскимъ* (Зап. Од. Общ. Ист. и Др.; т. II, стр. 335. Свят. и Обр. языч. богослуж. Славянъ; с. 40) и особенно *Погодинымъ* (Исслѣд. Зам. и Лек.; II, 40).

⁴⁾ Въ 1763 году былъ разрытъ въ Новороссіи курганъ, въ кото-

Археологическія раскопки въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныя въ текущемъ полустолѣтіи, фактически доказали возможность распредѣленія древнихъ земляныхъ насыпей по историческимъ эпохамъ и отличить между ними моилы славянорусскія языческой эпохи¹⁾.

ромъ нашли золотую цѣпь, четыре серебряныхъ подсвѣчника, золотую рукоятку отъ кинжала и пр. См. Миллера: Ежемѣсячн. Сочин. 1764 г., стр. 497. По поводу этой находки Шлецеръ высказалъ слѣдующее: „Новоруссія есть та земля, черезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не только проходили, но и останавливались въ ней. Чего еще впередъ не выростъ изъ здѣшнихъ кургановъ...; но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ туда, идѣ говорится о первыхъ столѣтіяхъ Россіи“. Шлец. Несторъ; I; введ., стр. ре—ри. Еще въ 1868 году А. Котляревскій, въ специальномъ изслѣдованіи о погребальныхъ языческихъ обычаяхъ Славянъ, повторилъ ученіе Шлецера по этому вопросу: „Какъ младшій побѣгъ индоевропейской семьи“, говоритъ онъ, „Славяне шли по торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизаціи предшественниковъ... Принимая въ соображеніе эти обстоятельства водворенія Славянъ въ Европѣ, можно ли надѣяться отыскать моилы славянскихъ праотцевъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ? Думаемъ, что вообще едва ли“. „О погребальныхъ обрядахъ языч. Славянъ“, стр. 160. Изд. 1868 г.

¹⁾ См. „Труды Моск. Арх. Общ.“; т. III; вып. IV, с. 266, 286. Результаты археологическихъ изслѣдованій въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныхъ въ послѣднія десятилѣтія, опубликованы въ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ и въ періодическихъ изданіяхъ ученыхъ обществъ и правительственныхъ учреждений (преимущественно въ изданіяхъ обществъ Московскаго Археологическаго, Петербургскаго Археологическаго, Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, Петербургскаго Географическаго Общества, Императорской Археологической Коммиссіи и Петербургскаго Археологическаго Института). Важнѣйшія изданія частныхъ лицъ: Графа А. С. Уварова: „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. 1881 г. Графа А. Бобринскаго: „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники раскопокъ“. 1887—1894 гг. Обзоръ литературы по русской антропологии, этнографіи и археологіи до 1880 года см. въ сочиненіи проф. Штида: *Berichte aus der russischen literatur über Anthropologie, Ethnographie und Archäologie*. Ludwig Stieda. Archiv für Anthropologie; Band XII; Heft 3 и 4. Separatabdruck, 1880.

Городища.

Городищами или городками называются древнія валлообразныя земляныя насыпи, ограничивающія площади разной величины и формы, расположенныя почти всегда на высокихъ побережїяхъ, а изрѣдка на рѣчныхъ островахъ и въ болотахъ¹⁾.

Научная важность каждаго вещественнаго памятника и каждой группы вещественныхъ памятниковъ, какъ средствъ познанія условій быта даннаго народа въ данную историческую эпоху, обуславливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопросовъ *объ историческомъ значеніи памятниковъ, времени ихъ происхожденія и принадлежности данному народу.*

Историческое значеніе *городищъ* опредѣляется слѣдующими фактами:

По своей конструкціи слово „городище“ *соотвѣтствуетъ* словамъ „монастырище“, „селище“ и „дворище“, означающимъ оставленные пункты народныхъ поселеній, нежилые, запустѣвшіе, на которыхъ нѣкогда стояли монастырь, село, дворъ; соотвѣтственно тому, *городище должно означать мѣсто бывшаго города.* И дѣйствительно, *въ мѣстописи и древнихъ актахъ слово „городище“ означаетъ только мѣсто бывшаго города;* напримѣръ *Несторъ*, въ разсказѣ о походѣ въ Грецію Кіа говоритъ: „Приде къ Дунаеву, возлюбилъ мѣсто и срубилъ градокъ малъ, хотѣше състи съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и доннѣ наричють дунайцы *городище Кіевецъ*“²⁾.

Формы городищъ, ихъ мѣстоположеніе, укрѣпленія, состоящія изъ рововъ и валовъ, народныя преданія о значеніи многихъ сохранившихся городищъ (какъ опустѣвшихъ городовъ), сличеніе мѣстонахожденія многихъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ древ-

1) Названіе *городище* и *городокъ* въ народѣ не различаются: одну и ту же насыпь крестьяне называютъ то городищемъ, то городкомъ.

2) П. С. Р. Л.; I, 4. „Пособіе“, № II, с. 13, п. 4. Въ Книгѣ *Большою Чертежа*, за перечисленіемъ населенныхъ деревень за Волгою, читаемъ: „А за тѣми деревнями и до сибирскаго камня жилия никакого нѣтъ: *есть пустыя городища, чудскія, Манкорь и иныя*“ (с. 24). Въ „Собраніи рукописей гр. Толстого“ № 65 озаглавленъ такъ: „Описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о сюръниіи *перваго города, которое мѣсто нынѣ называется городищемъ*“ (Отд. V). Въ отвѣтѣ Менгли—Гирея Ивану Васильевичу III 1492 года говорится: „Я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ, и строю теперь при устьѣ Днѣпра на старомъ *городищѣ новую крѣпость*, чтобы оттуда вредить Польшѣ“. Ист. Госуд. Рос. Карамзина; т. VI, стр. 146.

нихъ городовъ, обозначенныхъ лѣтописями, и вещи, находимыя при раскопкахъ валовъ и площадей городищъ, доказываютъ, что *эти памятники представляютъ собою остатки древнихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній*¹⁾.

*Величина площадей городищъ, то есть внутреннихъ частей ихъ, безъ рововъ и валовъ, соответствуетъ величинѣ древнихъ городовъ. Городища, въ большинствѣ случаевъ, заключаютъ въ себѣ отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 и болѣе тысячи аршинъ въ окружности. Эту же величину имѣли города древней Руси. По описанію историка Костомарова, величина городищъ важнѣйшихъ изъ бывшихъ пригородовъ Псковской земли заключаетъ въ себѣ отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности по вѣнцу насыпнаго вала*²⁾. Площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ около 400 аршинъ въ окружности; площадь городища древняго Путивля около 500

1) Археологъ Кеппелъ, осмотрѣвшій нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ Славянъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Городищъ, каковыя находятъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь *городищами называютъ развалины древнихъ замковъ*.“ Сѣвер. Архивъ, 1823 г., № 1, стр. 25. Археологъ Калайдовичъ, осмотрѣвъ 12 городищъ въ Рязанской губерніи, вынесъ убѣжденіе, что „*городища представляютъ собою памятники древнихъ городовъ*.“ Письма объ арх. изслѣдованіяхъ въ Ряз. губ. Калайдовича, № 4. Историкъ Вадимъ Пассекъ, осмотрѣвшій до 15 городищъ, лежащихъ въ Харьковской губерніи, по верхнему теченію рѣки Донца, пришелъ къ заключенію, что они „представляютъ собою *остатки городовъ Россіи до-татарскаго времени*.“ Рус. Ист. Сборн. Погодина; т. III, стр. 21. 1838 г. Пассека: Очерки Россіи; кн. II, стр. 197. По изслѣдованіямъ гр. Уварова, „*городища служили укрѣпленными мѣстами для самихъ жилищъ обитателей*.“ Меріане и ихъ бытъ; стр. 94. Съ 1871 г. нами осмотрѣны были и частью раскопаны около 150 городищъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи; мы пришли къ убѣжденію, что эти памятники представляютъ собою *пункты, на которыхъ въ древности стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ селитѣбъ*. См. Самоквасова: „Древніе города Россіи,“ стр. 109 и слѣд.

2) „Пространство Изборскаго городища менѣе иного помѣщичьяго двора; площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ“. „Сѣверно-рус. Народопр-ства“; т. II, с. 78—81.

аршинъ въ окружности: ту же величину имѣють сохранившіяся городища древнихъ городовъ Чернигова (нынѣ „валь“) Новгородъ-Сѣверска (нынѣ „замокъ“), Воргола, Сновска, Вышгорода и мн. др.

Большое количество сохранившихся городищъ соответствуетъ большому количеству городовъ древней Руси. Въ древности городами назывались укрѣпленныя общественныя селитьбы,—обведенныя валами, рвами и стѣнами общественныя поселенія¹⁾. Въ такомъ смыслѣ, въ значеніи укрѣпленныхъ поселеній, городовъ въ древности было очень много. Лѣтопись говоритъ о 80 городахъ на Дунаѣ, взятыхъ въ одинъ походъ Святославомъ Игоревичемъ въ 967 году; о 8 городахъ, лежавшихъ по Волгѣ между Кснятинымъ и Угличемъ, на протяженіи около 60 верстъ, разрушенныхъ Ростиславомъ и Изяславомъ Мстиславичами въ 1148 году; о многихъ городахъ, лежавшихъ по Деснѣ между Сосницею и Черниговомъ, и по Днѣпру между Вышгородомъ и Рѣчицею; и т. д.²⁾

По изложеннымъ фактамъ городища представляютъ собою *пункты, на которыхъ въ древности стояли города въ смыслъ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній.*

На очереди сталъ вопросъ о возможности опредѣленія времени происхожденія и народности городищъ.

Во многихъ случаяхъ при посредствѣ вѣрнаго признака возможно отличить городища, *сооруженныя въ языческую эпоху*; этотъ признакъ—*присутствіе языческаго кладбища вблизи городища*. Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ погребальнаго обряда обитателей Руси языческой эпохи было сооруженіе *холма-кургана* надъ могилою покойника,—обычай, исчезающій со времени введенія христіанства въ Россіи³⁾. Отсюда мы имѣемъ право предположить, что

1) „Кій приде къ Дунаеву, возлюбилъ мѣсто и сруби городокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ“; Князь Владимиръ „нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужи лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады“; Павелъ посадникъ „заложилъ Ладогу городъ-камень“... См. Самоквасова: „Древніе города Россіи“; стр. 33 и слѣд.

2) Тамъ же; стр. 64 и слѣд.

3) Когда Константинъ Муромскій похоронилъ сына своего по христіанскому обычаю, то „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву, а могила верхъ холмомъ не сытаху, но ровно съ землею“. См. А. Котляревскаго: О погреб. обыч., с. 118, 126.

городища, сопровождаемая языческими кладбищами, по времени происхождения, относятся къ языческой эпохѣ. И дѣйствительно, это предположеніе вполне оправдалось результатами раскопокъ. произведенныхъ графомъ Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ, а нами въ предѣлахъ земель древнихъ Сѣверянъ и Полянъ¹⁾.

Еще болѣе общимъ и точнымъ, а при отсутствіи языческихъ могилъ въ окрестностяхъ и единственнымъ средствомъ опредѣленія древности городищъ служить *изученіе ихъ содержанія*. Площадь древнихъ городищъ обыкновенно покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ перегной растительныхъ веществъ, мусора и щебня, подобнымъ мусорному слою, покрывающему древнія селища и дворща. Въ этомъ слоѣ встрѣчаются уголь, зола, кости животныхъ, битый камень, кирпичъ, черепки глиняной посуды и разные предметы домашней обстановки: ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, кинжалы, украшенія костюма и сбруи, монеты и пр. Иногда эти находки такъ характерны, что непосредственно, сами по себѣ, *рѣшаютъ вопросъ о древности даннаго городища*. Такъ на примѣръ, въ окрѣсть городища близъ Новгорода-Волынскаго былъ найденъ *кладъ римскихъ монетъ II-ю вѣка*, ясно указавшій, что валъ этого горо-

¹⁾ По результатамъ раскопокъ графа Уварова: „городища были населены...; *вѣрнѣйшимъ признакомъ древнихъ поселеній были группы кургановъ...*; древнія городища почти всегда находятся *вблизи кургановъ*“. Меряне и ихъ бытъ, стр. 22, 47, 94. Къ тому же заключенію привели и наши изслѣдованія въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ и Полянъ, въ губерніяхъ Черниговской, Курской, Полтавской, Кіевской, въ которыхъ сохранилось *болѣе 600 городищъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами*. Сверхъ того, должно замѣтить, что далеко не всѣ городища, несопровождаемая въ настоящее время языческими могилами, по времени ихъ происхожденія, относятся къ христіанской эпохѣ. Курганы исчезаютъ во множествѣ отъ различныхъ причинъ, а особенно отъ распашки; *мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, въ настоящее время можетъ не имѣть ихъ вовсе*, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстное городище лишается этого признака опредѣленія его древности. См. рефератъ Д. Самоквасова: „Историческое значеніе городищъ“, въ „Трудахъ третьяго (Кіевскаго) археологическаго съѣзда“; т. I, стр. 234. Изд. 1878 г. Проф. В. Б. Антоновичъ, многочисленныя археологическія работы котораго общезвѣстны, на Тиолисскомъ археологическомъ съѣздѣ, излагая результаты своихъ раскопокъ въ Черниговской губерніи, заявилъ, что предложенная нами на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ схема древнихъ земляныхъ насыпей Сѣверянской земли „абсолютно вѣрна“.

дища уже существовалъ во II вѣкѣ¹⁾. При раскопкѣ городища на р. Сарѣ, у с. Діаболь, былъ найденъ *кладъ восточныхъ монетъ VIII и первой половины IX столѣтій*. Въ томъ же городищѣ было найдено много предметовъ, представлявшихъ собою *дубликаты предметовъ, найденныхъ въ мѣстныхъ курганахъ*, эпоха происхожденія которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ *монетами VIII—XI столѣтій*²⁾. Въ нашей коллекціи древностей, переданной на вѣчное храненіе въ Московскій Историческій Музей, имѣются монеты, браслеты, серьги, кольца, бусы, привѣски, пряжки, бляхи, ножи, ключи, наконечники стрѣлъ и проч., найденные при раскопкѣ городищъ и *совершенно сходные съ такими же предметами, найденными въ сопровождавшихъ городища курганахъ, время которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами*.

Изложенные факты доказываютъ возможность опредѣленія времени и народности городищъ въ конкретныхъ случаяхъ; но для того необходимы систематическія раскопки городищъ и сопровождающихъ городища языческихъ могилъ,—раскопки городищъ и могилъ, связанныхъ мѣстомъ находенія³⁾.

Могилы.

Средствами рѣшенія вопроса о времени и народности могилъ являются ихъ устройство и содержаніе. *На основаніи различій въ устройствѣ и содержаніи языческихъ могилъ, сохранившіяся въ предѣлахъ древней Скиѣи—Сарматіи—Славоніи, можно раздѣлить на могилы эпохъ: киммерійской, скиѣской, сарматской, славянорусской и половецко-татарской*.

1. *Могилы киммерійскаго или доисторическаго времени, до VI в. до Р. Х., заключаютъ въ себя предметы изъ кости, глины, камня и мѣди, а не заключаютъ предметовъ изъ жельза и серебра,—принадлежатъ доисторическимъ народамъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны, такъ какъ отъ киммерійскаго времени не сохранилось историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній*⁴⁾.

¹⁾ См. Фундукленъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ“; стр. 7.

²⁾ См. графа Уварова: „Меряне“; стр. 33, 34.

³⁾ См. дополнение о городищахъ разныхъ историческихъ эпохъ.

⁴⁾ Описаніе устройства и содержанія могилъ доисторическаго времени, сохранившихся во множествѣ въ предѣлахъ Россіи, см. въ изданіи Гр. Уварова: „Археологія Россіи; каменный періодъ“. 1881 г.; въ изданіяхъ археологическихъ обществъ и съѣздовъ въ рефератахъ Д. Сажоквасова: „Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи“, нап. въ «Антропол. Выставкѣ 1879 г.», стр. 338 и слѣд.;

2. *Могила скиѣской эпохи* принадлежатъ времени, отъ котораго сохранились историческія и этнографическія свѣдѣнія греческихъ историковъ первыхъ столѣтій до Рожд. Хр., начиная съ Геродота, называвшихъ надпонтійскіе народы общимъ именемъ *Скиѣовъ*. Кладбища скиѣской эпохи и послѣдующихъ эпохъ *содержать въ себѣ предметы жельзной культуры*. Знакомство древнихъ обитателей надпонтійскихъ областей съ употребленіемъ жельза послѣдовало уже до времени Геродота¹⁾. Могила скиѣской эпохи отличаются признаками, чуждыми могиламъ киммерійскаго времени и могиламъ послѣдующихъ эпохъ; *отъ первыхъ онѣ отличаются присутствіемъ предметовъ изъ жельза и серебра, а отъ послѣдующихъ присутствіемъ предметовъ греческаго искусства, относящихся къ первымъ столѣтіямъ до Рожд. Хр.*: греческихъ монетъ, греческой расписной и покрытой чернымъ лакомъ терракотовой посуды, греческихъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, каменныхъ и стеклянныхъ издѣлій, греческихъ надписей на погребальныхъ камняхъ, сосудахъ, зеркалахъ и пр. Между могилами, относящимися къ скиѣской эпохѣ, скиѣскія могилы отличаются отъ греческихъ признаками варварскаго погребенія, чуждыми погребенію греческому, напиримѣрь, присутствіемъ въ могилахъ костей животныхъ²⁾.

3. *Могила сарматской эпохи* относятся ко времени первыхъ столѣтій послѣ Рожд. Хр., отъ котораго сохранились сочиненія *римскихъ писателей, называвшихъ Скиѣю греческихъ писателей Сарматіей, а ея обитателей именовавшихъ Сарматами*. Въ варварскихъ кладбищахъ сарматской эпохи, рядомъ съ могилами, содержащими въ

„Могильныя древности Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.“, нап. въ „Трудахъ VI Археол. съѣзда въ Одессѣ“; т. I: Изд. 1886 г.; с. 189 и слѣд.; въ изд. Б. И. Ханенко: „Древности Приднѣпровья“, вып. I.

¹⁾ Это доказываетъ свидѣтельство Геродота, по которому въ каждой области Скиѣовъ былъ сооружаемъ жертвенникъ богу войны, имѣвшій форму кургана, и на его вершинѣ водружался, „старый жельзный мечъ“, означавшій кумирь Арея. „Исторія Геродота“; кн. IV, гл. 52.

²⁾ Образцами скиѣскихъ могилъ могутъ служить могилы Куль-Обская, Луговая, Чертомлыцкая и др. См. К. Герца: „Археол. топографія Таманскаго полуострова“, изд. 1870 г., стр. 96 и слѣд. Ею же: „Погребальные обряды Грековъ и Скиѣовъ“, въ „Сборн. антр. и этнограф. статей о Россіи“, В. Дашкова; кн. I, изд. 1868 г. А. Ашика: „Воспорекое Царство“; ч II, изд. 1848 г. И. Забѣлина: „Древняя Скиѣія въ своихъ могилахъ“, въ приложеніи къ первому тому „Исторія Русской жизни“, изд. 1876 г. „Древности Геродотовой Скиѣи“, изд. Имп. Арх. Комиссіи; в. I, 1886 г.; в. II, 1872 г. (съ атласами).

себѣ *костяки*, остатки несожженных покойниковъ, часто встрѣчается *новый типъ могилъ, заключающій въ себѣ остатки сожженныхъ покойниковъ*. Трупосожженіе, неизвѣстное скивскимъ могиламъ эпохи до Рожд. Хр., повидному, было заимствовано Скивами отъ Римлянъ въ эпоху господства послѣднихъ въ Дакии, и съ того времени встрѣчается въ варварскихъ кладбищахъ наддунайскихъ и надпонтійскихъ областей до времени рецепціи христіанства Славяноруссами. Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ могилъ сарматской эпохи является *присутствіе въ нихъ издѣлій римскаго искусства императорской эпохи*, относящихся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х.: римскихъ монетъ, римскаго оружія и вооруженія, римской серебряной и терракотовой посуды, римскихъ фибулъ, римской орнаментики и пр.¹⁾

4. *Могилы славянорусской эпохи* принадлежатъ времени, въ которое, рядомъ со старыми общими именами надпонтійскихъ народовъ,—Скивы и Сарматы, появляются мѣстные имена Венетовъ, Антовъ, Склавинъ, Руссовъ и Славянъ. Языческія могилы славянорусской эпохи отличаются содержаніемъ *византійскихъ, восточныхъ, нѣмецкихъ и славянскихъ монетъ V—XI столѣтій по Р. Х. и многихъ предметовъ быта, не встрѣчаемыхъ въ могилахъ предыдущихъ эпохъ*, какъ напримѣръ: *желѣзныхъ стремень и стременихъ пряжекъ, длинныхъ изогнутыхъ сабель, раздвоенныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзныхъ серповъ донынѣ сохранившейся формы, браслетъ и колець съ загнутыми ушкомъ концами, и мн. др.*²⁾

¹⁾ Образцами могилъ сарматской эпохи могутъ служить курганныя кладбища, заключающія въ себѣ предметы римскаго искусства, изслѣдованныя нами въ Кіевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, у села Яблоновки; въ Полтавской губерніи, Роменскомъ уѣздѣ, у села Аксютинцы; въ Екатеринославской губерніи, Александровскомъ уѣздѣ, у села Новогригорьевки, и др. См. „Антроп. Выставка 1879 г.“; т. III, стр. 345 и слѣд. „Труды VI Археолог. съѣзда въ Одессѣ“; т. I, стр. 200 и слѣд. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могильниковъ сарматской эпохи см. еще въ сочиненіяхъ: *И. Фундукля*: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ.“; стр. 18, 19, 71. *Kraszewskiego*: „Sztuka u Slowian“, s. 152, 153. Wilno. 1860. „Wiadomosci archeologiczne“; II, 72—75. Warszawa 1874. Графа Бобринскаго: „Курганы окрест. Смѣлы“; 3 тома.

²⁾ Образцами могильниковъ славянской эпохи могутъ служить изслѣдованныя нами три курганныхъ кладбища въ окрестностяхъ Чернигова; два кладбища въ Черниговскомъ уѣздѣ, у м. Седнева; четыре кладбища въ Полтавской губерніи, у города Переяславля, и много другихъ. См. *Самоквасови*: „Вещественные памятники древности въ

5. *Языческія могилы половецко-татарской эпохи* относятся ко времени жизни въ южной Россіи язычниковъ Половцевъ и Татаръ, и отличаются нѣкоторыми особенностями своего устройства, а особенно *содержаніемъ монетъ и другихъ предметовъ византійскаго, русскаго и восточнаго искусства XII—XVI столѣтій*¹⁾.

Въ предложенной классификаціи языческихъ могилъ южныхъ и центральныхъ губерній Россіи особую важность для русской исторіи и исторіи русскаго права имѣютъ *могилы четвертой группы, а въ ней могилы Руссовъ* послѣднихъ столѣтій язычества, отличающіяся нижеслѣдующими признаками отъ могилъ другихъ временъ и народовъ.

Русскіе могильники представляютъ собою *курганная кладбища*, обыкновенно помѣщающіяся вблизи древнихъ городищъ и заключающія въ себѣ десятки, сотни и даже тысячи донинѣ сохранившихся кургановъ, то есть отдѣльныхъ могилъ, прикрытыхъ конусообразными насыпями²⁾.

По устройству своему Русскія могилы языческой эпохи представляютъ *три типа*: курганы съ *кострищами*, курганы съ *погребальными сосудами* и курганы съ *костяками, остатками погребенныхъ, — несожженныхъ покойниковъ*.

1. *По обряду погребенія*, возстановленному раскопками *кургановъ съ кострищами*: на избранномъ мѣстѣ устраивали *костеръ*, а на кострѣ помѣщали тѣло покойника и предметы, долженствовавшіе служить ему въ загробной жизни; послѣ сожженія, *надъ кострищемъ* (остат-

Малороссія“, въ „Антр. Выставкѣ 1879 г.“; ч. III, стр. 347 и слѣд. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могилъ славянской эпохи разбросаны въ рефератахъ объ археологическихъ раскопкахъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и археологическихъ съѣздовъ за послѣднія десятилѣтія.

1) Примѣрами языческихъ кладбищъ половецко-татарской эпохи могутъ служить верхнія могилы раскопанныхъ нами кургановъ Переяславскаго и Каневскаго уѣздовъ, два кладбища въ окрестностяхъ Воронежской, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, раскопанныя А. А. Карцовой въ 1884 году, и кладбище у Новогригорьевки, Александровскаго уѣзда, раскопанное нами въ томъ же году. См. „Труды“ Одесскаго съѣзда археологовъ; т. I, стр. 199, 206 и 207.

2) Сюда принадлежатъ около 800 кургановъ, сохранившихся въ окрестностяхъ города Чернигова, расположенныхъ тремя группами на побережьяхъ рѣкъ Десны, Стрижня и Бѣлоуса; около 1000 кургановъ, сохранившихся въ Роменскомъ уѣздѣ, у села Липоваго; болѣе 1000 кургановъ, расположенныхъ четырьмя группами въ окрестностяхъ Переяслава, надъ рѣкою Трубежомъ, и др.

камни костра) возводили конусообразную земляную насыпь, въ центрѣ которой часто помѣщали сосудъ съ обугленными костями жертвеннаго животнаго, а возлѣ этого сосуда иногда клали вооруженіе, оружіе и другіе предметы, принадлежавшіе покойнику. Содержаніе кургановъ съ кострищами соотвѣтствуетъ обряду сожженія знатнаго Русса, описанному арабскимъ писателемъ первой половины X вѣка Ибнъ-Фадланомъ¹⁾.

¹⁾ См. А. Гаркави: „Сказ. мусульм. писат. о Славянахъ и Руссахъ“; стр. 96—101. Изд. 1870 г. „Пособіе“, — Ибнъ-Фадланъ. с. 73—76. Въ *жертвенной части* кургановъ Черной Могилы и Гульбища, раскопанныхъ въ Черниговѣ, открыты сосуды со жжеными костями барановъ и слѣдующіе предметы: бронзовое изображеніе челоуѣка (божка?), сидящаго на корточкахъ, со сложенными на груди руками; два турьихъ рога (зубки), обтянутые серебряными бляхами, съ различными на нихъ изображеніями; три желѣзныхъ шлема съ остроконечными шишаками; три желѣзныхъ кольчуги; желѣзный мечъ съ серебряною рукояткою, украшенной каменьями; желѣзныя копья и наконечники стрѣлъ; бронзовый щитъ; желѣзныя удила и стремяна; двѣ золотыя византійскія монеты конца IX вѣка. Ниже, въ *кострищахъ* тѣхъ же кургановъ, открыты: саманидскій диргемъ и половина золотой византійской монеты X вѣка; дѣйствиємъ огня и времени слитые въ общую массу: два желѣзныхъ меча, 2 копья, шашка или сабля, три ножа, пара стремянъ и дротикъ; фрагменты двухъ бронзовыхъ щитовъ; желѣзные наконечники копій и стрѣлъ; бронзовый наконечникъ ноженъ кинжала; бронзовый набадашникъ; остатки золотого шитья и холстяныхъ тканей; золотыя, серебряныя, бронзовыя и костяныя пуговицы; серебряныя сережки съ привѣсками: ожерелья изъ стеклянныхъ, каменныхъ и глиняныхъ бусъ; множество серебряныхъ бляхъ различной формы и величины, украшенныхъ позолотой и рѣзбой различныхъ рисунковъ; бронзовыя бляхи различныхъ рисунковъ; бронзовые бубенчики; бронзовыя и желѣзныя пряжки и кольца; костяныя гребенки, украшенныя рѣзбой; игральныя кости; рѣзныя костяныя украшенія; желѣзныя удила и стремяна; бронзовыя, желѣзные и глиняные сосуды; остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами; желѣзные замки и ключи; желѣзные ножи съ костяными ручками; каменные оселки; желѣзныя огнива съ кремнями къ нимъ; желѣзные топоры и долота; желѣзные гвозди; множество мелкихъ золотыхъ, а также мелкихъ и крупныхъ серебряныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ слитковъ; обугленныя зерна ржи, овса, ячменя и пшеницы; желѣзные серпы; обугленныя кости челоуѣка и разныхъ животныхъ; и пр. См. „Труды третьяго (Кіевскаго) археологическаго съѣзда въ Россіи“; стр. 189—194, 209 и слѣд.

2. *Обрядъ похоронъ*, раскрытый раскопками въ курганахъ содержащихъ сосуды со жженными человѣческими костями (*пепельницы или праховницы*), отличается отъ обряда похоронъ кургановъ съ кострищами тѣмъ, что покойниковъ сожигали не на мѣстѣ кургановъ, хранящихъ ихъ остатки. Послѣ сожженія, перегорѣвшія кости собирали въ глиняный сосудъ и ставили ихъ въ приготовленный курганъ. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ это видно по находимымъ въ праховницахъ остаткамъ украшеній, состоящихъ изъ бусъ, сережекъ, колець, пряжекъ и пр. *Вмѣстѣ съ трупомъ челоуѣка сожигали домашнихъ животныхъ*, а потому почти въ каждомъ погребальномъ сосудѣ различаются жженныя кости челоуѣческія и различныхъ домашнихъ животныхъ, преимущественно птицъ. Иногда въ одномъ курганѣ встрѣчаются два, даже три сосуда со жженными челоуѣческими костями. Часто, рядомъ съ сосудами, содержащими жженныя кости, встрѣчаются *сосуды пустые*, заключающіе въ себѣ только землю, а иногда землю и кости несожженныхъ животныхъ; эти сосуды (*стравницы*) содержали въ себѣ пищу и питье, поставленныя въ могилу. Обрядъ погребенія въ курганахъ съ праховницами соотвѣтствуетъ слѣдующимъ свидѣтельствамъ *Нестора* и арабскаго писателя первой половины X вѣка *Ибнъ-Даста*: „*Радимичи, Вятичи и Сѣверъ* одинъ обычай имяху.... Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемя творяху кладу велику, и възложяхуть на кладу *мертвеца и сожжяху; а посемя, собравши кости, вложяху въ судину малу и поставяху на столпъ на путьхъ*, еже творять *Вятичи и нынѣ*. Си же творяху обычая *Кривичи, прочіи поганіи*, не вѣдуща закона Божія, но творяще сами собѣ законъ“¹⁾; „когда умираеть кто либо у *Славянъ*, они *сожигаютъ трупъ* его.... На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило. *собираютъ пепель и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ*“²⁾.

3. Курганы съ остатками трупосожженія представляютъ собою могилы лицъ богатыхъ и болѣе знатныхъ, а курганы съ несожженными *остовами прикрываютъ собою могилы черни, бѣдняковъ*, почему, сравнительно съ курганами трупосожженія, курганы съ костями

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, „Пособіе“, № II, стр. 15, п. 8.

²⁾ „Пособіе“, с. 84. А. Гаркави: „Сказ. мусульм. писат.“; стр. 264, 265. Ибнъ-Даста. Курганныя кладбища съ остатками трупосожженія сохранились въ Черниговѣ; въ Черниговскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Съднева; подъ Стародубомъ, у села Левинки; въ Глуховскомъ уѣздѣ, у села Волокитина; въ Курскомъ уѣздѣ, у села Ключквы; во множествѣ другихъ мѣстностей, принадлежавшихъ Руссамъ языческой эпохи.

сохранились въ большемъ количествѣ, составляя *кладбища*, заключающія въ себѣ *нерѣдко сотни, а иногда и тысячи могилъ*. Представляя собою земляныя насыпи, рѣдко болѣе трехъ аршинъ отвѣсной высоты и сорока аршинъ въ окружности основанія, курганы съ костяками прикрываютъ *могильныя ямы*, формы могилъ нашего времени, вырытыя въ материкѣ на глубину отъ одного до трехъ аршинъ, *съ костяками безъ украшеній и бѣдно украшенными*, въ положеніи: *головою на западъ, на спину, руки сложены на груди или на животъ, съ признаками истлѣвшихъ гробовъ* изъ досокъ, иногда связанныхъ желѣзными гвоздями ¹⁾.

Русская, именно сѣверянская, народность описанныхъ трехъ видовъ кургановъ *доказывается* совокупностью слѣдующихъ данныхъ: *извѣстіями русскихъ лѣтописей о Черниговѣ и Переяславль, какъ политическихъ центрахъ русскаго племени Сѣверянъ, обитавшихъ въ сказанныхъ городахъ въ X вѣкѣ, къ которому относятся монеты, найденныя въ черниговскихъ курганахъ; языческимъ способомъ погребенія, раскрытымъ въ курганахъ, содержавшихъ сказанныя монеты и*

¹⁾ Форма, величина, внутреннее устройство и содержаніе курганныхъ кладбищъ съ костяками совершенно одинаковы въ уѣздахъ Черниговскомъ, Новгородсѣверскомъ, Стародубскомъ, Переяславльскомъ, Курскомъ и другихъ областяхъ, принадлежавшихъ сѣверянскому племени въ IX и X столѣтіяхъ. При остовахъ встрѣчаются: *у оловы*: золотыя, серебряныя и бронзовыя сережки; серебряныя и бронзовыя привѣски, въ формѣ подумѣсяца; бусы различнаго состава; мелкія бронзовыя пуговицы; *у рукъ*: серебряныя и бронзовыя кольца; *у пола*: бронзовыя и желѣзныя пряжки и желѣзные ножики; встрѣчаются остатки кожаной обуви, глиняные сосуды, желѣзныя кирки и пр. Только одинъ курганъ этого вида, разрытый нами подъ Черниговомъ, при впаденіи рѣчки Бѣлоуса въ Десну, заключалъ въ себѣ болѣе богатое содержаніе. Курганъ этотъ былъ господствующимъ въ группѣ могилъ, состоявшей изъ 62 насыпей; имѣлъ 60 аршинъ въ окружности основанія и 4 аршина отвѣсной высоты; подъ нимъ открыта могила въ размѣрѣ 3 аршинъ длины и ширины и 4 аршинъ глубины; на двѣ могилы обнаружены человѣческой и лошадиный остовы, погребенные рядомъ и обращенные головами на западъ; при остовахъ найдены: глиняный сосудъ, желѣзный серпъ, шесть бронзовыхъ пуговокъ, четыре бронзовыя рѣзные бляхи, желѣзное огниво и два кремня къ нему; каменный оселокъ и желѣзный ножикъ; желѣзный топоръ; желѣзный наконечникъ копья; желѣзныя удила, стремяна и пряжки; остатки двухъ ведеръ съ желѣзными обручами. Перечисленные предметы изъ кургановъ съ костяками совершенно сходны съ такими же предметами, найденными въ описанныхъ курганахъ съ кострищами.

соответствующимъ обрядамъ погребенія русскихъ племенъ X вѣка, описаннымъ Несторомъ и арабскими писателями; полнымъ сходствомъ по формамъ и составу предметовъ быта, найденныхъ въ курганахъ съ кострищами, съ погребальными сосудами и костяками, раскопанныхъ подь Черниговомъ, Сѣдневомъ, Переяславлемъ, Стародубомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, бывшихъ общественными селитьбами и могильниками Руссовъ IX и X столѣтій¹⁾.

Клады.

Древнимъ кладомъ называется *имущество, сокрытое въ землю и не взятое оттуда владельцемъ*. Древнимъ народамъ земля замѣняла сохранные банки нашего времени. Отлучаясь изъ дому по дѣламъ торговымъ, военнымъ и пр., предки наши прятали въ землю свои капиталы, обозначая пункты кладовъ извѣстными примѣтами, по которымъ, возвратившись, находили ихъ. Но въ случаѣ смерти владѣльца, земля хранила ввѣренную ей тайну, и кладъ могъ пролежать въ ней тысячи лѣтъ неоткрытымъ.

Обыкновеніе прятать въ землѣ имущество существовало во всѣ историческія эпохи. Клады, случайно открытыя въ наше время, дѣлятся по времени на такія же группы, на какія разбиты нами древнія могилы. Клады *доисторическаго времени*, принадлежащія народамъ неизвѣстныхъ именъ, *содержатъ въ себѣ предметы быта народовъ каменной и бронзовой культуры*²⁾. Клады *скивской эпохи* содержатъ въ себѣ монеты и другія издѣлія греческаго и скивскаго

¹⁾ Подробное описаніе устройства и содержанія славянорусскихъ могилъ языческой эпохи и изложеніе доказательствъ русской народности черниговскихъ кургановъ и сходныхъ съ ними по устройству и содержанію, открытыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, см. въ рефератѣ Д. Самохвасова: „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи“, помѣщенномъ въ I томѣ „Трудовъ Кіевского археолог. съѣзда“ 1874 года, стр. 185—224.

²⁾ Примѣромъ *кладовъ каменной эпохи* можетъ служить находка 1816 года въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ Луганскаго желѣзнодорожнаго завода: „Мастеровые Луганскаго завода, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ земли Войска Донскаго, при копаніи канавы, наступили на горшокъ порядочной величины. Надѣясь обрѣсти въ немъ по крайней мѣрѣ сокровища Креза, мастеровые разбили его; но вмѣсто золота нашли въ немъ множество стрѣлъ, ножей, пикъ и пр.—все изъ чистою кремня, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвее; зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ... По необык-

искусства до времени завоеванія Дакіи Римлянами¹⁾. Клады сарматской эпохи заключаютъ въ себѣ монеты и другіе предметы греческаго, скиео-сарматскаго и римскаго искусства со времени завоеванія Дакіи Римлянами до времени появленія въ европейской исторіи мѣстныхъ именованій скиео-сарматскихъ народовъ Вендами, Склавинами и Антами²⁾. Клады славянорусской эпохи относятся ко времени съ V в. послѣ Р. Х. до рецепціи христіанства славянорусскими племенами и заключаютъ въ себѣ монеты и другія издѣлія византійскаго, нѣмецкаго, арабскаго и славянскаго искусства³⁾.

новенной чистотѣ камня, трудной отдѣлкѣ и желанію сохранить сіе сокровище можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, составляли богатство какого нибудь древнѣйшаго обитателя сей страны“. „Древности. Археологическій Вѣстникъ Моск. Арх. Общ.“; т. I, изд. 1867 г., стр. 29, 30. Подобная же находка была сдѣлана въ началѣ 60-хъ годовъ у деревни Гамарни, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи. Распахивая поле при впаденіи рѣки Россавы въ рѣку Рось, крестьянинъ задѣлъ плугомъ глиняный сосудъ, имѣвшій форму малороссійской макитры, въ которомъ оказались: нѣсколько десятковъ кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, два каменныхъ топора, со сверлинами, и каменный молотъ. Примѣромъ клада предметовъ бронзовой культуры можетъ служить находка 1869 года въ Калишской губ., Ленчицкомъ уѣздѣ, у села Белдова, состоявшая изъ бронзоваго сосуда, бронзоваго меча, бронзовыхъ напейниковъ и бронзовыхъ браслетъ. Изъ этого клада, открытаго при распашкѣ луга, были доставлены проф. А. И. Павинскому сосудъ, мечъ, 3½ напейника и 22 браслета (переданы на храненіе въ Краковскую академію). Недавно найденъ богатый кладъ бронзовыхъ орудій (косъ, топоровъ, ножей и пр.) въ Самарской губерніи, поступившій въ Московскій Историческій Музей.

1) Примѣрами кладовъ скиеской эпохи могутъ служить: богатый кладъ золотыхъ украшеній, найденный въ Галиціи и поступившій во владѣніе гр. Пржездзецкаго; кладъ Шубинскій, открытый въ окрестностяхъ Кракова, состоявшій изъ 39-ти монетъ Леинъ, Эгины и Ольвиі, относящихся къ IV вѣку до Р. Хр.; кладъ, открытый на Таманскомъ городищѣ есауломъ Пуленцовымъ, состоявшій изъ золотыхъ монетъ Пантывапеи и Цизики; и т. д. См. *D. K. Levesov*: „Ueber mehrere in G. Posen gefundene uralte griech. Münzen“. Berlin 1834. *A. Ашика*: „Воспорское Царство“; ч. II, стр. 17 и слѣд.

2) Свѣдѣнія о кладахъ сарматской эпохи см. въ нашемъ рефератѣ о происх. польс. и рус. Славянъ, напеч. въ „Трудахъ“ VIII археологическаго съѣзда.

3) Свѣдѣнія о кладахъ этого времени, открытыхъ до 1846 года, собраны въ соч. *П. С. Савельева*: „Мухаммеданская нумизматика въ Исторіи русскаго права. Д. Самоковасовъ.

Значеніе вещественныхъ памятниковъ для историка
и юриста-историка.

Въ ряду средствъ познанія условій быта нашихъ предковъ языческой эпохи вещественные памятники занимаютъ важное мѣсто. Археологія даетъ возможность *познать и опредѣлить формы, составъ и способы изготовленія многихъ* предметовъ древняго домашняго и общественнаго быта, неизвѣстныхъ письменнымъ памятникамъ, или извѣстныхъ имъ только въ названіи; поясняетъ темныя и дополняетъ неполныя извѣстія письменныхъ памятниковъ, давая многимъ изъ нихъ значеніе положительныхъ историческихъ фактовъ; даетъ много новыхъ фактовъ, характеризующихъ условія религіознаго, государственнаго, гражданскаго и домашняго быта нашихъ предковъ со времени Геродота до времени рецепціи христіанства русскими Славянами.

Основываясь на Нестеровомъ сопоставленіи языческихъ обычаевъ съ христіанскими, по которому *„Древляне живяху звырьскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица, и Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсъ, якоже всякій звырь, ядуще вся нечисто“*¹⁾, Шлецеръ, Карамзинъ, Эверсъ, Каченовскій, Погодинъ, Сергѣевичъ и многіе другіе историки и юристы-историки признавали славянорусскія племена языческой эпохи народами дикими, неимѣвшими никакихъ сношеній съ иноземными народами, незнавшими учрежденій и предметовъ, свойственныхъ культурнымъ народамъ своего времени. Свидѣтельства же иноземныхъ писателей и Несторова лѣтописнаго свода о сношеніяхъ Руссовъ съ иноземными народами, о русскихъ княженіяхъ, князьяхъ, городахъ и т. д., признавались или неотносящимися къ исторіи нашихъ предковъ или позднѣйшими вставками въ Несторовъ сводъ. Открытыя въ наше время подземныя хранилища древностей реставрируютъ намъ условія быта русскихъ Славянъ языческой эпохи въ новомъ свѣтѣ²⁾,

отношенія къ русской исторіи.“ С.-Петербургъ 1846 г. Русское Археол. Общество, по инициативѣ А. А. Куника, предприняло пополненіе труда Савельева находками кладовъ съ византійскими и восточными монетами, открытыми въ Россіи за послѣднее сорокалѣтіе. См. „Записки Имп. Рус. Арх. Общества“, т. II, вып. III, С.-Петербургъ. 1887 г., стр. СLI и слѣд.

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 6. Приложение № II, стр. 15.

²⁾ Закончивая свой обзоръ монетныхъ кладовъ, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, и указавъ на ученіе Шлецера, по которому „древніе

Фактъ существованія въ Русской землѣ множества городищъ, остатковъ укрѣпленій общественныхъ поселеній, а при нихъ общественныхъ кладбищъ языческаго содержанія, состоящихъ изъ сотенъ и тысячъ могилъ, доннынѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаются громадныя могильныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ, доказываетъ существованіе у Руссовъ языческой эпохи общественныхъ союзовъ, общественныхъ главъ и множества городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. Сходные обряды погребенія, открываемые въ могильникахъ Руссовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни и тысячи верстъ, доказываютъ существованіе одинаковыхъ обычаевъ у политически разрозненныхъ славянскихъ племенъ языческой эпохи, наслѣдованныхъ ими отъ Праславянъ, принесенныхъ въ новую родину изъ общей славянской прародины. Различная величина могильныхъ насыпей въ общественныхъ кладбищахъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ той или другой могилѣ, доказываютъ неравенство общественнаго положенія и имущественнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ въ древнерусскихъ обществахъ. Находимыя въ кладахъ и могилахъ монеты указываютъ на отдаленныя сношенія нашихъ предковъ съ другими народами, опредѣляютъ направленія такихъ сношеній и культурныя вліянія на бытъ нашихъ предковъ ихъ сосѣдей въ разныя историческія эпохи. Содержаніе славянорусскихъ городищъ, могильниковъ и кладовъ реставрируетъ передъ нами домашнюю жизнь Славянорусса-язычника. Найденны въ русскихъ языческихъ могилахъ остатки холстяныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и парчевыхъ тканей; разныя формы и различнаго состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, фибулы, булавки; шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копыя, дротики, кинжалы, стрѣлы; глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды; роговые кубки, украшенные серебряными узорчатыми бляхами; замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, игральныя кости

обитатели Россіи жили подобно Ирокойцамъ и Алгонкинцамъ, не имѣя никакихъ товаровъ, просвѣщенія, денегъ и грамоты“, П. С. Савельевъ высказалъ слѣдующее заключеніе: „Прошло около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, и источники, дотолѣ неизвѣстные, бросили новый свѣтъ на состояніе нашего древняго Сѣвера. Системы Шлецера рушатся сами собою; но его фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время останавливали успѣхи нашей юной исторіографіи, не выходившей изъ подъ фєрулы своего нѣмецкаго учителя“. „Мухам. Нумизматика“, стр. ССXXXII.

(шашки, зернь и бабки); удила, стремяна и стремянья пряжки; серпы и хлѣбныя зерна (рожь, овесь, ячмень и пшеница), найденныя въ языческихъ могилахъ, доказываютъ земледѣльческой бытъ язычника Славянорусса; стравницы, остатки погребальныхъ трианъ, остатки жертвоприношеній, изображенія божковъ и другіе предметы языческихъ кургановъ поясняютъ вѣрованія нашихъ предковъ.

Слѣдовательно, по результатамъ археологическихъ раскопокъ. Славяноруссы языческой эпохи, не „живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь“, не жили „только въ обособленныхъ другъ отъ друга охотничьихъ хижинахъ и пастушескихъ шалапахъ, отдѣльными семействами и родами.“ По свидѣтельствамъ вещественныхъ памятниковъ русскіе Славяне эпохи язычества были народы земледѣльческіе, сплоченные въ общественные союзы, имѣли съ глубокой давности и до времени рецепціи христіанства въ Россіи сношенія съ цивилизованными народами южной Европы и владѣли предметами искусства и учрежденіями, свойственными цивилизованнымъ народамъ того времени.

4. Архаическіе слѣды въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени.

Жизнь политическихъ обществъ подчинена законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма (самосохраненія), въ силу которыхъ политическія и юридическія отношенія каждаго народа данной эпохи сохраняютъ очень многое отъ предыдущихъ эпохъ. Нововведенія законодателя проникаютъ въ народное сознаніе медленно; часто въ теченіе многихъ столѣтій они регулируютъ собою только отношенія лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ населенія въ государствѣ, а низшіе классы сохраняютъ соціальныя отношенія, основанныя на древнихъ нормахъ обычнаго права. Знакомому съ сельскимъ бытомъ русскаго народа нашего времени извѣстно, что крестьянинъ не знаетъ Свода законовъ Россійской Имперіи, а опредѣляетъ свои отношенія къ обществу понятіями о правѣ, регулировавшими семейный и общественный бытъ русскаго народа въ давнопрошедшемъ. Благодаря законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма политической жизни, привязанности народа къ обычаямъ его предковъ, историкъ-юристъ настоящаго времени имѣетъ возможность пополнить нѣкоторыя пробѣлы въ историческихъ матеріалахъ языческаго періода изученіемъ архаическихъ остатковъ въ правѣ русскаго народа христіанскаго времени, наблюдаемыхъ даже въ дѣйствующемъ обычномъ народномъ правѣ нашего времени.

Многіе обычаи, дѣйствовавшіе и дѣйствующіе въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени, особенно изъ относящихся къ сферамъ обычнаго семейнаго права и обычныхъ народныхъ вѣрованій, по времени ихъ происхожденія, несомнѣнно относятся къ эпохѣ язычества. Несомнѣнною мѣрою древности такихъ обычаевъ является содержаніе христіанскаго ученія. Встрѣчая въ дѣйствовавшемъ и дѣйствующемъ правѣ обычаи, противные содержанію христіанской религіи, мы имѣемъ право отнести время ихъ происхожденія къ эпохѣ язычества; слѣдовательно, выбравъ обычаи русскаго народа, противные христіанской религіи, изъ литературныхъ памятниковъ и сборниковъ обычнаго права христіанскаго времени, юристъ-историкъ можетъ употребить ихъ какъ матеріалъ, дополняющій и разъясняющій свидѣтельства другихъ источниковъ о содержаніи системы права Славяноруссовъ языческой эпохи. Напримѣръ, въ Несторовомъ описаніи семейныхъ обычаевъ русскихъ племенъ языческой эпохи говорится: „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ...; брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“. Это, непонятное само по себѣ свидѣтельство, дополняется и разъясняется позднѣйшими памятниками русскаго права и дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычнымъ правомъ. Въ отрывкѣ Переяславльскаго свода русскихъ лѣтописей говорится: „Брака у Древлянъ нѣтъ; воровски на коняхъ подѣзжаютъ къ чужимъ жилищамъ, и гдѣ увидятъ у воды дѣвицъ или женъ молодыхъ, то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними“¹⁾. Въ Уставной Грамотѣ кн. Ростислава Мстиславича, данной Смоленской епископіи въ 1150 году, въ числѣ преступленій, подсудныхъ епископу, упоминается „уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку“²⁾. Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны, сообщаетъ о существовавшемъ еще въ XVI вѣкѣ въ Малороссіи обычай похищать невѣсты: „Похитившій дѣвушку, говоритъ онъ, долженъ былъ бѣжать со своею добычею въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ; если же его открывали ранѣе того срока, то лишали жизни; по истеченіи трехъ сутокъ послѣ похищенія, похищенной предоставлялось право объявить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; если давалось такое согласіе, то похититель, подѣ страхомъ смерти, не могъ отказаться отъ брака съ похищенною; если же похищенная не давала согласія на бракъ съ похитителемъ, то они расходились“. Даже въ нынѣ дѣйствующихъ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ

¹⁾ Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1851 г., кн. IX; Переяславльская лѣтопись; стр. 3.

²⁾ Дополн. къ Акт. Истор.; т. I, стр. 7.

нѣкоторыхъ мѣстностей сохранились слѣды умычки языческой эпохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи, по обычному праву, наряженнаго жениха ставятъ обѣими ногами на сковороду (плоскій желѣзный сосудъ, на которомъ пекутъ блины), а лица, назначенныя сопутствовать жениху въ поѣздѣ за невѣстою, въ числѣ не менѣе 6 человекъ, должны обступить жениха и поставить правыя ноги на ту же сковороду, причемъ всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, а шаферъ—друзко произноситъ слѣдующія слова: „Ну, цѣлуйте Божье милосердіе: чтобъ стоять намъ другъ за друга, брать за брата до единой капли крови“. Происхожденіе этого обряда, составляющаго родъ присяги, очевидно относится къ эпохѣ язычества, а христіанскій оттѣнокъ онъ получилъ уже по рецепціи христіанства. Этотъ обрядъ указываетъ на языческій обычай умычки невѣсты цѣлою толпою непріятелей¹⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ русскаго народа женихъ часто называется чужаниномъ или чужбининимъ, окружень недругами невѣсты; чтобъ достать невѣсту, онъ долженъ ломать стѣну, пускать стрѣлы, ломать замки и проч.²⁾. Такимъ образомъ, непонятное само по себѣ извѣстіе Нестора объ умычкѣ, при сопоставленіи съ обычнымъ семейнымъ правомъ русскаго народа христіанской эпохи, является вполне понятнымъ указаніемъ на обычай похищенія женщинъ, на одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія женъ по праву Руссовъ языческой эпохи.

Позднѣйшіе памятники русскаго права и современное намъ обычное право русскаго народа разъясняютъ также, что слова Нестора: „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ...; брака у нихъ не бываше...; и Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху..., браци не бываху въ нихъ...; си же обычай творяху Кривичи и прочіи поганые“, не должны быть понимаемы буквально, въ томъ смыслѣ, что русскія племена языческой эпохи не знали союза брачнаго, супружескаго. Самъ Несторъ говоритъ, что „Радимичи, Вятичи, Сѣверяне... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“³⁾, то есть Руссы языческой эпохи имѣли брачный союзъ, которымъ отличалась законная жена отъ наложницы,—отличалось постоянное супружеское сожительство отъ временнаго физическаго союза. Митрополитъ Іоаннъ (XII вѣка), въ поученіи черноризцу Якову, осуждая язы-

¹⁾ См. Шпилевскаго: „Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ“; 1869 г., стр. 24 и слѣд.

²⁾ Тамъ-же; стр. 30 и 31.

³⁾ П. С. Р. Л.; I, 6. Приложение, № II, с. 15.

ческие обычаи, говорить: „Не бывает на простых людях благословенія вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людѣмъ яко именемъ и плесканіемъ“; митрополитъ Кириллъ (XIII вѣка), въ одномъ изъ своихъ посланій, говорить: „Се слышахомъ въ предѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, и то проклинати повелѣваемъ“¹⁾. Древнѣйшія указанія на языческіе способы расторженія брака встрѣчаемъ у иностранныхъ писателей Герберштейна и Барбарини. Герберштейнъ упоминаетъ о разводныхъ грамотахъ, которыя тщательно скрывались русскимъ народомъ, потому что были противны христіанской религіи²⁾; Барбарини описываетъ древній обрядъ брачнаго развода, состоявшій въ томъ, что мужъ и жена шли къ проточной водѣ и тамъ, взявши за концы тонкую холстину, переброшенную черезъ рѣчку или ручей, тянули ее, пока не разрывали, а послѣ того расходились и дѣлались свободными³⁾.

Въ историческихъ памятникахъ и обычаяхъ русскаго народа христіанскаго времени находимъ указанія, дополняющія и разъясняющія факты, полученные посредствомъ археологическихъ раскопокъ. Раскопки сами по себѣ не объясняютъ намъ, почему языческія могилы часто покрыты курганами; почему въ языческихъ курганахъ, надъ могилами, часто встрѣчаются черепки битой посуды, расколотыя и обглоданныя кости животныхъ, скорлупа яицъ, уголь и проч.; почему въ могилахъ, рядомъ съ остатками погребенныхъ покойниковъ, встрѣчаются остовы животныхъ и разные предметы быта: сосуды, вооруженіе, оружіе, домашнія орудія. Свидѣтельства писателей христіанскаго времени объясняютъ, что насыпи надъ могилами имѣли значеніе могильнаго памятника; черепки битой посуды, расколотыя кости и другіе предметы, находимые надъ могилами, представляютъ собою остатки тризны, языческихъ погребальныхъ трапезъ; помѣщеніе въ могилѣ покойника разныхъ предметовъ быта было связано съ языческимъ вѣрованіемъ въ загробную жизнь, по которому брошенные въ могилу предметы должны были служить покойнику въ загробной жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи) сохранился обычай бросать въ могилу покойника монету; похоронивъ покойника, въ домъ его, на окнѣ, ставятъ сосудъ съ водою, остающійся здѣсь

¹⁾ „Русскія достопамятности“; 1815 г.; стр. 101.

²⁾ „Записки о Московіи“; переводъ Анонимова; изд. 1866 г., стр. 74-я.

³⁾ См. Шпилевскаго: „Семейн. Власти“; стр. 142.

40 дней, въ теченіе которыхъ, по народному вѣрованію, душа покойника ежедневно возвращается въ домъ свой и утоляетъ жажду изъ сказаннаго сосуда; иногда, рядомъ съ водою, ставятъ блины, или другую закуску. Повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ существуетъ, или еще недавно существовалъ обычай поминать покойниковъ на ихъ могилахъ, при чемъ оставляются на могилахъ яйца, пироги, вареники и проч. Повсемѣстно распространенный обычай погребальныхъ обѣдовъ въ низшихъ классахъ русскаго народа имѣетъ языческой характеръ: предполагается, что душа покойника присутствуетъ на обѣдѣ и раздѣляетъ трапезу; кусокъ пищи, свалившійся съ поминальнаго стола, запрещается подымать какъ выбранный покойникомъ; и т. д. Эти и подобные имъ обычаи представляютъ собою несомнѣнные слѣды язычества, потому что не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго ученія, по которому душа покойника тотчасъ послѣ смерти прерываетъ всѣ связи съ земнымъ міромъ и не нуждается ни въ чемъ вещественномъ.

Точно также въ народныхъ вѣрованіяхъ въ домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ, въ народныхъ праздникахъ Коляды, Ивана Купала, Лады, Палея, Царя-Града и т. д., равно въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ народные праздники, сохранилось много несомнѣнныхъ слѣдовъ *языческихъ вѣрованій и языческаго фестивального права*¹⁾.

Вышеизложенные примѣры показываютъ возможность и необходимость пользоваться обычнымъ правомъ русскаго народа, какъ средствомъ познанія языческой системы права Руссовъ по отношенію къ нормамъ *семейнаго права, религіознаго, погребальнаго и фестивального*. Что же касается другихъ сферъ права, то наука нашего времени еще не располагаетъ такою несомнѣнною мѣрою древности народныхъ обычаевъ, какъ вышеуказанная по отношенію къ религіознымъ понятіямъ и семейнымъ обычаямъ и обрядамъ. Отсутствіе вѣрныхъ средствъ распознанія обычаевъ языческаго происхожденія отъ обычаевъ позднѣйшихъ историческихъ эпохъ дѣлаетъ невозможнымъ пользование обычнымъ правомъ настоящаго времени, какъ средствомъ познанія языческаго права Руссовъ по отношенію къ сферамъ права государственнаго и уголовнаго.

¹⁾ См. А. Н. Афанасьева: „Поэтическія Воззрѣнія Славянъ на природу.“ 3 тома. Изд. 1865—9 г.г. Литературу по обычному праву русскаго народа см. въ изданіи Е. Якушкина: „Обычное право. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права“; двѣ части. Ярославль. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи“; т. I. Изд. 1877 г. П. Загоскина: „Наука ист. рус. права“, изд. 1891 г.

5. Праславянская терминологія.

Сравнительное изученіе языковъ привело лингвистовъ къ предположенію *пранарода*,—*общаго предка всѣхъ народовъ индоевропейскаго происхожденія*, обитавшаго въ средней Азіи, въ областяхъ древней Аріи, откуда вышли колоніи въ области южной Азіи и въ Европу. Арійскіе колонисты, отдѣлившись другъ отъ друга географически, съ теченіемъ времени разошлись между собою и этнографически. Соответственно новымъ этнографическимъ образованіямъ видоизмѣнялись первоначальныя формы *индоевропейскаго праязыка*, также распавшагося на новыя обособленныя другъ отъ друга языки. Видоизмѣняясь въ своихъ формахъ по различію мѣстныхъ условій жизни арійскихъ колоній, *индоевропейскій праязыкъ продолжалъ жить въ корняхъ многихъ словъ*, обозначающихъ въ новыхъ индоевропейскихъ языкахъ одни и тѣ же понятія¹⁾. Отсюда, *выдѣливъ слова съ общими корнями*, обозначающія въ новыхъ языкахъ одни и тѣ же понятія, *наука получаетъ возможность узнать многие предметы, бывшіе извѣстными индоевропейскому пранароду*, а слѣдовательно, познать нѣкоторыя условія его культурнаго и гражданскаго быта.

Сказаннымъ путемъ доказываютъ, что уже *до времени географическаго разобщенія и этнографическаго обособленія* другъ отъ друга народовъ индійскихъ, иранскихъ, греческихъ, латинскихъ, кельтическихъ, германскихъ, литовскихъ и славянскихъ *были извѣстны индоевропейцамъ многие предметы и учрежденія, неизвѣстныя народамъ*

¹⁾ Напримѣръ, понятіе *матери* выражается:

въ индійскомъ языкѣ	словомъ	<i>mātr.</i>
„ зендскомъ	„	<i>mata.</i>
„ персидскомъ	„	<i>mader.</i>
„ греческомъ	„	<i>meter.</i>
„ латинскомъ	„	<i>mater.</i>
„ германскомъ	„	<i>mutter.</i>
„ славянскомъ	„	<i>mati.</i>

Понятіе *отца* выражается:

въ индійскомъ языкѣ	словомъ	<i>pitr.</i>
„ зендскомъ	„	<i>pata.</i>
„ персидскомъ	„	<i>pader.</i>
„ латинскомъ	„	<i>pater.</i>
„ греческомъ	„	<i>pater</i> и <i>atta.</i>
„ германскомъ	„	<i>fader</i> и <i>fater.</i>
„ славянскомъ	„	<i>papa</i> и <i>otec.</i>

низшихъ степеней культурнаго и гражданскаго развитія (народамъ сидячаго и бродячаго состояній¹⁾).

Такимъ же способомъ возможно познать многіе предметы и учрежденія *Праславянъ*,—*народа-предка нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ*. По свидѣтельству Нестора, Праславяне занимали западную часть древней европейской Скиѣи, гдѣ нынѣ земли Болгарская и Венгерская. Географическій и политическій разрывъ Скиѣовъ древнихъ греческихъ историковъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ образованіе народовъ новыхъ именъ, говорившихъ однимъ праславянскимъ языкомъ.

Послѣдующая *исторія разобщенныхъ Скиѣовъ-Праславянъ*,—Чеховъ, Сербовъ, Болгаръ, Хорватъ, Хорутанъ, Ляховъ и Руссовъ *образовала существующія нарѣчія праславянскаго языка*.

Сравненіе новѣйшихъ славянскихъ нарѣчій или языковъ даетъ возможность выдѣлить изъ общеславянскаго словаря слова, означающія въ древнихъ памятникахъ славянской письменности и въ настоящее время одни и тѣ же понятія, предметы и учрежденія. Слова этой категоріи несомнѣнно сформировались еще до времени географическаго и этнографическаго разобщенія славянскихъ народовъ, до времени образованія новѣйшихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ *общеславянская терминологія является наслѣдствомъ отъ языка Праславянъ*, общаго ихъ предка. Отсюда понятно, что общеславянская терминологія представляетъ собою матеріалъ, дающій возможность познать многіе предметы, понятія и учрежденія народа-праотца, общаго предка существующихъ нынѣ славянскихъ народовъ.

Общеславянская терминологія доказываетъ, что уже предки новѣйшихъ славянскихъ народовъ,—*Праславяне имѣли неподвижныя*

¹⁾ Пранародъ-праотець народовъ индоевропейскаго происхожденія уже зналъ металлы (золото, серебро и мѣдь), культурныхъ животныхъ (собаку, барана, козу, свинью, быка и лошадь) и культурныя растенія (гречиху и пшеницу); скоть имѣлъ у него значеніе имущества и предмета мѣны; счетъ онъ велъ десятками; умѣлъ плести, ткать, шить, изготовлять искусственныя орудія для добыванія пищи и самозащиты; зналъ семейныя учрежденія и отношенія (что доказываютъ слова съ общими корнями, обозначающія въ новѣйшихъ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятія отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, мужа, жены и вдовы). См. *Pictet: Les origines Indo-europées ou les Arias primitifs*⁴ (t. I, 1850; t. II, 1863 an. Paris). *Geiger: Ursprung und Entwicklungsgeschichte der Menschheit*. Stuttgart. 1871. *Шрадера: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія*. Лингвистико-историческіе матеріалы для изслѣдованія индоевропейской древности. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886 г.

*жилища*¹⁾, обставленныя разнообразною домашнею утварью²⁾, изготовленную не только изъ дерева, кости, глины и камня, но и различныхъ *металловъ со включеніемъ желѣза*³⁾; промышленныя *земледѣлія*⁴⁾; питались *культурными* растеніями и животными⁵⁾; изъ минераловъ, растений и животныхъ умѣли добывать разныя вещества на свои потребности⁶⁾; знали многія внутреннія свойства растеній, примѣняемыя къ потребностямъ питанія, техники и медицины⁷⁾; одѣвались въ *полотняныя и шерстяныя ткани*, украшенныя разными орнаментами⁸⁾; знали спеціальныя *ремесленные промыслы*⁹⁾; музыкальныя потребности удовлетворяли искусственными инструментами¹⁰⁾; знали употребленіе условныхъ знаковъ для выраженія мыслей посредствомъ *письма*¹¹⁾; жили *въ городахъ, устанавливая и поддерживая общественный порядокъ жизни посредствомъ законовъ и спеціальныхъ органовъ общественной власти и суда*¹²⁾.

1) Общеславянскіе термины: дворъ, домъ, стѣна, стрѣха, окно, дверь, печь, труба.

2) Столы, стулья, возы, колеса, ложки, иглы, долота, ножи, сѣкиры, пилы, копьѣ-ратища, стрѣлы, мечи и пр.

3) Золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо.

4) Плугъ, рало, лемешъ, серпъ, копа, снопъ.

5) Ленъ, конопля, жито, ячмень, овесъ, пшеница, просо; яблони, груши, сливы, макъ, горохъ, дыни, огурцы, хрѣнъ; гусь, утка, курица; пестъ, овца, коза, свинья, оселъ, верблюдъ, корова, конь, пчела.

6) Глина, стекло, смола, деготь, клей, вино, масло, молоко, сыръ, воскъ, лой (сало), свѣчи и пр.

7) Горчица, глистникъ, дурманъ, маточникъ, медуница, мята, подбѣлъ, мухоморъ, липа и пр.

8) Полотно, вонна (шерсть), рубахи, ризы, плащи, обручи, браслеты, перстни, бисеръ.

9) Коваль, ткачъ, суконщикъ, золотарь.

10) Гусли, бубны, трубы, дудки.

11) Писать, письмо и перо, какъ орудіе письма.

12) Градъ, сеймъ; обычай, законъ, рядъ, уставъ, правда, право; семья, родъ, племя, община; панъ, староста, воевода, владыка, князь; судъ, судья, грѣхъ, казнь; дѣдина и пр. См. *Воцеля*: „Древняя бытовая исторія Славянъ“. Перев. Н. Задерацкаго. Кіевъ 1875; гл. II. *Будиловича*: „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ“. Кіевъ. Ч. I, 1878 г., чч. II и III. 1879 г. Научная литература нашего времени, къ сожалѣнію, еще не владѣетъ сводомъ праславянскихъ терминовъ, обозначающихъ степени родства, отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, опекаемыхъ къ опекуну, властвующихъ къ под-

Изложенный выводъ науки сравнительнаго языкознанія имѣеть первостепенную важность въ дѣлѣ познанія исторіи права всѣхъ славянскихъ народовъ и въ частности исторіи права Руссовъ. *Славянскіе колонисты вынесли изъ придунайской прародины въ центральныя области Европы культуру и гражданственность метрополіи.* Наши предки, знавшіе въ прародинѣ искусства строить дома и города, обрабатывать землю, разводить извѣстныя породы животныхъ и растеній, плавить металлы, одѣваться въ ткани и т. д., не могли явиться на побережья Вислы, Днѣпра, Десны, Припети и другихъ рѣкъ центральныхъ областей Европы дикими народами, какими извѣстная литературная школа представляетъ себѣ Руссовъ языческой эпохи. вмѣстѣ съ культурною обстановкой Руссы должны были вынести изъ своей метрополіи-прародины *и гражданскую обстановку своихъ предковъ.* Разъ познавъ такія общественныя учрежденія, какъ семья, городская община, общественный начальникъ, общественный судъ и пр., каждый древній языческій народъ облекалъ ихъ въ религіозную догму, освящалъ признаніемъ своихъ боговъ и хранилъ ихъ, какъ священный завѣтъ предковъ и боговъ.

6. Выводы сравнительной этнологіи.

Требованіе приложенія сравнительнаго метода къ научному познанію начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи права впервые поставлено въ сочиненіи польскаго ученаго В. Мацейевскаго, подъ заглавіемъ „*Historya prawodawstw Slowiaskich*“, въ которомъ была показана возможность и необходимость сравнительнаго изученія исторіи славянскихъ законодательствъ. Проф. Иванишевъ, въ своемъ разсужденіи „О платѣ за убійство“, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: *„Для объясненія памятниковъ російскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ и германскихъ народовъ...; законодательство каждаго отдѣльнаго народа можетъ быть понято только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ народовъ“*¹⁾.

властнымъ; нѣтъ еще и словаря общеславянскихъ терминовъ, обозначающихъ территоріальныя дѣленія, общественныя классы, преступленія и наказанія, родовую, семейную и личную собственность, обязательства, понятія наследственнаго права и вообще общеславянскихъ словъ, относящихся къ юридической терминологіи. Выполненіе этой задачи было бы важною услугою для исторіи права славянскихъ народовъ.

¹⁾ См. Иванишева: „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою

Но требованіе приложенія сравнительнаго метода къ познанію древней русской исторіи и исторіи русскаго права не было въ нашей ученой литературѣ общепризнаннымъ. Погодинъ, въ своей „Параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ“, старался доказать, что въ нашей исторіи и исторіи западныхъ государствъ „нѣтъ рѣшительно никакихъ точекъ соприкосновенія и подобія“¹⁾. По ученію Кавелина, „Россія представляетъ собою явленіе совершенно исключительное, небывалое даже среди нерусскаго славянскаго міра; въ исторіи Россіи и другихъ государствъ нѣтъ ни одной черты сходной“..., а потому, авторъ усматриваетъ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію „не въ почти *безплодномъ сравненіи съ исторією другихъ народовъ*, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ“²⁾.

Нерѣдко встрѣчаемъ въ историко-юридической литературѣ и другую крайность: бесполезныя въ научномъ отношеніи сопоставленія политическихъ учрежденій разныхъ народовъ, неимѣющихъ ничего общаго съ учрежденіями русскаго права изучаемой эпохи,—ссылки на факты исторической аналогіи, въ дѣйствительности не существующіе³⁾

Важные успѣхи естественныхъ наукъ въ нашемъ столѣтіи объясняются тѣмъ, что естествоиспытатели, оставивъ прежнія теоріи метафизиковъ, алхимиковъ и астрологовъ, съ ихъ общими, абсолютными началами, какъ бесполезныя въ дѣлѣ объясненія конкретныхъ фактовъ, обратились къ изученію простѣйшихъ элементовъ природы. Изученіе свойствъ простыхъ тѣлъ и явленій и условій, при которыхъ простыя тѣла и явленія образуютъ сложные, повело къ открытію многихъ законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ. Ученые юристы нашего времени также со-

вирую“. Кіевъ 1840 г. Предисловіе. Къ этому же направленію относятся изслѣдованія проф. С. Шпилевскаго: 1) Союзъ родств. защиты у др. Славянъ и Германцевъ. 1866 г. 2) Семейныя власти у др. Славянъ и Германцевъ. 1869 г. Казань.

¹⁾ Изсл. Зам. и Лек. т. III, стр. 493—497.

²⁾ Сочиненія; т. I, стр. 305—311.

³⁾ Напримѣръ, „во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патриархальный бытъ предшествуетъ всякому другому, естественный родъ предшествуетъ образованію общины и государства“, говорятъ одни ученые (Эверсъ, Соловьевъ, Кавелинъ); „общинность доказывается высшимъ закономъ всей исторіи, которая *всегда и вездѣ начинается общиною*“, говорятъ другіе (Лешковъ); „первоначальное состояніе и первоначальный видъ *всякаго общественнаго строя—адруга*“; и т. д. См. Д. Самоквасова: Ист. Рус. Права; в. I; гл. V, стр. 76. Изд. 1896 г.

знають уже необходимость приложенія къ юриспруденціи метода, благодаря которому метафизика стараго времени распалась на положительныя науки: „Какъ натуралистъ, изслѣдуя законы вещественной природы, начинаетъ съ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ простѣйшіе элементы физическаго тѣла или явленія, такъ ученый юристъ, изслѣдуя законы, управляющіе обществомъ, долженъ начинать съ простѣйшихъ соціальныхъ формъ“¹⁾.

Но изученіе простыхъ соціальныхъ явленій встрѣчаетъ трудности, неизвѣстныя натуралисту. Натуралисту, изучающему физическій организмъ, природа предлагаетъ въ готовомъ видѣ необходимыя средства познанія истины, при посредствѣ которыхъ онъ можетъ наблюдать составные элементы и развитіе организма на всѣхъ ступеняхъ его жизни, начиная съ составныхъ частей зерна или яйца до смерти отъ старости; условія при которыхъ усложняется физическій организмъ и старые элементы замѣняются въ немъ новыми, могутъ быть наблюдаемы въ каждый нужный для изслѣдователя моментъ. Въ другое положеніе поставлено изученіе общественныхъ организмовъ. Историку-юристу приходится имѣть дѣло съ явленіями въ высшей степени сложными, образованіе и начальное развитіе которыхъ лежитъ за предѣлами исторіи, эксперименты надъ которыми невозможны. Изучая современное государство, изслѣдователь принужденъ ограничиться простымъ наблюденіемъ дѣятельности и взаимнаго соотношенія составныхъ его элементовъ; составные же элементы государства, семья, община, органы власти и т. д., въ свою очередь, не простыя физическія тѣла и явленія, а также сложныя, измѣнившія свою первоначальную форму подъ вліяніемъ условій протекшей жизни общества. Съ другой стороны, изслѣдованіе соціальныхъ явленій данной эпохи можетъ рѣшить только вопросъ о существованіи тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній и учреждений; а убѣжденіе въ необходимости извѣстныхъ явленій въ данномъ организмѣ дается только изученіемъ условій развитія этого организма, изученіемъ его исторіи. Натуралистъ имѣетъ возможность изучать исторію даннаго физическаго организма при посредствѣ индивидовъ одного рода, живущихъ одновременно, но стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія; юристъ, изучающій исторію даннаго общества, до новѣйшаго времени довольствовался только мертвыми историческими памятниками, представляющими собою матеріаль далеко не такой полный и реальный, какъ матеріаль естественныхъ наукъ²⁾.

¹⁾ См. Maine: Ancient Law; p. 119.

²⁾ См. Самоквасова: Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава. 1876 г. Предисловіе, с. III и слѣд.

Наука нашего времени располагает двумя новыми важными средствами познания древняго права вообще и древняго права каждаго изъ новѣйшихъ народовъ въ частности. Такія средства составляютъ: *сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи.*

Сравненіе памятниковъ обычнаго права и законодательства различныхъ народовъ доказываетъ, что „общественныя потребности народовъ были очень сходны въ извѣстныя эпохи ихъ развитія и проявлялись въ созданіи социальныхъ учреждений повсюду одинаковыхъ“¹⁾. Отсюда, сравнительный методъ познания исторіи права можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ историческихъ памятникахъ одного народа историческими памятниками другихъ народовъ; въ области права этотъ методъ долженъ вести къ такимъ же положительнымъ результатамъ, къ какимъ онъ ведетъ ученыхъ изслѣдователей въ областяхъ филологіи и миѳологіи; а по натурѣ своей, онъ столько же реальный методъ изслѣдованія, какъ и сравнительное изученіе однородныхъ физическихъ тѣлъ и явленій.

Но письменные историко-юридическіе памятники сообщаютъ намъ свѣдѣнія о бытѣ народовъ, стоявшихъ уже сравнительно на высокой степени гражданскаго развитія, и рисуютъ его только съ одной стороны, такъ сказать, анатомической, не даютъ намъ знанія причинъ, вызвавшихъ существованіе и развитіе извѣстныхъ социальныхъ явленій, силы и пространства дѣйствія этихъ явленій въ жизни, не отвѣчаютъ на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ дается только изученіемъ живыхъ организмовъ. Здѣсь является на помощь наукѣ сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Части земной поверхности представляютъ собою различныя условія для развитія общественной жизни, а социальные организмы, какъ и организмы физическіе, развиваются при наличности извѣстныхъ условій, отсутствіе которыхъ останавливаетъ развитіе. Благодаря этому закону, натуралисты настоящаго времени находятъ въ нѣкоторыхъ странахъ формы фауны и флоры, принадлежащія давнимъ эпохамъ геологическаго развитія нашей планеты; благодаря тому же закону, историкъ находитъ въ разныхъ странахъ народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ гражданственности, начиная отъ простѣйшей формы общества, почти стада, до степени высшихъ формъ цивилизаціи

¹⁾ См. Emile de Laveleye: De la propriété et de ses formes primitives. p. 6. Maine: Ancient Lav. p. 118—120.

современных намъ государствъ Европы. Наблюденіе юридическаго быта у современныхъ намъ дикихъ и полудикихъ народовъ показало, „что народы различнаго происхожденія, стоящіе на одинаковой степени политическаго развитія, представляютъ больше сходственныхъ чертъ политико-юридической организаціи, нежели одинъ народъ въ различные періоды его исторіи; что *свидѣтельства путешественниковъ нашего времени*, описывающихъ бытъ первобытныхъ народовъ, *даютъ столько же важныя указанія для исторіи права древнѣйшихъ народовъ*, какъ и свидѣтельства древнихъ писателей“¹⁾. Отсюда, сравнительное изученіе политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, можетъ служить историку-юристу такимъ же цѣлесообразнымъ методомъ познанія исторіи правовыхъ институтовъ данныхъ народовъ, какимъ является методъ натуралиста, изучающаго исторію даннаго вида посредствомъ изученія условій происхожденія и развитія индивидовъ разнаго возраста, живущихъ одновременно.

Но дѣло познанія началъ древняго быта данныхъ народовъ при посредствѣ фактовъ сравнительной этнологіи требуетъ громадной эрудиціи. „Единичной личности“, говоритъ проф. Загоскинъ, „какъ бы ни были могучи умственныя силы ея, какъ бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ, врядъ ли подъ силу обнять полное изученіе всей массы источниковъ по древнему общеславянскому праву. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они, требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже трудовъ многихъ поколѣній. Между тѣмъ, полного и плодотворнаго результата въ правѣ мы ожидать лишь отъ изученія источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодѣйствіи, въ ихъ совокупности“²⁾.

Не всѣ, однако же вопросы древнѣйшаго періода исторіи русскаго права требуютъ помощи выводовъ сравнительной этнологіи. Многіе вопросы науки могутъ подлежать положительному рѣшенію другими средствами. Сравнительная этнологія должна быть призвана на помощь исторіи русскаго права по такимъ вопросамъ, которые не рѣшаются другими средствами и когда основанныя на нихъ рѣшенія возбуждаютъ какія-либо сомнѣнія. Напримѣръ, договоры Руссовъ съ Греками X вѣка, лѣтописныя свидѣтельства, факты археологіи, право русскихъ Славянъ христіанскаго времени и общеславянская терминологія не даютъ намъ ясныхъ указаній

¹⁾ См. тамъ-же; Леббокъ: Начало цивилизаціи: стр. 5, 9, 12 и др.

²⁾ Методъ и средства сравн. изуч. обычнаго права Славянъ; стр. 52-я.

на существованіе у русскихъ Славянъ языческой эпохи формы коллективнаго владѣнія землею, поземельной общины; но съ другой стороны, и не отрицаютъ возможности предположить существованіе у нашихъ предковъ сказанной формы поземельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, является вопросъ о существованіи поземельной общины у русскихъ Славянъ эпохи племенныхъ государствъ, не рѣшаемый средствами познанія, непосредственно относящимися къ условіямъ политико-юридической жизни нашихъ предковъ. Вотъ здѣсь и должно призвать на помощь исторіи русскаго права выводы сравнительной этнологіи. Факты исторіи права древнихъ и новыхъ народовъ, собранные Мауреромъ, Морайромъ, Меномъ, Рошеромъ, Нассе, Лавале и другими учеными, доказываютъ, что во всѣхъ странахъ и у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ, жившихъ и живущихъ разрозненными племенными союзами, существуетъ поземельная община съ періодическимъ передѣломъ полей между ея членами. Основываясь на этомъ выводѣ сравнительной этнологіи, историкъ-юристъ имѣетъ право признать существованіе поземельной общины у русскихъ Славянъ языческой эпохи и объяснить тѣмъ отсутствіе въ юридическихъ памятникахъ эпохи первыхъ Рюриковичей указаній на учрежденія и нормы права, регулируюція институтъ частной поземельной собственности. Другой примѣръ: въ повѣствованіи начальной русской лѣтописи не упоминается о существованіи князей у нѣкоторыхъ русскихъ племенъ дорюриковской эпохи, напримѣръ, у Полочанъ, Дреговичей, Тиверцевъ, Уличей, откуда нѣкоторые историки вывели заключеніе, что эти племена не имѣли князей, а управлялись въ общественныхъ дѣлахъ только народными собраніями (См. Бѣляева: Рус. земля предъ приб. Рюрика въ Новгородъ). Сравнительная этнологія доказываетъ, что это мнѣніе не можетъ быть принято, потому что нигдѣ не было и нѣтъ племенныхъ общественныхъ союзовъ, управлявшихся или управляемыхъ только народными собраніями. Рядомъ съ народными собраніями, всегда и вездѣ существуютъ выборные или наследственные единоличные органы общественной власти, въ значеніи исполнителей рѣшеній народныхъ собраній, военачальниковъ, судей и жрецовъ въ значеніи князей. Такую же помощь оказываетъ сравнительная этнологія исторіи русскаго права въ рѣшеніи вопросовъ о значеніи въ эпоху племенныхъ государствъ рода, города, вѣча и пр.

№ II. Родство Скивовъ и Руссовъ¹⁾.

1. Домашняя и иноземная номенклатура Славянъ и Славяноруссовъ языческой эпохи.

Мы привыкли съ именемъ Славянъ соединять представленіе о всѣхъ народахъ, говорящихъ славянскимъ языкомъ; но *русскій народъ языческой эпохи не зналъ общаго этнографическаго имени Славянъ*: Славянами въ IX и X в.в. назывались только дунайскіе народы, говорившіе славянскимъ языкомъ, а изъ русскихъ—одно племя Славянъ Ильменскихъ,—Новгородцевъ. *Древніе народы* одного этнографическаго типа, но жившіе въ географической и политической разрозненности племень, подобно русскимъ племенамъ, не признавали своего этнографическаго единства и *не имѣли общаго національнаго домашняго имени; каждое племя называло себя особымъ именемъ*. Объединеніе родственныхъ племень однимъ именемъ является въ исторіи результатомъ или научнаго наблюденія, дающаго общее имя разрозненнымъ племенамъ одного этнографическаго типа, или политическаго союза племень подъ общею властью²⁾.

¹⁾ Дополненіе къ лекціямъ курса, посвященнымъ опредѣленію прародины и предковъ Славяноруссовъ.

²⁾ Напримѣръ, до времени объединенія италійскихъ племень властью и именемъ Римлянъ разрозненные народы Италіи не имѣли общаго домашняго имени. Въ предѣлахъ Франціи нашего времени обитало въ древности много разрозненныхъ племень, называвшихъ себя особыми именами до времени завоевательнаго подчиненія Римлянамъ, объединившимъ эти племена общимъ именемъ Галловъ. Въ эпоху Юлія Цезаря между Рейномъ, верхнимъ теченіемъ Дуная, Эльбою и Балтійскимъ моремъ обитало много племень, называвшихъ себя особыми именами до времени объединенія ихъ римскими историками общимъ именемъ Германцевъ; изъ римской литературы это общее названіе нѣмецкихъ народовъ перешло въ греческую литературу и позднѣйшую нѣмецкую исторію: „Римляне дали имъ названіе Германцевъ, желая показать, что Германцы родственны Галатамъ: на римскомъ языкѣ слово Германцы значитъ „родственные“. Географія Страбона; кн. VII; гл. I, пар. 2.

Подобно всѣмъ другимъ древнимъ народамъ, жившимъ въ племенной разрозненности, у Руссовъ эпохи племенныхъ государствъ, до времени политическаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюриковичей, каждое племя представляло собою особое государство и называлось особымъ именемъ¹⁾. *Несторъ настойчиво доказывалъ своимъ современникамъ, Полянамъ, Древянамъ, Сѣверянамъ, Дреговичамъ и всѣмъ другимъ русскимъ племенамъ, что они такіе же Славяне какъ и Ильменцы, что они, хотя разселились по разнымъ мѣстамъ, прозвались особыми именами, образовали отдѣльныя государства, но въ этнографическомъ смыслѣ составляютъ одинъ народъ, произошли отъ одного пранарода, жившаго на Дунаѣ, говорятъ однимъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другихъ народовъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними Русь, какъ государство, но имѣвшихъ неславянское происхожденіе и говорившихъ неславянскимъ языкомъ; а потому, по ученію Нестора, всѣ племена, происшедшія отъ Славянъ дунайскихъ, говорившіе славянскимъ языкомъ, должны были именоваться общимъ именемъ Славянъ.* Доказывая, что всѣ народы, происшедшіе отъ славянъ дунайскихъ, должны называться именемъ Славянъ, Несторъ указалъ и основаніе своего убѣжденія, каковымъ были находившіеся въ рукахъ Нестора памятники письменности дунайскихъ народовъ IX—XI вѣковъ, въ которыхъ переводъ священныхъ книгъ Кирилла и Меодія называется „словѣнскою“ грамотою, а народъ получившій эту грамоту, именуется „Словѣнами“²⁾.

1) Ученые школы Шафарика потратили много безплодныхъ трудовъ на изысканіе общаго древняго домашняго имени славянскихъ народовъ. См. Шафарика: Слав. Древн.; т. I; стр. 157 и слѣд., изд. 1848 г. Здѣсь читатель найдетъ бесполезный трактатъ о „Спорахъ или Сербсахъ“, какъ древнемъ домашнемъ и общемъ имени всѣхъ славянскихъ народовъ.

2) „Сѣли суть Словѣни по Дунаеву. Отъ тѣхъ Словѣнь розидошася по земль и прозвашася имены своими, идъ сѣдше на которомъ мѣсть: яко пришедше сѣдоша на рѣкѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава... Такжеже и ти Словѣне, пришедше и сѣдоша по Днѣпру, нарекошася Поляне... Словѣни же, сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ имянемъ... Се бо токмо словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Ведыняне. А се суть инии языци, иже данъ даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вѣсь... си суть свой языкъ имуще“. Сказаніе о крещеніи дунайскихъ Славянъ и переводъ священнаго писанія: „Бъ бо единъ языкъ словѣнскъ: Словѣнь же, сѣдяху по Дунаю, ихъ же пріяша Угре, и Морава, и Чеси, и Ляховь, и Поляне, яже нынѣ зовемая Русь... „Словѣнску языку учитель есть Павелъ апостоль; отъ негоже языка

Слѣдовательно, именованіе *всѣхъ русскихъ племенъ общимъ именемъ Славянъ* *ново* происхожденія, вошло въ употребленіе не ранне ознакомленія Руссовъ съ памятниками письменности югозападныхъ Славянъ и сдѣланными для нихъ переводами священныхъ книгъ, принятыми христіанскою Русью. Въ первомъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ *общее имя Славянъ* встрѣчается только во введеніи, написанномъ Несторомъ, и въ послѣдующихъ сказаніяхъ, *явно составленныхъ въ христіанскую эпоху* Несторомъ и его продолжателями, но не встрѣчается въ сказаніяхъ о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей, въ текстахъ договоровъ съ Греками и вообще въ текстахъ, *взятыхъ составителемъ лѣтописнаго свода изъ русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій*. Въ извѣстіяхъ языческой эпохи и въ договорахъ съ Греками русскія племена называются особыми, мѣстными именами (Поляне, Древляне, Сѣверяне, Кривичи и т. д.), или обозначаются общими именами Скивовъ и Руси.

Общее имя Руси въ именованіи славянорусскихъ племенъ древнѣе общаго имени Славянъ; оно становится общимъ со времени завоеваній князя Олега. Но въ эпоху русскаго язычества имя Русь имѣло *политическое значеніе, а не этнографическое*, означало собою не этнографическій типъ народовъ, а ихъ политическій союзъ. Такое значеніе слово Русь имѣетъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ лѣтописномъ текстѣ: „Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати *градомъ русскимъ*; бѣша у него *Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью*“¹⁾. Такое же значеніе имя Русь имѣетъ въ текстахъ договоровъ съ Греками, въ которыхъ русскою землею называется вся территория,

и мы есме Русь... А словѣньскъ языкъ и русскій одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; ище и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ; Поляни же прозвашася, занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ словѣньскій бѣ имъ единъ“. (См. „Пособіе, № II, стр. 11—13, 19 и 20). Въ сохранившемся до насъ Паннонскомъ житіи св. Меодія и другихъ древнихъ памятникахъ письменности югозападныхъ Славянъ IX—XI ст. номенклатура соотвѣтствуетъ Несторовой: „Словѣне... крестившеся, римскими и гречьскими письмены нуждахуся, *словѣньска бо рѣчь бѣ безъ устроенія; и сотвори имъ ѿ письменъ и ѿ, ово убо по чину гречьскихъ письменъ, ово же по словѣньстѣи рѣчи*“... Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ IX—XII вв., изд. И. Срезневскаго, —1865 г., стр. 1, 3, 9. Имя Славянъ въ Кенигсбергскомъ спискѣ Несторова свода пишется „Словене“ (см. Акад. изд. 1767 года, с. 6, 10, 11 и др.), а въ спискѣ Ипатьевскомъ „Словѣне“, какъ въ памятникахъ письменности югозападныхъ Славянъ X-го вѣка.

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 10. „Пособіе“, № II, стр. 18.

подвластная кievскому князю, а русскими людьми всѣ подданные кievскаго князя, безъ различія этнографическихъ типовъ, Славянъ, Финновъ и Варяговъ; Греку противоплагается только Русскій, безъ различія религіи, происхожденія и языка; русскими городами называются всѣ города, въ которыхъ „сѣдяху князья подь Олгомъ суще“; послы Олега и Игоря, *не смотря на различіе ихъ національности, говорятъ: „мы отъ рода русскаго съли и гостье, посланіи отъ Игоря великаго князя русскаго, и отъ всякаго княжья, и отъ всякъ модій русскія земли“*; и т. д.¹⁾

Слѣдовательно до *половины IX вѣка русскія племена* составляли отдѣльныя племенные государства, *назывались особыми именами* и не имѣли общаго домашняго національнаго имени, ни политическаго, ни этнографическаго. *Со времени образованія кievскаго завоевательнаго государства Рюриковичей образуется общій политическій терминъ Русь*, означавшій всѣ земли и всѣ народы, подвластные кievскому князю, несмотря на различіе ихъ происхожденія и языка. *Со времени крещенія Руси* и знакомства Руссовъ съ переводами священныхъ книгъ на славянскій языкъ и памятниками письменности югозападныхъ Славянъ *русскія племена объединяются общимъ этнографическимъ именемъ—Славянъ*, именемъ своихъ дунайскихъ предковъ. Несторъ и его продолжатели именемъ Славянъ отличаютъ народы, родственные по происхожденію дунайскимъ Славянамъ и говорившіе славянскимъ языкомъ, отъ народовъ неродственнаго имъ происхожденія и чуждаго языка, составлявшихъ съ ними одно государство, подвластное Рюриковичамъ.

Земля, служившая жилищемъ русскимъ племенамъ языческой эпохи и покрывшая имъ могилы, сохранила въ себѣ неоспоримыя доказательства сношеній нашихъ предковъ съ народами юга, запада и востока со времени поселенія въ центральныхъ областяхъ Европы до времени крещенія русскаго народа при Владимірѣ Святославичѣ; доказательства этого рода составляютъ *клады монетъ* и другихъ издѣлій древняго искусства Грековъ, Римлянъ, Арабовъ и Нѣмцевъ, открытые въ предѣлахъ русской земли языческой эпохи и фактически свидѣтельствующіе о томъ, что русскіе Славяне были издавна извѣстны своимъ сосѣдямъ, народамъ юга, востока и запада²⁾.

1) Тамъ-же, стр. 21, 22, 28.

2) См. въ Несторовыхъ „Повѣстяхъ“ сказаніе о водныхъ дорогахъ изъ центральныхъ областей русской земли въ моря Каспійское, Черное, Балтійское, и далѣе вокругъ Европы до Рима и Константинополя, сказаніе о путешествіи апостола Андрея и сказаніе о путешествіи Кія въ Царьградъ, изъ которыхъ ясно видно, что первый рус-

Народъ русскій, говорившій славянскимъ языкомъ¹⁾, въ IX и X столѣтїяхъ былъ многомоднѣйшимъ народомъ въ Европѣ, и владѣлъ громадною территорїей. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ племена Руси въ концѣ IX и въ X вѣкахъ занимали земли отъ Ладожскаго озера до Чернаго моря и отъ Волги до Карпатскихъ горъ²⁾.

Какъ-же именовали иноземцы многочисленный славянорусскій народъ до времени образованія русскаго государства эпохи первыхъ Рюриковичей и происхожденія общаго имени Руси?

У восточныхъ иноземцевъ X столѣтїя имя Русь означаетъ Славянъ, а древнѣйшими и общими названїями всѣхъ Славянъ на востокъ являются: Саки, Сакладъ и Сакамидъ³⁾; а имя „Саки“ у восточныхъ историковъ тождественно съ именами „Скиовъ“ и „Сарматы“ древнихъ европейскихъ историковъ⁴⁾.

У южныхъ и западныхъ иноземцевъ имя славянъ, въ формахъ „Sclavini, Sclaveni, Sclavuni, Sclavi и Sthlavi“, встрѣчается со времени историковъ Проконїя и Иордана (VI вѣка), рядомъ съ именами Антовъ и Венедовъ, въ значенїи мѣстныхъ названій народовъ Скиво-сарматскаго происхожденія, занимавшихъ области, лежавшія на востокъ отъ Германїи, надъ Дунаемъ и сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря. Упомянувъ о переходѣ племени Еруловъ съ берега Дуная къ Балтійскому морю около 490 года, Проконїй говоритъ: „Въ этомъ переходѣ всѣ склавинскіе народы пропустили Еруловъ черезъ свои границы“⁵⁾ Въ другихъ мѣстахъ своей исторїи Проконїй говоритъ: „Склавини и Анты юворятъ однимъ языкомъ..., занимаютъ великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ... Области на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго занимаютъ безчисленные

скій историкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сношенія русскихъ Славянъ съ отдаленными иноземными народами существовали съ глубокой давности.

¹⁾ „Словньскъ языкъ и русскій одинъ... аще и Поляне звахуся, но словньская рчь бѣ, Полями же прозвашася, занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ словньскій бѣ имъ единъ“. П. С. Р. Л. I, 12. „Пособіе“ с. 20.

²⁾ По свидѣтельству Ибнъ-Хаукаля (973—977): „Въ настоящее время не осталось и слѣда отъ Булгара, Буртаса и Хазара, ибо Руссы напали на нихъ и отняли у нихъ всѣ области“. Тамъ-же, стр. 89.

³⁾ Тамъ-же, № IV, стр. 67—91.

⁴⁾ См. В. В. Григорьева: „О скивскомъ народѣ Сакахъ“, изд. 1871 г., стр. 3 и слѣд., 91 и слѣд.

⁵⁾ De bello gothico; кн. XI, гл. XV: „ἡμεῖς αὖ μεν τὰ Σκλαβήνων ἔθνη ἐψέετο; ἀπαντα“.

народы Антовъ¹⁾. По свидѣтельству Иордана: Скивія граничитъ съ Германіей... на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ многолюдный народъ Венетскій; названіе этого народа нынѣ измѣняется по различію племенъ и поселеній, но преимущественно они называются Склавины и Антами... Побѣдивъ Еруловъ, Эрманрихъ обратился противъ Венетовъ... Эрманрихъ покорилъ также народъ Эстовъ и управлялъ всѣми народами Германіи и Скивіи²⁾.

Описывая Склавинъ, Антовъ и Венетовъ, какъ многолюднѣйшій европейскій народъ, занимавшій неизмѣримыя пространства земли, лежавшей на востокъ отъ Германіи, надъ Понтомъ и Дунаемъ, *Прокопій, Иорданъ, и всѣ послѣдующіе европейскіе историки* не говорятъ о переселеніи этого народа изъ какой бы то ни было страны въ надпонтійскія и наддунайскія области; а отсюда историкъ нашего времени долженъ заключить, что и до VI вѣка этотъ народъ занималъ области, лежавшія на востокъ отъ Германіи, надъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Какими же именами называли Венетовъ, Склавинъ и Антовъ европейскіе историки до Прокопія и Иордана?

Въ первые вѣка по Р. Х. области Венетовъ, Склавинъ и Антовъ VI в. называются у римскихъ и греческихъ историковъ *Дакіей, Гетикой, Сарматіей, Скивіей*, а ихъ обитатели именуются *Венетами, Даками, Гетами, Сарматами* и *Скивами*. Области Склавинъ, Антовъ и Венетовъ VI вѣка и области Даковъ, Гетовъ, Венетовъ, Сарматовъ и Скивовъ I—VI вѣковъ Геродотъ называетъ общимъ именемъ *Скивіи*, а обителей Скивіи именуется общимъ именемъ *Скивовъ*. Отсюда историкъ нашего времени обязанъ поставить и рѣшить вопросъ: не было ли имя *Скивовъ* древнѣйшимъ именемъ славянскихъ народовъ въ европейской исторіи?

2. Фактическія доказательства именованія Славяно-руссовъ Скивами.

Въ „*Степенной Книгѣ*“ говорится: „*Славень и Русь съ роды своими, отлучишася отъ братіи своея, и хождаху по странамъ вселенныхъ 14 лѣтъ, даже пришедь ко озеру Ильмерь, и по волхвованію, поставиша градъ на рѣкѣ Волховѣ, его же по имени князя своего*

¹⁾ Тамъ-же: кн. III, гл. XVI: „Καὶ μὴν καὶ ἡνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἀνταῖς ἐν τῷ ἀνέκαθεν ἦν... γῆν πολλήν τινα ἔχουσι τὸ γὰρ πλείστον τῆς ἐτέρας μοῦ Ἰστροῦ ὀχθῆς αὐτοὶ νέμονται“... Тамъ же: кн. IV; гл. IV: „ἐς Βορρᾶν ἀνεμὸν ἔδωκε τὰ Ἀντῶν ἀμετρα ἰδρυνται“.

²⁾ De Getarum Origine; cap. V, XXIII.

Славенскъ именовали, и съ того времени *Скивы* *начали именоватися Славяне*¹⁾.

По сказаніямъ *Нестора*: „Сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ... Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... Улучи, Тиверци сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря, суть грады ихъ и до сего дне; „да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скивъ...; иде Олегъ на Греки, поя множество... Славенъ, Кривичъ, Деревлянъ, Радимичъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичъ, Дулебовъ, Тиверцовъ, иже суть толковани, *си вси звахуся отъ Грекъ великая Скивъ*“²⁾.

Левъ Діаконъ Калойскій, византійскій лѣтописецъ столѣтіемъ древнѣе *Нестора*, *Русскую землю называетъ Скивіей*³⁾; шестидесяти-тысячное войско, выведенное *Святославомъ* изъ Россіи въ Болгарію, именуетъ *Скивами*⁴⁾; *лодки, одежду, вооруженіе и оружіе Руссовъ, русскія вѣрованія и русскій языкъ называетъ скивскими*⁵⁾; *самъ Святославъ Игоревичъ именуется Скивомъ*⁶⁾. За описаніемъ сраженія подъ *Дористоломъ*, *Левъ Діаконъ* говоритъ слѣдующее: „Съ наступленіемъ лунной ночи *Скивы* вышли въ поле, собрали трупы своихъ къ городской стѣнѣ, и сожгли ихъ на сложенныхъ кострахъ...; уважая эллинскія таинства, *которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса*, или отъ товарищей *Ахилла*, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліанія“⁷⁾. *Анахарсисъ былъ мудрецъ Скивовъ-Сколотовъ*, занимавшихъ въ эпоху *Геродота* надпонтійскія области, а *Замолксисъ* былъ обоготворенный мудрецъ *Скивовъ-Гетовъ*, занимавшихъ придунайскія области,— „древнюю Скивію“, по свидѣтельству *Геродота*⁸⁾.

Еще столѣтіемъ ранѣе патріархъ *Фотій*, епископъ *Никита* и *Георгій Амартолъ*, опредѣляя народность непріятели, осадившаго Константинополь при *Михаилѣ III*, называютъ его „*Руссами, народомъ скивскаго происхожденія*“. По свидѣтельству *Пафлагонскаго епископа Никиты*, „*жестокій народъ, скивскаго языка, по имени Россъ*“,

1) См. „Пособіе“; стр. 56.

2) Тамъ-же, стр. 14, 21.

3) См. *Льва Діакона*; кн. IV, гл. 10. „Пособіе“, стр. 98.

4) Тамъ-же; кн. IV, гл. 6; кн. V, гл. 1; кн. VI, гл. 8; кн. VIII, гл. 5—7, 8, 10; кн. IX, гл. 2, 6, 8—10.

5) Тамъ-же; кн. VI, гл. 6, 11; кн. IX, 10, 11.

6) Тамъ-же; кн. VI, гл. 7: „*Ἰωάννης δὲ ὁ ἀποχράτωρ τὰς τοιαύτας ἀποχρίσεις τοῦ Σχόθου δεξάμενος*“...

7) См. исторію *Геродота*; кн. IV, гл. 94—96. *Географія Страбона*; кн. VII, гл. VII, § 5. *Иордана*: *De Gehtarum origine*; гл. V.

8) Тамъ-же; книга IX; глава VI.

пришедши отъ Евксинскаго моря въ Стенось, опустошили на пути всѣ области и монастыри“¹⁾...

Землеписецъ Равенскій, писавшій около 886 г., перечисляя европейскія страны, называетъ Скиюю прародиною Славянъ: „Sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Sclavinorum exorta est“²⁾.

Въ VI вѣкѣ *Иорданъ* дѣлитъ варварскую Европу на двѣ части: Германію и Скиюю; *отъ Скиюи* онъ помѣщаетъ *многолюдный народъ венетскій*, по различію племенъ и поселеній, называвшійся различными именами, но преимущественно Склавинами и Антами³⁾.

Прискъ Панійскій, членъ посольства византійскаго императора къ Атилѣ, царю Гунновъ, лично наблюдавшій населеніе областей V-го вѣка, лежавшихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и составлявшихъ „древнюю Скиюю“ времени Геродота, — Гетику или Дакію историковъ первыхъ столѣтій по Р. Х., *нашелъ эту страну населенною народами „говорящими скиѣскимъ языкомъ*, который отличался отъ языковъ Грековъ, Римлянъ и Нѣмцевъ“. Сохранились три слова скиѣскаго языка времени Приска Панійскаго: „*medos*—названіе скиѣскаго напитка, замѣнявшаго вино; *caton*—названіе скиѣскаго напитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и *strava*—названіе скиѣской тризны, погребальнаго стола на могилѣ покойника: „*Эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ* и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Гетикѣ или Дакіи половины V вѣка, называемый *Прискомъ скиѣскимъ языкомъ, былъ языкъ славянскій*“⁴⁾.

Въ цитатѣ Страбона, взятой географомъ изъ несохранившейся исторіи Европы Эфора, упоминается о поэтѣ Херилѣ, который,

1) ... „Τὸ μισοφρονῆτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου προσκχωρηκότες τῷ Στένῳ καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναζήρια διηρπακότες, ἔτε δὴ καὶ τῶν τοῦ Βοσταντίου περιουχίδων κατέδραμον νησίων, σκεύη μὲν πάντα λησόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοῦς ἀλόντας πάντας ἀποκτείνοντες“. Житіе патріарха Игнатія, по изданію Пагія (ad Baron. Annal.), стр. 554. Ср. Стриттера: *Memoriae populorum*; т. II, стр. 958. Cedrinus: „ἔθνος δὲ οἱ Ῥῶς Σκυθικόν, περὶ τὸν ἀρχαῖον Ταῦρον κατοικήμενον, ἀήμερον τε καὶ ἀγριον“. Zonaras: „Τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς, Σκυθικόν ὄν, τῶν περὶ τὸν Ταῦρον ἔθνων“...

2) См. Шафарика: *Славянскія древности*; т. II, кн. IV; приложенія, стр. 56.

3) Jordanis: *De gaetharum origine rebusque gestis*; гл. III и V.

4) См. Дестуниса: „Сказанія Приска Панійскаго“, — 1860 г., стр. 46, 50. Гильбердинга: „Собр. Сочиненій“, — 1868 г. I, стр. 5. Дринова: „Заселеніе Балк. пол. Славянами“, — 1873 г., с. 68, 69.

при вступлені персидскаго царя Дарія въ область надпонтійскихъ Скиѳовъ, сказалъ слѣдующія слова; „Пастухи овецъ—*Саки*, по прозванію *Скиѳовъ*, обитали на богатой пшеницею Азидѣ; они потомки непорочныхъ людей—*Номадовъ*“¹⁾. Въ сочиненіи В. В. Григорьева собранъ рядъ историческихъ свѣдѣній о древнихъ „*Скиѳахъ—Сакахъ*“, по которымъ „народъ, именуемый съ глубокой древности у азіатскихъ писателей *саками*, а у европейскихъ писателей *скиѳами*, былъ народомъ арійскаго происхожденія, праотцемъ нынѣ существующихъ народовъ славянскаго происхожденія“²⁾.

Въ послѣднія десятилѣтія фактическая разработка вопроса о генетической близости Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Даковъ и Славянъ настолько подвинулась впередъ, что уже и среди нѣмцевъ, ищущихъ въ источникахъ не средствъ пропаганды своихъ патріотическихъ тенденцій, подобно Байеру и Шлецеру, а фактовъ исторической дѣйствительности, встрѣчаются ученые люди, признающіе Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ и Даковъ предками славянъ. Къ такимъ ученымъ нашего времени принадлежатъ Брунъ, Куно и Шварцъ. Проф. Брунъ въ своемъ изслѣдованіи „О родствѣ Гетовъ съ Даками и сихъ послѣднихъ со Славянами“, сравнивъ относящіяся къ этому вопросу историческія и этнографическія данныя, пришелъ къ заключенію, по которому „*Геты, Даки и Славяне были народами одного происхожденія*“³⁾; а Реслеръ, съ своей стороны, сравнивъ сохранившіяся слова языка древнихъ Гетовъ, Сарматовъ и Скиѳовъ, пришелъ къ заключенію, по которому: „*Gethi zeigen mit Scythen und Sarmaten denselben rassentypus*“⁴⁾. И. Г. Куно, подобно русскому ориенталисту В. В. Григорьеву, сравнивъ сохранившіяся слова языка древнихъ Скиѳовъ съ языкомъ славянскимъ, пришелъ къ признанію *Скиѳовъ предками Славянъ*⁵⁾. Историкъ Шварцъ, доказывая родство Славянъ со Скиѳами въ своемъ трактатѣ „о потопахъ и переселеніяхъ народовъ“, изданномъ въ 1894 году, пополнилъ цѣнными историческими указаніями и соображеніями собранный нами рядъ указаній источниковъ на происхожденіе Славянъ отъ Скиѳовъ, опубликованный въ 1884 году⁶⁾.

¹⁾ Географія Страбона; кн. VII, гл. III, § 9.

²⁾ См. В. В. Григорьева: „О скиѳскомъ народѣ Сакахъ“. Изд. 1871 г.

³⁾ См. Ф. Бруна: „Черноморье“, стр. 141 и слѣд.

⁴⁾ *Bomän. Stud.*, S. 52—62. Wien 1871.

⁵⁾ *Forschungen im Gebiete des alten Völkerkunde erstes kapitel; die Skythen und Sarmaten*. Berlin,—1871.

⁶⁾ Franz Schwarz: *Sundfluth und Völkerwanderungen*, s. 130 und v. Stuttgart. 1894. Ср. Д. Я. Самоквасова; *Исторія Русскаго Права*;

Вышеизложенныя историческія свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что классическіе и средневѣковыя историки именовали Скиѣами народы славянскаго происхожденія.

Этотъ выводъ дѣлаетъ обязательнымъ для науки нашего времени постановку и рѣшеніе слѣдующаго вопроса: согласуются ли свидѣтельства Геродота о происхожденіи, политической организаціи многолюдствѣ, языкѣ, мифологіи, правѣ и наружности европейскихъ Скиѣовъ V-го вѣка до Р. Х. съ свидѣтельствами средневѣковыхъ историковъ и географовъ, именующихъ славянскіе народы Скиѣами и указывающихъ на происхожденіе Славянъ отъ Скиѣовъ? Возможно ли Скиѣю и Скиѣовъ эпохи Геродота, по ихъ происхожденію, величинѣ и этнографіи признать прародиною и предками Славянъ?

3. Происхожденіе, объемъ территоріи, количество народонаселенія и власть царства скитовъ-сколотовъ эпохи Геродота.

По скитскому народному генеалогическому преданію, записанному Геродотомъ, европейскіе Скиты вѣли свое происхожденіе отъ перваго Скита *Таргитая*, родителями котораго были Зевсъ и дочь рѣки *Бористена* (Днѣпра). У Таргитая были три сына: *Липоксаисъ*, *Артоксаисъ* и *Колоксаисъ*, при жизни которыхъ упали съ неба на скитскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша.

гл. I, Происхожденіе Славянъ, стр. 18—61. Варшава 1884 г. По ученію Шварца, греческое именованіе „Σκῆπτῆς“ взято изъ славянскаго языка, означаетъ „скитецъ“, „скиталецъ“—отъ глагола *скитаться*, вакъ писатель, писецъ—отъ писать, плаватель, пловецъ—отъ плавать, рѣзатель, рѣзецъ—отъ рѣзать, и т. д.; то же значеніе *скитающіеся*, кочующихъ имѣетъ и нѣмецкое названіе Славянъ *Вендами*, *Виндами*,—отъ глагола *winden*—странствовать. *Византійскіе писатели часто называютъ Руссовъ Скиѣами*; напримѣръ, Мих. Глакасъ: „Скиѣы, то-есть Росы“; лѣтописецъ Никита: „Росы, которыхъ зовутъ сѣверными Скиѣами“; Левъ Діаконъ: „Тавроскиѣы, которыхъ зовутъ Росъ“. *Діодоръ Сицилійскій* пишетъ (II, 34) о Скиѣахъ: „Тогда надъ Саками господствовала женщина, по имени *Царина*“. *Тожество древнихъ Скиѣовъ со Славянами доказываетъ сходство многихъ обычаевъ, обрядностей, характерныхъ наклонностей и изображенія Скиѣовъ на персидскихъ памятникахъ и на найденныхъ въ южной Россіи предметахъ скиѣскихъ гробницъ; „изображенія эти настолько совпадаютъ съ современнымъ русскимъ типомъ, что невольно думается, что видишь предъ собою русскаго мужика“.*

Младшій братъ овладѣлъ этими предметами, а потому старшіе братья согласились уступить ему царство. Отъ Липоксаиса произошли Скиты, называемые *Авхатами*; отъ Арпоксаиса—*Катиары* и *Трании*; отъ младшаго брата, царя,—*паралаты*; „общее названіе *остягъ Скитовъ, по имени царя ихъ, Сколоты*; *Скитами* назвали ихъ *Еллины*; такъ разсказываютъ Скиты о своемъ происхожденіи... Такъ какъ страна была обширна, то Колоксаисъ раздѣлилъ ее для сыновей своихъ на три царства, и въ одномъ изъ нихъ, обширнѣйшемъ, сохраняется вышесказанное золото“¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ Геродотъ сообщаетъ „разсказъ Еллиновъ, живущихъ у Понта“, о происхожденіи *Алатирсовъ, Гелоновъ и Скитовъ* отъ союза Геракла съ чудовищемъ Гилей, полудѣвой-полузмѣей, родившей трехъ сыновей, Агаэирса, Гелона и Скита, изъ которыхъ два старшихъ были изгнаны родительницей изъ родной страны, а младшій оставленъ, и отъ него произошли скиѣскіе цари²⁾.

Есть еще одинъ разсказъ, говоритъ Геродотъ, которому я наиболѣе довѣряю; состоитъ онъ въ томъ, что *Скиты-кочевники жили сначала въ Азіи, потомъ были потѣснены во время войны Массаетами*, перешедши рѣку Араксъ, и пришли въ *Киммерійскую землю*. Дѣйствительно, добавляетъ историкъ, *страна населяемая нынѣ Скитами, принадлежала первоначально Киммеріянамъ*... По настоящее время есть въ Скитіи Киммерійскія укрѣпленія, Киммерійскія переправы, область съ именемъ Киммеріи и такъ называемый Киммерійскій Боспоръ. Въ виду многочисленности скитскаго войска, Киммеріяне совѣщались и мнѣнія раздѣлились: по мнѣнію народа слѣдовало покинуть страну, не подвергая себя гибели ради земли; по мнѣнію царей должно было защищать родину отъ враговъ. Въ возникшей затѣмъ междоусобной войнѣ всѣ цари были убиты; „народъ похоронилъ ихъ у рѣки Тиры (Днѣстра), гдѣ могила ихъ видна и теперь еще, а послѣ похоронъ вышелъ изъ своей земли, и такимъ образомъ вторгнувшіеся Скиты заняли страну пустынную“³⁾.

„Въ царствованіе *Ардиса*, сына Гигеса (царя Лидійскаго † 629 г. до Р. Х.) Киммеріяне, тѣснимые изъ своей родины кочевыми Скитами, пришли въ Азію и овладѣли Сардами“. Когда *Кіаксара* (царь мидійскій) осаждалъ Нинъ (624 г. до Р. Х.) появилось большое скитское войско, подъ предводительствомъ царя *Мадія*, сына *Протоіи*; Скиты вторглись въ Азію вслѣдъ за изгнанными ими изъ Европы Киммеріянами; преслѣдуя убѣжавшихъ Киммері-

¹⁾ Геродотъ; IV, гл. 5—7.

²⁾ Тамъ-же; гл. 8—10.

³⁾ Тамъ-же; гл. 11, 12.

янь, они вошли въ Мидійскую землю..., господствовали въ Азіи 28 лѣтъ и возвратились въ свою землю“¹⁾.

Слѣдовательно, по свидѣтельствамъ Геродота, *основаніе царства Скитовъ-Сколотовъ въ надпонтійскихъ областяхъ*, въ бывшей землѣ Киммерійской, между Дономъ и Дунаемъ, *относится ко второй половинѣ VII вѣка до Р. Х.*

Геродотъ опредѣлилъ слѣдующими словами объемъ территоріи надпонтійской Скиѳіи своего времени: „Отъ Истра (Дунай) къ сѣверу, внутрь материка, Скиѳія граничитъ прежде всего съ Агафирсами, потомъ съ Неврами, далѣе съ Андрофагами, наконецъ, съ Меланхленами. Скиѳія представляетъ собою четырехугольникъ, линія котораго, идущая внутрь материка, такой же длины, какъ и та, что тянется вдоль моря; такъ, *отъ Истра до Бористена десять дней пути и столько же отъ Бористена до Меотиды*; такъ же и по направленію *отъ моря внутрь страны* до Меланхленовъ, что живутъ надъ Скиѳами, *двадцать дней пути*; а дневной путь я опредѣляю въ двѣсти стадій. Такимъ образомъ поперечныя стороны Скиѳіи имѣютъ по 4000 стадій; *такой же длины и продольныя стороны, идущія внутрь материка*. Таковъ объемъ этой страны“²⁾.

Территорія скиѳскаго царства дѣлилась на области, а его народонаселеніе дѣлилось на племена, занимавшія принадлежавшія имъ области. Съ западной стороны Бористена, вдоль рѣки Гипаниса (Буга) первую область отъ моря занимало еллино-скиѳское племя *Каллипиды*; выше ихъ жили *Алазоны*; надъ Алазонами обитали *Скиѳы-оратаи*; а надъ ними—*Невры*; къ сѣверу отъ Невровъ—пустыня. Съ восточной стороны Днѣпра первая отъ моря земля была *Гимья (Польша)*; надъ нею жили „*Скиѳы-георги* (земледѣльцы), прозванные *Бористенитами*, занимавшіе область, простиравшуюся къ востоку на три дня пути, до рѣки Пантикапы, а къ сѣверу, по теченію Бористена, на одиннадцать дней пути“ надъ ними простиралась пустыня, за которой обитали Андрофаги, „*народъ особый, не скиѳскій*“. Къ востоку отъ Скиѳовъ-георговъ, за рѣкою Пантикапою, обитали „*Скиѳы-номады*“, область которыхъ простиралась на 14 дней пути до рѣки Герра; а по ту сторону рѣки Герра находились „царскія владѣнія“,—область храбрѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ Скиѳовъ, почитавшихъ прочихъ Скиѳовъ своими рабами... владѣнія ихъ частію доходили до Танаиса (Дона). Земли, лежавшія къ сѣверу отъ *Царскихъ Скиѳовъ*, были заняты Меланхленами, „*народомъ особымъ, не скиѳскимъ*“. По ту сторону Танаиса лежала уже не скиѳская территорія; первая изъ тамошнихъ областей принадлежала

1) Тамъ-же; кн. I; гл. 15, 103; кн. IV; гл. 1.

2) Тамъ-же; книга VI; гл. 100, 101.

Савроматамъ, занимавшимъ землю на 15 дней пути, начиная отъ угла Меотійскаго озера по направленію къ сѣверу; надъ ними, во второй области, жили *Будины* ¹⁾).

Желая показать *количество народонаселенія* описаннаго скитскаго царства, Геродотъ сообщилъ слѣдующій рассказъ: между рѣками Бористеномъ и Гипанисомъ находится мѣстность, называемая Эксампэй... Тамъ стоитъ *мѣдный сосудъ Скитовъ, вмещающій въ себя шестьсотъ амфоръ, а толщина его шесть палцевъ*. По словамъ туземцевъ этотъ сосудъ сдѣланъ изъ *наконечниковъ стрѣлъ*: „Однажды царь ихъ, по имени Аріантанъ, пожелавъ опредѣлить численность Скитовъ, приказалъ чтобы всѣ Скиты доставили ему *по одному наконечнику отъ стрѣлы*“, а кто не доставитъ, тотъ будетъ казненъ смертью; наконечниковъ стрѣлъ доставлено было очень много, и царь рѣшилъ соорудить изъ нихъ памятникъ; *сказанный сосудъ*, по приказанію царя, *былъ сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ* и поставленъ въ Эксампэй“ ²⁾).

Всѣ *скиѣскія племена*, состоявшія подъ властью Царскихъ Скитовъ, *составляли одинъ народъ не только въ политическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ*, не смотря на различіе ихъ образа жизни ³⁾).

¹⁾ Тамъ-же; глава 17—21, 108, 117.

²⁾ Тамъ-же; гл. 81. Фукидидъ, называя Фракіяцевъ „многолюднѣйшимъ“ народомъ въ мірѣ, отводитъ имъ однакоже въ этомъ отношеніи второе мѣсто послѣ Скитовъ. Пелопонезская Война; II; 96, п. 6. По истеченіи тысячи лѣтъ Амміанъ Марцелинъ, описывая европейскую Скитію—Сарматію IV-го вѣка по Р. Х., называетъ „Scythes“ народомъ безчисленнымъ, занимающимъ неизмѣримыя пространства, характеризуетъ ихъ численность и объемъ территоріи тѣми признаками, какими характеризовали Геродотъ и Фукидидъ Скитовъ и Скитію своего времени и какими характеризовалъ Іорданъ безчисленный венетскій народъ, занимавшій ту-же „неизмѣримую“ Скиѣю въ VI вѣкѣ по Р. Х.

³⁾ Подобно тому какъ въ наше время *кочевыя и земледѣльскія племена*, составляющія народы Бедуиновъ, Туркменовъ, Якутовъ, Тунгусовъ, Коряковъ и др., по свидѣтельствамъ наблюдателей Нибура, Волнея, Вамбери, Булычева, Сѣрошевскаго, Сарычова, Крашенинникова и др., *составляютъ этнографическіе типы* бедуинскій, туркменскій, якутскій, тунгусскій, коряцкій, въ которыхъ племена различнаго образа жизни связаны единствомъ происхожденія, поклоняются однимъ богамъ и юворятъ однимъ языкомъ. Точно также, по свидѣтельствамъ китайскихъ лѣтописей первыхъ столѣтій до Р. Х., изданныхъ монахомъ Іакинѣомъ (Бичуринимъ), народы центральныхъ и западныхъ областей Азіи, Даванъ, Юечжи (Массагеты), Анси, *дѣлились на земледѣльцевъ и номадовъ*, составлявшихъ народы одною этнографическою

*Вся племена европейской Скитіи V-го вѣка до Р. Х., за исключеніемъ Грековъ жившихъ на скитской территоріи, въ понтійскихъ греческихъ колоніяхъ, по свидѣльствамъ Геродота, имѣли общаго царя Сколота, поклонялись общимъ богамъ, имѣли общія религіозныя, государственныя и гражданскія учрежденія и говорили однимъ скитскимъ языкомъ. Описывая племена скитскаго государства, занимавшаго территорію между Дунаемъ и Дономъ, и сосѣдей этого государства, Геродотъ точно указываетъ, какіе народы Европы его времени говорили скитскимъ языкомъ, принадлежали къ Скитскому этнографическому типу, и какіе изъ нихъ были народами не скитскаго происхожденія и языка. Напримѣръ, *Каллитиды* были „*Емины-Скиты*“; въ Гелонѣ, городѣ страны Будиновъ, „*одни говорятъ на скитскомъ языкѣ, другіе на еллинскомъ*“; „*Андрофаги одѣваются по-скитски, но языкъ имѣютъ особенный*“; „*Меланхлены—народъ особый, не скитскій*“; „*Тиссагеты—народъ особый*“; за Тиссагетами, „*по направленію къ востоку живутъ другіе Скиты, прибывшіе въ эту мѣстность по отдаленіи отъ Царскихъ Скитовъ*“, у Аргиппеевъ „*речь особая, одѣваются они поскитски*“; „*Савроматы говорятъ языкомъ скитскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ*“¹⁾.*

Описанныя Геродотомъ территорія и народонаселеніе Скитіи составляли одно государство, въ которомъ господствовало племя *Царскихъ Скитовъ*, подобно тому, какъ въ X-мъ столѣтіи племя Руссовъ господствовало надъ другими славянорусскими племенами. „Царскія владѣнія, говоритъ Геродотъ, находятся по ту сторону Герра, гдѣ живутъ лучшіе и многочисленнѣйшіе Скиты, почитающіе прочихъ Скитовъ своими подданными“... Тѣло умершаго скитскаго царя везуть по землямъ подвластныхъ народовъ, и „тѣ, къ которымъ привозятъ покойника, дѣлаютъ то же самое, что и Царскіе Скиты... Трупъ царя перевозятъ отъ одного къ другому *подвластному имъ племени*... Обѣхавши такимъ образомъ всѣхъ, они являютъ въ землю Герровъ, *отдаленнѣйшаго изъ подвластныхъ имъ народовъ, гдѣ находится царское кладбище*“²⁾.

типа. Точно такъ и прародина нынѣ существующихъ народовъ германскаго происхожденія, Англичанъ, Французовъ, Датчанъ, Шведовъ, Нѣмцевъ, лежавшая между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою, верхнимъ теченіемъ Дуная и Альпами, описанная Юліемъ Цезаремъ подъ именемъ Германіи, въ эпоху Р. Х. была заселена племенами осѣдлаю и номаднаю состояніи, имѣвшими общее происхожденіе, общихъ боговъ, общій языкъ, составлявшихъ одинъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ народъ кимвро—тевтонскій, прозванный у Римлянъ Германцами.

¹⁾ Геродотъ; Кн.—IV; 17, 20, 22, 23, 106, 108 и 117.

²⁾ Геродотъ; кн. IV; гл. 20, 71.

Каждое племя скитскаго государства имѣло своего мѣстнаго племеннаго царя, состоявшаго подъ властью царя Царскихъ Скитовъ, подобно тому какъ въ X-мъ столѣтїи въ городахъ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ и другихъ городахъ русскихъ сидѣли мѣстные князья, состоявшіе подъ властью Кіевскаго князя Олега. Мѣстными племенными царями Скитїи были, напримѣръ, знаменитый въ древности скитскій мудрецъ *Аназарсисъ*, убитый царемъ *Савміемъ* за нарушеніе скитскихъ обычаевъ ¹⁾, и царь *Скопнасисъ*, командовавшій однимъ изъ отрядовъ скитскаго войска въ войнѣ съ Даріемъ, состоявшихъ подъ общимъ начальствомъ царя *Идантурса* ²⁾.

Племенные области Скитїи эпохи Геродота дѣлились на области, — „околотки“ — волости, въ каждой изъ которыхъ былъ свой жертвенникъ бога войны; а во главѣ ближайшаго управленія волостей стояли „архонты“, подобно „старейшинамъ“ волостей Русской земли X-го столѣтїя ³⁾.

Существованіе описанной Геродотомъ скитской державы длилось около 250 лѣтъ, со второй половины VII-го до IV-го вѣка до Р. Х. По свидѣтельству Трога Помпея *Филиппъ Македонскій*, воспользовавшись междоусобіемъ царей Скитїи, „разбилъ войска скитскаго царя Атея, несмотря на ихъ многочисленность и силу, захватилъ въ плѣнъ и привелъ въ Македонїю 20 тысячъ скитскихъ женщинъ и дѣтей и 20 тысячъ заводскихъ кобылицъ“. Это пораженіе Царя Атея было началомъ паденія политическаго могущества Царской Скитїи въ надпонтійскихъ областяхъ и движенія Сарматовъ въ область между Дономъ и Дунаемъ. Съ передвиженіемъ Сарматовъ въ надпонтійскія области Скитїя распадается на два государства: восточное, между Дономъ и Днѣпромъ, подъ главенствомъ сарматскаго племени *Роксаланъ* ⁴⁾, и западное, между Днѣпромъ и Дунаемъ, населенное также сарматскими и скитскими племенами, говорившими однимъ скитскимъ языкомъ, подъ главенствомъ племени, прозваннаго у Грековъ *Гетами*, а у Римлянъ *Даками* ⁵⁾. Территорїю и населеніе Роксаланїи и Гетики Греки эпохи Р. Х. и послѣдующихъ столѣтїй называли прежними общими именами Скитїи и Скитовъ, а Римляне прозвали ихъ общими именами Сарматїи и Сарматовъ, по имени племени, передвинувшагося изъ за Дона и получившаго главенство въ предѣлахъ бывшей Царской Скитїи по сверженїи тамъ главенства Царскихъ Скитовъ.

¹⁾ Геродотъ; IV, 76.

²⁾ Тамъ-же; гл. 120.

³⁾ Тамъ-же; гл. 62, 66, 79.

⁴⁾ См. Геогр. Страбона; кн. VII; гл. III, пар. 7 и 8; гл. IV, п. 3.

⁵⁾ См. тамъ-же; кн. VII; гл. III, п. 8—13. Аррианъ; кн. I, гл. 2—4.

Въ первомъ откъ, въ правленіе царя *Виревиста*, политическое возвышеніе и территоріальное расширеніе царства Гетовъ имѣли своимъ слѣдствіемъ столкновеніе этого царства съ Римскою имперіей: „Страна настолько возвысилась, что въ продолженіе немногихъ лѣтъ здѣсь образовалось сильное царство: большая часть соудей подчинились Гетамъ; даже для Римлянъ *Виревистъ* дѣлался страшнымъ“ ¹⁾. Начатая при Ю. Цезарѣ война Римлянъ съ Даками длилась около 100 лѣтъ и кончилась при римскомъ императорѣ Траянѣ и царѣ Даковъ *Децебалъ* обращеніемъ царства Гетовъ въ римскую провинцію Дакию. Діонъ Кассій свидѣтельствуетъ, что вслѣдствіе римской системы насильнаго переселенія Даковъ въ римскія провинціи, а Римлянъ въ Дакию, многія дакійскія племена высемелись за Карпатскія юрты ²⁾. Это свидѣтельство Діона Кассія соотвѣтствуетъ сказанію Нестора, по которому: „Волохомъ бо нашедшимъ, на Словъни на Дунайскіе, спдишимъ въ нихъ и насильяциимъ имъ; Словъне же ови пришедше и спдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове..., Словъне пришедши спдоша по Днѣпру и нарѣкошася Поляне, а друзи Деревляне..., а Уличи, Тиверци спдыаху по Булу и по Днѣпру, и приспдыаху къ Дунаеву...; да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скифъ“ ³⁾.

Сопоставленіе изложенныхъ свидѣтельствъ исторіи, доказывающихъ именованіе въ древности Скитами народовъ славянскаго происхожденія и опредѣляющихъ время происхожденія, величину территоріи, количество и этнической составъ народонаселенія, время и условія распаденія скитскаго государства въ Европѣ эпохи Геродота, намъ кажется, доказываетъ фактически, что это государство можно и должно признать прародиною европейскаго этнографическаго типа, называемаго въ средневѣковой исторіи „многомоднѣйшимъ венетскимъ народомъ“, занимавшимъ „неизмѣримыя“ пространства между рѣками Дунаемъ, Вислою и Волгою, морями Балтійскимъ и Чернымъ, дѣлившимся на многіе народы разныхъ мѣстныхъ названій, изъ которыхъ главнѣйшими были мѣстныя названія *Венетовъ*, *Склавинъ* и *Антово*, объединенныхъ въ христіанскую эпоху общимъ этнографическимъ именемъ *Славянъ*. Кромѣ европейской Скитіи и Скитовъ, описанныхъ Геродотомъ въ V в. до Р. Х., исторія Европы не знаетъ государства продолжительнаго существованія, на обширной территоріи котораго географическое и политическое общеніе многолюднаго народонаселенія могло бы создать этнографическія

¹⁾ Страбонъ; к. VII; г. III, п. 11.

²⁾ См. Діона Кассія; I, 72, 73; LI, 22; LXIII, 13, 14, 30. Ср. Евтропія; VIII, 3, 6. Флоріана; III, 4.

³⁾ См. „Пособіе“, стр. 11, 14, 18, 20. П. С. Р. Л.; I, 3, 5.

Исторія русскаго права. Д. Самоквасовъ.

черты, по которымъ Иорданъ называлъ общимъ именемъ „венетскаго народа“ Склавинъ, Автовъ и Венетовъ „многолюднѣйшіе народы“, занимавшіе „неизмѣримыя пространства“ въ предѣлахъ „Скитіи“ VI-го вѣка по Р. Х., а Несторъ объединилъ общимъ этнографическимъ именемъ „Словѣнъ“. *Древніе историки греческіе, римскіе, нѣмецкіе и славянскіе называли общими именами Скитовъ, Сарматовъ, Венетовъ и Славянъ одинъ и тотъ же народъ скито-славянскаго происхожденія*, получившій въ государствѣ Скитовъ—Сколотовъ свою этнографическую самобытность, отличающую этотъ народъ отъ народовъ тевтоно-германскаго и невро-литовскаго происхожденія. Распаденіе этого государства вслѣдствіе столкновения съ имперіями Македонскою и Римскою, географической и политической разрывъ его народонаселенія вызвали образованіе новыхъ скито-славянскихъ государствъ, а въ нихъ новыхъ скито-славянскихъ народностей, и между ними государства и народности Скитовъ-Руссовъ.

Этотъ выводъ, по его научному значенію, какъ требующій превращенія исторіи и исторіи права Скитовъ классическихъ и средне-вѣковыхъ писателей въ начальные періоды исторіи и исторіи права всѣхъ Славянъ и cadaго изъ нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ въ частности, *возможно и должно повѣрить посредствомъ сравненія языка, религіи, права и наружности Скитовъ эпохи Геродота и Славянъ послѣднихъ столѣтій язычества.*

4. Родство Скитовъ и Руссовъ по этнографическимъ фактамъ.

Если изложенныя въ предыдущей главѣ историческія свидѣтельства, указывающія на древнюю Скитію и древнихъ Скитовъ, какъ на прародину и предковъ новѣйшихъ славянскихъ народовъ, соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности, то сравненіе языка, религіи, права и наружности Скитовъ эпохи Геродота и Славянъ послѣднихъ столѣтій язычества должно показать генетическую близость между Скитами V вѣка до Р. Х. и Славянами X вѣка по Р. Х. Въ теченіе 1500 лѣтъ народы—потомки не могли измѣнить до неузнаваемости этнографическую фізіономію своего предка. Сравненіе языка, міеологіи, права и наружности древнихъ Скитовъ и Славянъ южныхъ и западныхъ должно составить задачу мѣстныхъ ученыхъ, ближе насъ знакомыхъ съ мѣстными славянскими языками, народными вѣрованіями и обычаями; сравненіе же языка, религіи, права и наружности древнихъ Скитовъ и Славянъ русскихъ составляетъ обязанность русскихъ ученыхъ,—историковъ, юристовъ, лингвистовъ и міеологовъ.

Нижеслѣдующій очеркъ религіи, права и наружности Скитовъ V вѣка до Р. Х. и русскихъ Славянъ X столѣтія по Р. Х., въ связи съ вышеприведенными историческими свидѣтельствами, намъ кажется, доказываетъ ясно и убѣдительно генетическую близость Скитовъ и русскихъ Славянъ, а слѣдовательно, и научную необходимость начинать изученіе и изложеніе начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи русскаго права изученіемъ и изложеніемъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи и праву древнихъ Скитовъ. Лингвистическія изслѣдованія Якова Гримма, Каспара Цейса, Вильгельма Гумбольдта, Лоренца Диффенбаха, Раулинсона, Мюлленгофа, Боргмана, привели къ заключеніямъ, по которымъ *Скиты эпохи Геродота говорили языкомъ индоевропейскимъ*¹⁾.

На очереди стать вопросъ: какому изъ языковъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ арійскаго происхожденія наиболѣе сроденъ скитскій языкъ времени Геродота? Сравненіе сохранившихся словъ скитскаго языка съ языкомъ русскимъ, намъ кажется, показываетъ ясно, что Скиты эпохи Геродота говорили языкомъ праславянскимъ²⁾.

Въ религіи Скитовъ эпохи Геродота и русскихъ Славянъ эпохи язычества много общаго. *Геродотовы Скиты и Руссы* послѣднихъ столѣтій язычества *поклонялись огню, небу, земль, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми*³⁾; *не имѣли храмовъ*, поклонялись своимъ богамъ только посредствомъ жертвоприношеній и *особенно почитали бога войны*⁴⁾; имѣли *многочисленный классъ гадателей—знахарей—волх-*

¹⁾ См. Боргмана: „Les Scythes“ etc.; изд. II, стр. IX и слѣд.— Мюлленгофа: „Ueber der Herkunft u. Sprache pont. Scythen u. Sarmaten“, въ „Monat. B. d. Ac. zu Berlin“. August 1866.

²⁾ См. J. G. Cuno: „Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde“; I, „Die Skythen“. 1871. Berlin.

³⁾ По Геродоту, Скиты поклонялись: *Гистіи, Зевсу, Гепъ, Аполлону, Афродитѣ-Ураніи, Гераклу и Арю* (Кн. IV, гл. 59). Тѣхъ же боговъ, подъ именами *Сварога, Дажь-бога, Хорса, Матери-сырой земли, Волоса, Перуна и Еюрія Храбраго*, почитали русскія племена въ эпоху язычества. См. Бестужева-Рюмина: Русская исторія; т. I, гл. I, стр. 11—16; изд. 1872.

⁴⁾ „Скиты не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры, алтари и храмы, за исключеніемъ Арю“... Геродотъ; кн. IV, гл. 59 и 62.—„Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у Русскихъ Славянъ не упоминаетъ“. Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія; т. I, стр. 31. „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, идѣ стояше Перунъ...“ П. С. Р. Л.; I; стр. 23; см. еще стр. 34, 50; годы: 945, 980, 988.

вовъ—кудесниковъ, прорицаніямъ которыхъ безусловно повиновались, такъ какъ, по народнымъ вѣрованіямъ, гадатели владѣли способностью узнавать волю боговъ¹⁾.

Описывая скитскія жертвоприношенія, Геродотъ говоритъ слѣдующее: „Способъ жертвоприношенія у всѣхъ Скитовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же, и состоитъ въ слѣдующемъ: „Ставится жертвенное животное со связанными передними ногами, а позади его стоящій жертвоприноситель тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ накидываетъ петлю на шею животнаго, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ животное“²⁾. Эти способы опрокидывать и удавливать (накрутка) крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи мѣстными коновалами и крестьянами.

Къ области религіи древнихъ языческихъ народовъ принадлежали погребальныя обычаи. Древніе индоевропейскіе народы отличались особеннымъ уваженіемъ къ праху покойниковъ и хоронили мертвыхъ при обычаяхъ и обрядахъ, по отношенію къ которымъ они являются особенно консервативными. Особый консерватизмъ въ этой области древняго права былъ слѣдствіемъ вѣрованія, по которому уклоненіе отъ установленныхъ издавна погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ, могло отразиться на благополучіи будущей жизни мертвеца и вызвать съ его стороны мщеніе оставшимся въ живыхъ родственникамъ. Благодаря консерватизму погребальнаго права, скинскіе обычаи погребенія покойниковъ домо сохранялись Славянами, а отчасти соблюдаются и въ настоящее время.

По Геродоту, тѣло умершаго скитскаго царя бальзамировали, а потомъ везли на колесницѣ по землямъ народовъ, состоявшихъ подъ властью царя, до земли Герровъ, въ которой находилось

1) „Гадателей у Скитовъ мною... Въ случаѣ болѣзни скитскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей“... Геродотъ; кн. IV, гл. 67 и 68.—„Что касается до волхвовъ (у Славянъ), то это были гадатели, но никакъ не жрецы“. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 22. „Есть у Славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никоимъ образомъ“. „Сказанія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста“, изд. Д. А. Хвольсона,—1869 г.; гл. VI, § 9, стр. 38.—Ср. П. С. Р. Л.; т. I, стр. 16, 75—78; годы 912, 1071.

2) Исторія; кн. IV, гл. 60.

кладбище или гробницы царей. *Скитскіе народы*, встрѣчавшіе трупъ царя, „отрѣзываютъ часть уха, обрѣзываютъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ порѣзы, царапаютъ лобъ и носъ и лѣвую руку прокалывали стрѣлами“¹⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, *славянскія* женщины, когда случится у нихъ покойникъ, „царапаютъ себѣ ножею руки и лица“²⁾. Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“ говорится: Когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то „невѣрные люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе; яко погребаему сущу сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицомъ, а могилы вверхъ холмомъ не сыпаху, но ровно съ землю, ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни кожикроенія не творяшеся, ни миздранія, ни плача безмѣрнаго, и о томъ безумніи ругахуся“³⁾.

По Геродоту, въ обширной четырехугольной могильной ямѣ клали трупъ скитскаго царя, а возлѣ него хоронили одну изъ его женщинъ, предварительно задушивши ее, а также виночертія, повара, конюха, смру, вѣтника“⁴⁾. „Славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними сожигаютъ рабовъ обоюгаго пола, ихъ женъ и всѣхъ тѣхъ, которые находятся при особѣ государя: секретаря, визиря, любимца и лѣкаря“⁵⁾.

По Геродоту, надъ могилою Скиты устраивали земляную насыпь, прилагая старанія къ тому, чтобъ она вышла какъ можно больше; по прошествіи года, Скиты справляли поминки покойнаго царя на его могилѣ, принося ему въ жертву 50 юношей и лошадей⁶⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, „Славяне черезъ годъ по смерти покойника“ поминали его „на могильномъ холмѣ“ тризною; глядя по средствамъ родственниковъ покойнаго⁷⁾. *Годичный поминальный столъ славянскихъ народовъ настоящаго времени*, несогласный съ духомъ

¹⁾ Исторія; кн. IV, гл. 71.

²⁾ См. Хвольсона: „Извѣстія Ибнъ-Даста о Слав. и Русскихъ“; стр. 29.—Гаркави: „Сказ. Мусулм. Писат.“, стр. 264.

³⁾ А. Котляревскій, въ сочиненіи „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (стр. 126—128), за приведеннымъ въ текстѣ извѣстіемъ, говоритъ: „Житіе Константина Муромскаго представляетъ весьма древнее, можетъ быть, современное введенію христіанства свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ Русскихъ Славянъ“.

⁴⁾ Исторія; IV, 71.

⁵⁾ См. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“,—1860 г., стр. 141, примѣч. 19.

⁶⁾ Исторія; IV, 72.

⁷⁾ Хвольсонъ, 29. Гаркави, 265.

христіанскаго ученія, представляет собою остатокъ годичнаго поминовенія покойника скитской эпохи.

По Геродоту, „что касается прочихъ Скитовъ (не царей), то въ случаѣ смерти ближайшіе родственники везутъ покойника на повозкѣ ко всѣмъ его друзьямъ; каждый изъ нихъ устраиваетъ для сопровождающихъ покойника угощеніе, *причемъ отъ всѣхъ яствъ удѣляется часть и покойнику*; частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе 40 дней, а потомъ хоронятъ“¹⁾. У русскихъ и польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено *вѣрованіе*, по которому душа покойника въ теченіе 40 дней не оставляетъ земли, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. *Въ теченіе этого срока душа можетъ ѣсть и пить*: во многихъ мѣстностяхъ выставляютъ для души покойника, обыкновенно на окно, а иногда „на покутѣ“, подъ образами, различныя кушанья, блины, медъ, воду и проч., въ предположеніи, что душа, посѣщая въ теченіе 40 дней оставленный ею домъ, питается выставленными для нея припасами²⁾. Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ, или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминовенія покойника обѣденнымъ столомъ *въ сороковой день послѣ смерти*, когда по народнымъ вѣрованіямъ душа, оставляя землю, окончательно улетаетъ на небо.

Государственное, уголовное и гражданское право Скитовъ эпохи Геродота мало извѣстны, но въ томъ, что извѣстно, мы встрѣчаемъ черты ближайшаго сродства съ правомъ русскихъ Славянъ языческой эпохи.

Подобно народонаселенію Руси X вѣка народонаселеніе Скитіи V вѣка до Р. X. *дѣлилось на племена*; каждое племя владѣло ему принадлежавшею областью, а *область племени дѣлилась на волости, въ каждой изъ которыхъ былъ кумиръ бога войны*, какъ были свои кумиры Перуна въ Новгородѣ, Кіевѣ, въ Ростовѣ и другихъ русскихъ волостяхъ. Во главѣ Скитіи эпохи Геродота, какъ во главѣ Руси X вѣка, стоялъ *царь царей*,—*великій князь*; во главѣ племенъ стояли *цари-князья*, состоявшіе подъ властью царя царей,—*подручники великаго князя*, а во главѣ волостей скитской земли стояли „ар-

¹⁾ Исторія; IV, 73.

²⁾ *Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, крестьянскіе дома, живущіе по старинѣ, тщательно наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно для утоленія жажды покойника, и смотря по количеству убыли, заключаютъ, посѣщаетъ душа оставленный ею домъ, или не посѣщаетъ, довольна она своими родственниками, или недовольна.

хонты“, соотѣтствовавшіе старѣйшинамъ, мѣстнымъ князьямъ земли Древлѣнской X вѣка и другихъ славяно-русскихъ земель того времени ¹⁾).

По Геродоту, „скитскій царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей осужденныхъ на казнь гадателей,—все мужское поколѣніе ихъ предается казни“ ²⁾); по Русской Правдѣ, разбойникъ осуждается на потокъ и разграбленіе „вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми“ ³⁾).

По Геродоту, Скитъ, обтянувши черепъ непріятеля кожей, или покрывши золотомъ, употребляетъ его вмѣсто чаши; „такъ поступаютъ Скиты и съ черепами одноплеменниковъ, въ случаѣ тяжбы между ними, и когда обвинитель одерживаетъ верхъ надъ обвиняемымъ въ присутствіи царя; такой черепъ Скитъ показываетъ уважаемымъ гостямъ, при чемъ напоминаетъ, что это былъ его соплеменникъ, вступившій съ нимъ въ борьбу, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ“ ⁴⁾). Левъ Діаконъ Калойскій, въ свидѣтельствѣ о происхожденіи Руссовъ времени Святослава отъ Скитовъ времени царя Анахарсиса, говоритъ слѣдующее: „Тавроскиты (русскіе) и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои тяжбы убійствомъ и кровью“ (φόνος γάρ εἶσενι τὰ νεῖκη Ταυροσκήδαι διακρίνεῖν εἰσθάσι) ⁵⁾). О судебномъ поединкѣ у Славяноруссовъ X вѣка говоритъ также арабскій писатель Ибнъ-Даста: „Если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ“ ⁶⁾). Несторъ осуждалъ обычай русскихъ Славянъ, по которому они „убиваху другъ друга“. Не смотря на протестъ христіанской церкви, скитскій обычай судебного поединка удержался въ законодательствѣ русскомъ (договоры съ Нѣмцами, Псковская Судная грамота, Судебники) до изданія Уложенія 1649 г.; „выдача головою“, потерявъ строгій смыслъ скитской эпохи, практиковалась еще въ Московскую эпоху.

По Геродоту, Скиты утверждали клятвенный договоръ слѣдующимъ образомъ: „Въ глиняную чашу наливается вино, а къ нему примѣшивается кровь договаривающихся, при чемъ дѣлаютъ они уколы

¹⁾ Ср. Геродота; гл. 62, 66, 79. „Пособіе“, стр. 21, 28, 33, 43, 44.

²⁾ Исторія; кн. IV, гл. 69.

³⁾ Списокъ Троицкій, ст. 5; сп. Карамзинскій, ст. 5.

⁴⁾ Исторія; IV, 65.

⁵⁾ „Пособіе“, стр. 108.

⁶⁾ Гаркави: „Сказ. Мус. писателей о Славянахъ и Руссахъ“, стр. 269.

шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ; потомъ погружаютъ въ чашу *мечь, стрѣлы, съкиру и метательное копье*. Совершивши это, они долго молятся, а потомъ пьютъ смѣсь, какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ¹⁾. У Славяноруссовъ X вѣка *участіе оружія* признавалось необходимымъ условіемъ клятвы, утверждавшей договоръ; князь Олегъ и мужи его „по русскому закону *кляшася оружіемъ* своимъ“; „призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, *покладоша оружье* свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси“²⁾. По понятіямъ русскихъ крестьянъ нашего времени, каждую договорную сдѣлку необходимо *затить виномъ* (магарычъ, *litkup*), а самая важная сдѣлка, договоръ съ чортомъ, *пишется кровью договаривающихся*.

Этнографическое сродство древнихъ Скитовъ и позднѣйшихъ Славянъ и Руссовъ выражается также въ наружности и предметахъ внѣшней обстановки быта.

Фантазія Шафарика нарисовала слѣдующій образъ Скита эпохи Геродота: „Скиѣны всѣ были похожи одинъ на другого ростомъ и лицомъ, точь въ точь какъ нынѣшніе монголы; они имѣли тѣло толстое и обрюзглое, ляшки покрытыя тучнымъ мясомъ, брюхо вадутое, волоса рѣдкіе“³⁾. Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десятилѣтій, на югѣ Россіи открыты скитскія могилы III и IV столѣтій до Р. Х., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями Скитовъ, передающими черты ихъ наружности до мельчайшихъ подробностей: „На всѣхъ изображеніяхъ Скиѣновъ мы встрѣчаемъ волоса густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой; на многихъ изображеніяхъ, какъ напримѣръ на монетахъ царей Скилура, Фарзоя и Канитеса, въ изображеніяхъ Скитовъ на Куль-Обской и Никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скитскихъ всадниковъ и пр., индоевропейскій и въ частности славянскій типъ древнихъ Скитовъ выраженъ отчетливо и убѣдительно“⁴⁾.

„Форма лицевыхъ костей въ скиѣнскихъ черепахъ“, говоритъ академикъ Бэръ, „не представляетъ ничего монгольскаго; носъ у скиѣ-

¹⁾ Исторія; IV, 70.

²⁾ П. С. Р. Л.; I, 13 и 23; годы: 907, 945.

³⁾ „Слав. древн.“; т. I, кн. II, стр. 23.

⁴⁾ Главнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ древности изданы въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѣи“, изд. Имп. Арх. Ком.; вып. I, — 1866 г.; вып. II, — 1872 г.; а также въ изданіи В. А. Прохорова подъ заглавіемъ: „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“, — 1881 г.

скихъ череповъ высокъ и узокъ, а у Монголовъ, какъ извѣстно, онъ плоскій и широкій; у скиѣскихъ череповъ нѣтъ сильно выдающихся скулъ, а мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у Монголовъ¹⁾. „Курганное населеніе скиѣской эпохи“, говоритъ проф. А. П. Богдановъ, „настолько близко по общеплеменнымъ чертамъ къ курганному населенію другихъ, прилегающихъ областей средней Россіи, что съ большою вѣроятностью должно быть отнесено къ одному типу съ ними“²⁾.

Академикъ Стефани, изучая изображенія Скитовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ скитскихъ могилъ, безъ мысли открыть въ нихъ признаки славянской народности, напелъ слѣдующія черты: „Всѣ человѣческія фигуры, помѣщенные на фризѣ серебряной вазы (открытой И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ), очевидно, изображаютъ Скиѣовъ; передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей, ни у одного изъ нихъ нѣтъ шапки на головѣ, всѣ отличаются густыми, длинноостриженными волосами, *какіе еще и теперь точно такъ же носятъ русскіе крестьяне*, и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній Скиѣовъ. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ Скиѣы представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ широкія шаровары, которыя такъ же, какъ на изображеніяхъ Скиѣовъ золотой Куль-Обской вазы, заткнуты за сапоги, но, будучи шире и длиннѣе чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними; извѣстно, что *такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ*. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно прилегающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ *казацкій кафтанъ—казакинъ*“³⁾.

Историкъ Францъ Шварцъ, въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ переселеніяхъ народовъ, говоритъ: „Скиѣы по своему внѣшнему облику не были монгольскаго племени, что истекаетъ уже изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, какъ Геродота, Гиппократы, Каллимаха, Аристотеля, Плинія и Витрувія, свидѣтельствующихъ, что Скиѣы, какъ и Германцы, отличались высокимъ ростомъ, бѣлымъ цвѣтомъ кожи, русыми волосами и голубыми глазами... Изображенія Скиѣовъ на памятникахъ, найденныхъ въ скиѣскихъ гробницахъ, *настолько совпадаютъ съ современнымъ русскимъ типомъ,*

1) Arch. fur Anthropologie; t. X, p. 215. 1877.

2) „О могилахъ скиѣо-сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краниологіи Скиѣовъ“: стр. 14.

3) См. Отчетъ Археол. Имп. Комиссіи за 1864 г. Статья Ак. Стефани: стр. 10, 11, 15 и 16.

что кажется неволью, будто видишь передь собою русскаго мужика¹⁾.

И. Е. Забѣлинъ, въ его очеркѣ „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ“, представляющемъ сводъ фактовъ, относящихся къ обстановкѣ быта Скитовъ, добытыхъ раскопками въ южной Россіи до 1876 года, высказываетъ рядъ нижеслѣдующихъ заключеній: „Простые глиняные горшки скиѳскихъ могилъ имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой *нашей чашки и доходя до кувшина или малороссійскаго мечака*; обыкновенная форма очень сходна съ *малороссійскою же мokitрою*... Скиѳы подпоясывались поясомъ, состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, *собранныхъ на ремнѣ въ чешую другъ на друга*. Переднія полы кафтана кроились косяками, въ родѣ фалдъ; по бокамъ, *какъ у русскихъ одеждъ*, дѣлались прорѣхи; скиѳская рубашка пряталась *по-малороссійски* въ пирочайшія шаровары... Изображенія скиѳскихъ царицъ во многомъ напоминаютъ *русскую старину* даже XVII вѣка... На скиѳскихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV вѣку до Р. Хр., мы находимъ форму травчатого узора и каёмочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ *нашихъ русскихъ украшеніяхъ* на вещахъ и въ рукописяхъ... Любимымъ питейнымъ сосудомъ Скитовъ была братина, очень сходная формою съ *нашею древнею братиной*, и рогъ, тоже *любимый сосудъ Славянъ* на нашемъ югѣ, на славянскомъ сѣверѣ и на балтійскомъ поморьѣ“²⁾.

В. А. Прохоровъ, бывшій профессоръ русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, много лѣтъ посвятившій собранію и сличенію древностей скитскихъ и славянскихъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Многіе этнографическіе признаки, относящіеся къ обстановкѣ быта Скиѳовъ, *повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славянъ вообще и въ особенности Славяно-руссовъ*, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются или имѣютъ близкое сходство и значеніе“³⁾.

Вышеизложенные факты исторіи, лингвистики, миѳологіи, этнологіи, краніологіи и этнографіи, по нашему мнѣнію, доказываютъ фактически единство происхожденія Скитовъ и Руссовъ, принадлежность ихъ къ одному этнографическому типу. *Смѣловательно, въ древніе писатели, начиная съ Геродота, оставившіе свѣдѣнія о бытѣ Скитовъ, Сарматовъ, Саковъ, Гетовъ, Даковъ, Венетовъ, Славянъ, Ан-*

¹⁾ Sundfluth und Völkerwanderungen, s. 133. Stutthardt. 1894.

²⁾ „Исторія русской жизни“; т. I, стр. 640, 642, 645, 647.—Изд. 1876 г.

³⁾ „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ,“—1881 г., стр. 7.

товъ, Ляховъ, Руссовъ и другихъ народовъ скито-славянскаго происхожденія, объединенныхъ въ христіанскую эпоху общимъ этнографическимъ именемъ Славянъ, составляютъ средства научнаго познанія начальнаго періода исторіи права Славянъ вообще и Славяноруссовъ въ частности¹⁾.

Исторія и исторія права cadaго изъ нынѣ существующихъ народовъ скито-славянскаго происхожденія имѣютъ такое же право на сказанія Геродота и послѣдующихъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ писателей о Скитахъ, Сарматахъ и Сакахъ, какое имѣютъ исторія и исторія права cadaго изъ нынѣ существующихъ народовъ тевтоно-германскаго происхожденія на сказанія Юлія Цезаря и послѣдующихъ историковъ о Тевтонахъ, Кимбрахъ и Германцахъ. По свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, такого же перваго историка Тевтоніи, какимъ былъ Геродотъ для Скитіи, Тевтоны, Кимвры и Германцы составляли одинъ народъ, дѣлившійся на племена разнаго образа жизни, но одного происхожденія, одной религіи и одного языка. Поощряя своихъ воиновъ къ битвѣ съ Германцами, Юлій Цезарь говорилъ имъ: „Отцы наши уже имѣли дѣло съ этимъ врагомъ, и пораженіе Кимвровъ и Тевтоновъ К. Маріемъ доставило равную славу и полководцу и его воинамъ“²⁾. *Территорія Тевтоніи эпохи Юлія Цезаря, послужившая родиною германскаго этнографическаго типа, и на глазахъ европейской исторіи выдѣлившая изъ себя нынѣ существующіе народы германскаго этнографическаго типа, Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Шведовъ, точно очернена отцомъ германской исторіи: это была область, лежавшая между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою, верхнимъ теченіемъ Дуная и Альпами. Подобно Скитіи эпохи Геродота, Тевтонія, прародина народовъ германскаго происхожденія, до времени римскаго завоеванія была изолирована водою, непроходимыми болотами, лѣсами и пустынями, значеніе которыхъ Юлій Цезарь опредѣляетъ слѣдующими словами: „Германцы считаютъ величайшею славою для своего государства то, что на далекое пространство они окружены опустошенными и безлюдными пустынями; по ихъ мнѣнію, это доказываетъ, что ни одинъ сосѣдній народъ не можетъ вынести силы ихъ оружія, да притомъ этимъ способомъ они желаютъ обезопасить себя отъ внезапныхъ нападений; говорятъ, что за границею земли Свевовъ (въ эпоху Юлія Цезаря занимавшихъ восточную границу Германіи, у рѣки Эльбы)*

¹⁾ Свѣдѣнія о бытѣ народовъ скито-сарматскаго происхожденія см. въ изданіи: „Извѣстія Древнихъ Писателей Греческихъ и Латинскихъ о Скивіи“, В. В. Латышева. Спб. 1892—1906 гг. Записки Имп. Рус. Арх. общества; приложенія.

²⁾ Зап. о Галь. войнѣ; кн. I, гл. 40. См. еще кн. II, 29; внига VII, 77.

тянется на 600 миль безлюдная пустыня... Герцинскій лѣсъ сопровождаетъ рѣку Дунай съ правой стороны ея теченія и доходитъ до земли Даковъ...; ни одинъ Германецъ, совершивъ отъ начала этого лѣса 60-дневный по немъ путь, не достигалъ его конца и не знаетъ, гдѣ онъ оканчивается“¹⁾).

Указанная Юліемъ Цезаремъ изолированность, географическая и политическая разобщенность Тевтоніи и Скитіи до времени римскихъ завоеваній имѣла своимъ смѣстнымъ происхожденіемъ двухъ этнографическихкихъ типовъ, германскаго и славянскаго. Римскій завоевательный натискъ вызвалъ географическіе и политическіе разрывы въ средѣ тевтонскаго и скитскаго этнографическихкихъ типовъ и образование новыхъ германскихъ и славянскихъ государствъ, въ которыхъ сложились этнографическіе признаки новыхъ, нынѣ существующихъ народовъ тевтоно-германскаго и скито-славянскаго происхожденія. Если новые народы германскаго происхожденія, Англичане, Французы, Нѣмцы, начинаютъ первый періодъ своей исторіи и исторіи своего права сказаніями Юлія Цезаря о Тевтоніи и Тевтонахъ, какъ прародинѣ и предкахъ Германцевъ, то и новые народы славянскаго происхожденія должны начинать научную разработку перваго періода своей исторіи и своего права изученіемъ сказаній Геродота о Скитіи и Скитахъ, потому что это были прародина и предки нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ. Только указанное Юліемъ Цезаремъ размежеваніе прародинѣ и исторіи Германцевъ и Славянъ, по нашему мнѣнію, можетъ дать научной исторіи Европы направленіе, соответствующее исторической дѣйствительности.

¹⁾ Тамъ же; кн. IV, 1, 3; кн. VI, 23, 24.

III. Общіе законы Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ ¹⁾).

1. Уголовная система церковнаго устава князя Ярослава Владиміровича.

Преступленія, перечисленныя въ этомъ уставѣ, по наказуемости, дѣлятся на 5 категорій.

Къ первому отдѣлу относятся дѣянія, за которыя назначены опредѣленный штрафъ въ пользу церкви, или церковное наказаніе и наказаніе со стороны князя. Сюда относятся: насильственное похищеніе и изнасилованіе дѣвицъ; оскорбленіе женщинъ побои; самовольное расторженіе брака; злоупотребленіе довѣріемъ дѣвицы; прелюбодѣяніе мужа; поджогъ; кровосмѣшеніе съ сестрою; оскорбленіе словомъ женъ великихъ бояръ; остриженіе головы и бороды; побои, нанесенные сыномъ отцу или матери. Постановленія устава о преступленіяхъ этой категоріи оканчиваются выраженіями: „а князь казнить“, „и въ казни по закону“, „казнѣтъ его волостельскою казнію“; на примѣръ, „аже кто зажжетъ дворъ, или гумно, или что иное, епископу 100 гривенъ, а князь казнить“; „аже кто съ сестрою согрѣшитъ, епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону“; „аже сынъ бьетъ отца или мать, да казнѣтъ его волостельскою казнью, а епископу въ винѣ“...

Преступленія второго отдѣла караются денежнымъ штрафомъ въ пользу церкви и церковнымъ наказаніемъ (епитимьею). Сюда относятся: рожденіе дитяти дѣвицею; вторичный бракъ женщины безъ законнаго развода, при живомъ первомъ мужѣ, и бракъ женщины съ человѣкомъ уже женатымъ; блудъ между кумовьями; бракъ между родственниками; скотоложство; блудъ свекра со сно-

¹⁾ Дополненія къ лекціямъ курса, посвященнымъ церковнымъ уставамъ князей Владиміра Святославича и Ярослава Владиміровича и Русской Правдѣ.

хою; блудъ женщины съ двумя родными братьями; блудъ женщины-христіанки съ иновѣрцемъ, и наоборотъ. Статьи устава о преступленіяхъ этого рода оканчиваются словами: „и въ епитимьи“, „а епитимью да примуть“, „а епитимья по закону“, „поняти въ домъ церковный“; на примѣръ, „аже кумъ съ кумою сотворитъ блудъ, епископу гривна золота и въ епитимьи“; „аже близкій родъ поимется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примуть“; „а съ животиною,—12 гривенъ, а въ епитимью вложитъ“; „аже свекоръ съ снохою блудитъ, епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону“; „аже два брата будутъ съ единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный“...

Третій разрядъ составляютъ воровство, драки и убійство, совершаемая внутри семейства, между его членами. Постановленія о такихъ преступленіяхъ оканчиваются словами: „епископу въ винѣ со княземъ на-полы“, „платятъ виру князю на-полы со владыкою“, то-есть штрафъ за такія преступленія раздѣляется пополамъ между княземъ и епископомъ; „свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство, аже что чинится, платятъ виру князю на-полы со владыкою“; „аже мужъ крадетъ бѣлые порты, или полотна, портища и поневы, также и женка, епископу въ винѣ со княземъ на-полы“...

Къ четвертому отдѣлу принадлежатъ преступленія, за которыя Уставъ назначаетъ только опредѣленный штрафъ въ пользу церкви; сюда относятся: самовольный разводъ мужа съ женою; блудъ съ монахиною; блудъ съ двумя родными сестрами; блудъ съ мачехою; насильственная выдача въ замужество дочери ея родителями, если насильно выданная „что створитъ съ собою“; оскорбленіе неприличнымъ словомъ женъ бояръ, городскихъ и сельскихъ людей; побои, нанесенные чужой женѣ; побои, нанесенные безъ вины свекромъ снохѣ и деверемъ ятрови. Статьи Устава по этому отдѣлу преступленій заключаютъ въ себѣ только обозначеніе преступления и наказанія; на примѣръ, „аже кто сблудитъ съ черницею, епископу 100 гривенъ“; „аже кто съ мачехою сблудитъ, епископу 40 гривенъ“; „аже мужъ бьетъ чужую жену, за соромъ ей по закону, а епископу 6 гривенъ“...

Пятый отдѣлъ составляютъ преступленія, предоставленныя исключительному суду церкви, безъ участія мірянъ, размѣръ наказанія по которымъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія духовнаго суда. Сюда относятся: блудъ монаховъ, поповъ, попадей и проскурницъ; несвоевременное пьянство монаховъ и священниковъ; самовольное оставленіе монашества; самовольное отправление священникомъ духовныхъ требъ въ чужомъ уѣздѣ; раздѣленіе трапезы съ отлученными отъ церкви и язычниками. Постановленія этой категоріи

оканчиваются словами: „во что ихъ осудить волень“, „во что ихъ обрядить“, или „епископу въ винѣ“; напимѣрь, „аже чернецъ, или черница, или попъ, или попадьа, или проскурница впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити епископу оприснь мірянъ, и во что ихъ осудить волень“; „аже чернецъ или черница разстрижется, епископу въ винѣ, во что ихъ обрядить“; „аже попъ, или чернецъ упьется безъ времени, епископу въ винѣ“...

По нѣкоторымъ преступленіямъ, кромѣ вышесказанныхъ наказаній, виновные обязаны были уплатить вознагражденіе въ пользу обиженнаго, за „соромъ“, т.-е. за безчестіе, обыкновенно равное штрафу въ пользу епископа. Сюда принадлежатъ: насильственное похищеніе и инасилованіе дѣвиць; оскорбленіе женщинъ побоями; самовольное оставленіе жены, „безъ вины“; злоупотребленіе довѣріемъ дѣвицы; оскорбленіе словомъ чужихъ женъ. Въ количествѣ вознагражденія за безчестіе различается общественное положеніе оскорбленныхъ женъ и дѣвиць, именно: жены и дочери большихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ людей, простой чади, а также городскихъ и сельскихъ людей; напимѣрь, „аже кто пошибаетъ боярскую дочь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота, а нарочитыхъ людей три рубли, а епископу три рубли, а простой чади 15 гривенъ, а епископу 15 гривенъ; а князь казнить“; „аще кто зоветъ чюжу жену блядью: великихъ бояръ за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а князь казнить; а будетъ меньшихъ бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота; а будетъ городскихъ людей за соромъ 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а епископу гривна серебра“.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Устава Ярослава, именуемыхъ списками пространной редакціи, имѣется рядъ статей, опредѣляющихъ законныя причины брачнаго развода.

2. Подлинность церковныхъ уставовъ князей Владиміра и Ярослава.

По вопросу о подлинности церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава высказаны въ литературѣ три воззрѣнія; по первому эти памятники подложны, второе находитъ ихъ подлинными, третье признаетъ невозможнымъ въ настоящее время положительное рѣшеніе этого вопроса; изъ нихъ во второй категоріи различаются литературныя воззрѣнія по вопросу объ относительной древности краткой и пространной редакціи Устава Владиміра.

Преосв. Макарій, на вопросъ: какую изъ редакцій Устава Владиміра должно признать наиболѣе близкою къ подлиннику? отвѣчаетъ: „вѣроятно, древнѣйшей и ближайшей къ подлиннику была обширная редакція“¹⁾. По мнѣнію Неволина, „наиболѣе близкою къ первоначальному подлиннику должно признать краткую редакцію“²⁾. По мнѣнію Владимірскаго-Буданова „только краткая редакція можетъ быть съ нѣкоторою вѣроятностью приписана св. Владиміру, между тѣмъ какъ пространная редакція безъ всякаго сомнѣнія не принадлежитъ ему“³⁾. По мнѣнію г. Сергѣевича, „при отсутствіи данныхъ, вопросы этого рода не могутъ получить окончательнаго рѣшенія“⁴⁾:

Сравненіе литературной аргументаціи, направленной одними къ отрицанію, а другими къ доказательству подлинности церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, и сопоставленіе ее съ фактами источниковъ, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Содержаніе церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава соотвѣтствуетъ потребности времени въ законѣ, долженствовавшемъ опредѣлить положеніе христіанскаго духовенства въ Россіи и отношеніе новаго христіанскаго общества къ государству. Этой потребности долженъ былъ удовлетворить уже князь Владиміръ Равноапостольный⁵⁾.

2. Содержаніе церковныхъ уставовъ Ярослава и удѣльныхъ князей тѣсно связано съ содержаніемъ Устава Владиміра, представляетъ собою только развитіе и дополненіе послѣдняго. Во вступленіи Ярослава Устава говорится: „Сгадалъ есми съ митрополитомъ съ Ларіономъ по данью отца своего“, то-есть, по данному, узаконенному отцомъ Ярослава⁶⁾. Ярославовъ Уставъ имѣлъ цѣлью только дополненіе и поясненіе Устава Владиміра. Соотвѣтственно

1) Ист. церкви, I, стр. 169, 172.

2) Полн. собр. соч., VI, стр. 294.

3) Христоматія, I, стр. 212, пр. I.

4) Лекція и изслѣд., стр. 158.

5) См. выше, стр. 214.

6) Слова „дать“ и „установить“, „данное“ и „установленное“ употребляются въ уставахъ Владиміра и Ярослава, какъ синонимы; на примѣръ: „То вся далъ есмь по первымъ царевъ уряженью... Аще кто преобидитъ нашъ уставъ“ (Уст. Влад.). „Далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ..., а кто уставленіе мое порушитъ..., а порушитъ рядъ мой и вступится въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту и епископомъ по всѣмъ городамъ, по правиламъ святыхъ отецъ, судивше казнити по закону“ (Уст. Яросл.).

этой цѣли, все то, что казалось ясно и полно выраженнымъ въ Уставѣ Владиміра, оставлено нетронутымъ въ Уставѣ Ярослава: церковная десятина, преступленія противъ вѣры, порученіе церкви наблюденія за вѣсами и мѣрами, перечень церковныхъ людей; наоборотъ, что было выражено въ Уставѣ Владиміра неясно и неполно, то получило развитіе въ Уставѣ Ярослава: обозначены наказанія за преступленія, подсудныя церкви, подробнѣе исчислены преступленія, подлежащія суду церкви, ясно выражено право духовенства на выморочное имущество церковныхъ людей и перечислены законныя причины расторженія брака. Только разсматривая Уставъ Ярослава, какъ дополненіе Устава Владиміра, дѣйствовавшее одновременно и въ связи съ нимъ, какъ одинъ законъ, мы поймемъ, почему въ Ярославовомъ Уставѣ ничего не говорится о церковной десятинѣ, почему въ немъ нѣтъ перечня церковныхъ людей, почему онъ молчитъ о правѣ и обязанности церкви слѣдить за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и почему въ немъ не упоминаются преступленія противъ вѣры и семейной нравственности, исчисленныя въ Уставѣ Владиміра. Въ такой же тѣсной связи находится содержаніе Устава Владиміра съ содержаніемъ церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей: Всеволода-Гавріила (около 1135 г.), Святослава (1137 г.) и Ростислава (1150 г.)¹⁾

Только въ значеніи мѣстныхъ дополненій къ этому общему закону церковные уставы удѣльныхъ князей имѣютъ смыслъ, а

¹⁾ Уставъ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила представляетъ собою только болѣе пространную редакцію Устава Владиміра, дополненнаго соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ новгородской церкви. Уставъ новгородскаго князя Святослава Ольговича начинается слѣдующими словами: „Уставъ, бывший прежде насъ въ Руси отъ прадыдъ и отъ дядъ нашихъ: имати пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ князь дворъ всего; а здѣ въ Новѣгородѣ, что есть десятина отъ даній обрѣтохъ уряжено прежде мене бывшими князи; толико отъ виръ и продажъ десятины зрѣлъ...“ Этотъ недостатокъ прежнихъ узаконеній по отношенію къ Новгороду и пополняетъ Уставъ Святослава. Точно также Уставъ Ростислава Мстиславича, князя смоленскаго, учреждая епископію въ Смоленскѣ и опредѣляя спеціальныя средства ея содержанія, въ опредѣленіи сферы дѣятельности епископа упоминаетъ о церковныхъ людяхъ, но не перечисляетъ ихъ; а въ перечнѣ дѣлъ, подсудныхъ церкви, умалчиваетъ о наказаніяхъ и о преступленіяхъ противъ вѣры, обозначенныхъ въ уставахъ Владиміра и Ярослава, очевидно предполагая существованіе по этимъ предметамъ общаго закона, каковымъ могли быть только церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей въ Россіи.

разсматриваемые безъ отношенія къ уставамъ Владиміра и Ярослава представляются отрывочными и возбуждающими множество недоразумѣній. Признаніе уставовъ Владиміра и Ярослава подложными должно вести къ признанію подложными и церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей.

3. Въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ *церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей являются въ официальныхъ источникахъ законами княжескими, дѣйствовавшими на всемъ пространствѣ русской земли*¹⁾.

Въ сборникахъ церковныхъ законовъ и въ спискахъ лѣтописей, сохранившихся отъ XIV, XV и XVI столѣтій, церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей являются записанными, какъ законы официальные, дѣйствовавшіе и не возбуждавшіе никакихъ сомнѣній. Въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной русской лѣтописи, послѣ извѣстныхъ словъ: „Ярославъ, давь Новгородцамъ Правду и Уставъ, списахъ грамоту, и рече: по сему ходите и держите, якоже списать вамъ“, слѣдуютъ: Русская Правда, Судебникъ царя

¹⁾ Въ рукописной Кормчей книгѣ, принадлежавшей Новгородскому Софійскому собору, а нынѣ хранящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ, имѣется слѣдующая отмѣтка: „Въ лѣто 6790 (1280) написаны быша книги сія *повелъніемъ новгородскаю князя Дмитрія* и стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента, и положены быша въ церкви святой Софіи на почитаніе священникамъ и на послушаніе христіанамъ“. Рядомъ съ каноническими постановленіями въ эту книгу были внесены: Русская Правда, церковный Уставъ Владиміра въ пространной редакціи и церковный Уставъ Святослава (Рус. Дост. I, с. 21). Въ 1286 году была написана Кормчая книга для князя волынскаго Владиміра Васильковича, со внесеніемъ въ эту книгу Устава Владиміра въ краткой редакціи (Пр. Макарій: Ист. Цер; I, с. 174, пр. 271). Въ посланіи епископа Владимірскаго къ великому князю Владимірскому Дмитрію Александровичу, сыну Александра Невскаго, церковные суды перечисляются словами Устава Владиміра краткой редакціи: „ропустъ, смильное“ и т. д., а въ заключеніи говорится: „То все суды церковные даны закономъ Божиимъ, прежними цари и великими нашими князьми, князю и бояромъ и судіямъ въ тѣ суды нѣлзѣ вступатися“ (тамъ-же, с. 173, пр. 269). Отсюда, допустивъ предположеніе Карамзина о поддѣлкѣ Устава Владиміра „какимъ-нибудь монахомъ въ концѣ XIII вѣка“, мы должны допустить также, что эта поддѣлка была совершена одновременно въ трехъ областяхъ древней Русіи, въ землѣ Новгородской, въ землѣ Владиміро-Волынской и въ землѣ Суздальской, и получила силу общаго закона русской земли, признаннаго князьми, митрополитами и епископами, что представляется совершенно невозможнымъ.

Константина, Уставъ Владиміра и Уставъ Ярослава¹⁾. Этотъ сборникъ законовъ въ спискахъ лѣтописей, относящихся къ XV и XVI столѣтіямъ, оканчивается слѣдующею припискою: „Я князь великій Василій Дмитріевичъ, по совѣту съ отцомъ своимъ митрополитомъ Кипріаномъ, *нашедши старый Номоканонъ, управимъ по старинѣ о судахъ церковныхъ, какъ управимъ прадыѣ мой святой Владиміръ и сынъ его князь великій Ярославъ*“. Въ концѣ этой приписки сказано: „*Списанъ же бысть сей свертокъ старою Номоканона* (Кормчей книги) на Москвѣ, въ лѣто 6911“ (1402)²⁾. Эта же приписка, извѣстная въ литературѣ подъ именемъ подтвердительной грамоты вел. кн. Василя Дмитріевича, встрѣчается подъ церковными уставами Владиміра и Ярослава въ Кормчихъ книгахъ, писанныхъ въ XV и XVI столѣтіяхъ³⁾. *Соборъ* русскаго духовенства 1551 года, опредѣляя подсудность церкви, *ссылается на церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей въ Россіи*. Въ виду изложенныхъ фактовъ, допустивъ съ Карамзинымъ, Рейцомъ, Голубинскимъ и др. подложность церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, мы должны были бы допустить и невозможное предположеніе объ участіи въ этомъ подлогѣ князей, митрополитовъ, епископовъ и лѣтописцевъ.

Не подлежащая сомнѣнію архаичность языка Устава Владиміра, необходимость церковнаго устава, обусловленная рецепціей христіанства, логическая связь содержанія церковныхъ уставовъ первыхъ христіанскихъ князей съ церковными уставами удѣльныхъ князей, открытіе Устава Владиміра въ кормчихъ книгахъ XIII вѣка, написанныхъ по повелѣнію князей и признанныхъ официальными законами, и ссылка Стоглава на Уставъ Владиміра, какъ на древнѣйшій общій законъ, опредѣлившій компетенцію церковнаго суда въ Россіи, не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что первымъ закономъ, опредѣлившимъ отношеніе христіанской Церкви къ государству въ Россіи, установившимъ церковную десятину и обозначившимъ сферу дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церковному суду, былъ Уставъ Владиміра, дополненный Уставомъ Ярослава⁴⁾.

¹⁾ См. П. С. Р. Л., V, стр. 57 и слѣд.; XV, 141 и др.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, стр. 86.

³⁾ См. Востокова: Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 296; Розенкампа: Обзор. Кормчей кн., пр. 209, 210; Неволина, П. С. С., VI, 312.

⁴⁾ Объясненіе происхожденія разныхъ редакцій церковныхъ уставовъ князей Владиміра и Ярослава и нѣкоторыхъ анахронизмовъ въ ихъ содержаніи см. во второмъ дополненіи къ курсу лекцій изд. 1902 г.

2. Изданія, литература, система содержанія и денежная система Русской Правды.

Изданія Русской Правды.

1. Академическое 1767 года.
2. Болтина, 1799 года, по шести спискамъ, снабженное переводомъ древняго текста на новый языкъ и примѣчаніями.
3. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1815 года, помѣщенное въ первой части „Русскихъ Достопамятностей“, по списку, взятому изъ древнѣйшей Кормчей, относящейся къ XIII вѣку, съ вариантами изъ прежнихъ изданій и предисловіемъ Калайдовича.
4. Того же Общества, 1843 года, по списку также XIII вѣка, помѣщенное во второй части „Русскихъ Достопамятностей“, съ объясненіями Дубенскаго.
5. Тобина, 1844 г., съ переводомъ на нѣмецкій языкъ.
6. Калачова, 1846 года, помѣщенное въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ“, по 30 спискамъ; статьи расположены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ въ оригиналѣ, а въ системѣ, принятой издателемъ, разбившимъ ихъ на четыре отдѣла, въ которыхъ помѣщены статьи, относящіяся къ праву государственному, процессуальному, уголовному и гражданскому.
7. Калачова, 1847 года, по четыремъ спискамъ: Академическому конца XIII вѣка, Троицкому конца XIV вѣка, Карамзинскому XV вѣка и Оболенскому XVII вѣка.
8. Утина и Лазаревскаго, 1859 года, въ Собр. важ. пам. русскаго права, по спискамъ: Академическому, Троицкому и Карамзинскому.
9. Владимірскаго-Буданова, въ I т. Христоматіи, по двумъ спискамъ: Академическому и Карамзинскому, съ подстрочными объясненіями и примѣчаніями издателя.
10. Мрочекъ-Дроздовскаго, 1885 года, во второмъ выпускѣ его „Изслѣдованій о Русской Правдѣ“, по тремъ спискамъ (Румянцевскому, Синодальному I-му и Бѣляевскому); къ изданію приложенъ объяснительный словарь.
11. Самоквасова, по спискамъ Академическому и Троицкому, въ „Пособіи“, изд. 1908 г., № VIII.

Литература Русской Правды.

Русская Правда была открыта въ спискѣ новгородскаго лѣтописнаго свода XV вѣка историкомъ Татищевымъ, представившимъ ее, съ объяснительными примѣчаніями, въ Академію Наукъ въ

1738 году; но въ академическомъ изданіи (подъ редакціей А. Шлецера) она появилась только въ 1767 году. Съ того времени почти всѣ русскіе историки и историки-юристы останавливали свое вниманіе на этомъ памятникѣ, преимущественно на вопросахъ о его происхожденіи, составѣ содержанія и источникахъ.

Академикъ Струбе-де-Пьермонтъ, сличивъ содержаніе Русской Правды съ древними датскими и шведскими законами, нашель между ними сходство, которымъ Шлецеръ воспользоваться, какъ новымъ доказательствомъ скандинавскаго происхожденія Руси¹⁾.

Карамзинъ признавалъ въ содержаніи Р. Правды „законы Ярослава, принесенные Варягами-Скандинавами, а потому согласные съ древними законами скандинавскими²⁾).

Эверсъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что шведскіе и датскіе законы, изъ которыхъ будто бы заимствовано было содержаніе Р. Правды, сами составлены были цѣлыми столѣтіями позднѣе появленія этого сборника законовъ; но, признавая сходство его содержанія съ содержаніемъ древнихъ шведскихъ и датскихъ законовъ, Эверсъ старался отыскать ихъ общій источникъ и предположилъ таковымъ законы салическихъ и рипуарскихъ франковъ³⁾.

Со времени Каченовскаго, доказывавшаго, что Лѣтопись Нестора и Р. Правда, по времени своего происхожденія, не принадлежатъ XI вѣку, а представляютъ собою сборники XIII или XIV вѣка⁴⁾, въ нашей ученой литературѣ складываются и взаимно полемизируютъ два воззрѣнія по вопросу о происхожденіи и составѣ содержанія Р. Правды, изъ которыхъ одно усматриваетъ въ этомъ памятникѣ официальный сборникъ законовъ или уставовъ Ярослава, его дѣтей и внуковъ, а другое видитъ въ ней сборникъ частнаго лица, составленный изъ княжескихъ уставовъ, судебныхъ рѣшеній и нормъ обычнаго права.

По мнѣнію Полевого, Р. Правда не есть уложеніе, данное Яро-

¹⁾ Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes. 1756 an. Пер. Нарышкина: Слово о началѣ и перемѣнахъ российскихъ законовъ. Hainhold's: Beilagen zum Neuveränderten Russland. Erster Th. Riga und Mitau. 1769 г., № 329 und folg.

²⁾ Ист. Госуд. Рос.; I, 144; II, 26.

³⁾ Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat. 1814. Erstes Buch, S. 103—117.

⁴⁾ Вѣстникъ Европы за 1829 г., № 13 и 15. Ученыя записки Москов. Универс. за 1835 г., № 9 и 10.

славомъ, а сборникъ законовъ, составленный въ разныя времена, изъ разныхъ источниковъ, разными лицами¹⁾.

По мнѣнію Погодина: „Первыя 17 статей Р. Правды представляютъ собою законодательство Ярослава Мудраго, а затѣмъ, ниже словъ „по смерти Ярослава совокупишеся сынове его“, слѣдуетъ законодательство сыновей Ярослава, оканчивающееся предъ заглавіемъ статьи „Уставъ Владимира Всеволодовича“, за которымъ слѣдуетъ законодательство Владиміра Мономаха“²⁾.

Бѣляевъ также признавалъ въ Правдѣ сборникъ законовъ и различалъ въ немъ законы Ярослава, сыновей Ярослава, Владиміра Мономаха и законы XIII столѣтія³⁾.

По мнѣнію Раковецкаго: „Если бы изслѣдователи положили въ основаніе своихъ изысканій естественное и соответствующее исторической дѣйствительности положеніе, по которому Славяне издревле имѣли свое право, принесенное ихъ предками въ Европу, то не стали бы вмѣстѣ съ Шлецеромъ, Струбе, Эверсомъ, Чацкимъ и другими учеными скитаться по неизвѣстнымъ намъ странамъ готскимъ, датскимъ, шотландскимъ и скандинавскимъ, отыскивая въ нихъ начало древнеславянскихъ правъ, и признали бы въ Р. Правдѣ самобытный остатокъ славянскаго права глубочайшей древности“⁴⁾.

По мнѣнію Розенкамфа: Слова Ярослава „по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите“, безъ сомнѣнія, относятся не къ Русской Правдѣ, а къ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новгородцамъ. Постановленія, основанныя на древнѣйшихъ обычаяхъ, составляютъ Р. Правду; существовала она до князей Владиміра и Ярослава и прочихъ преемниковъ княжескаго престола; она содержитъ въ себѣ слѣды понятій, свойственныхъ всѣмъ первобытнымъ сѣвернымъ народамъ, какого бы они ни были происхожденія; но въ то же время она есть и туземный плодъ древняго времени⁵⁾.

По мнѣнію Неймана: „Вся Р. Правда, можетъ быть, есть не что иное, какъ первый опытъ юридическаго сборника. Выписавъ Правду Ярослава и за ней Правду сыновей его, составитель прибавилъ къ нимъ всѣ другія постановленія, имѣвшія въ его время юридическую силу и извѣстныя ему изъ судебныхъ рѣшеній и

1) Исторія русскаго народа, т. I, стр. 271, прим. 209; стр. 256, пр. 192.

2) Изслѣд., зам. и лекціи, т. III, гл. VII, стр. 359 и слѣд.

3) Лекціи, стр. 220 и слѣд.

4) J. V. Rakowieckiego: Prawda Ruska etc., с. 222 и слѣд. 1820 г.

5) Обзорніе Кормчей книги, стр. 222 и слѣд. Изд. 1829 года.

изъ другихъ памятниковъ права; во всякомъ случаѣ, такой именно сборникъ представляетъ собою такъ называемая Р. Правда XIII вѣка¹⁾.

По мнѣнію Калачова: „По формѣ или внѣшнему составу ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ Р. Правды не есть офиціальныи текстъ, т.-е. законодательный уставъ, уложеніе или сборникъ въ томъ видѣ, какъ они были составлены и изданы отъ имени верховной власти и подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ... Р. Правда, въ той формѣ, какую она имѣетъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ, есть очевидно сборникъ, составленный частнымъ лицомъ и въ разное время такимъ же образомъ дополненный, подъ вліяніемъ различныхъ условій²⁾. Это мнѣніе принято Дювернуа, Сергѣевичемъ, Владимірскимъ-Будановымъ и др.³⁾.

По мнѣнію Грицко: „Правда Ярослава, Изяславова и XIII столѣтія суть частныя сборники, составленные частными лицами и такимъ же образомъ дополненные...; но для такого мнѣнія нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Мы пришли бы въ немалое затрудненіе, если бы насъ попросили, не говоримъ указать, а только предположительно объяснить: кѣмъ и съ какою цѣлью могли составляться такіе сборники, и какимъ образомъ къ этимъ частнымъ сборникамъ могли приклеить имя Ярослава“⁴⁾.

По мнѣнію Ланге: „Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Р. Правда не есть документъ офиціальныи, но сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій... По нашему мнѣнію, Р. Правда въ различныхъ ея спискахъ представляетъ копии съ

¹⁾ Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von J. Pl. Ewers (1830). Entwicklung des russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda, s. 52—58.

²⁾ Исслѣдованія о Русской Правдѣ, стр. 29 и слѣд. 1846 г.

³⁾ См. Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 44 и слѣд.; Сергѣевича: Лекціи и исслѣдованія, стр. 160 и слѣд.. Воззрѣнія Неймана и Калачова по вопросу о происхожденіи и составѣ содержанія Р. Правды были приняты и нами, въ обзорѣ литературныхъ воззрѣній на начала политическаго быта древнерусскихъ Славянъ (Исторія русскаго права, т. I, стр. 221—229, изд. 1878 г.); но вполсѣдствіи ближайшее ознакомленіе съ формами и содержаніемъ древнихъ памятниковъ русскаго права и сравненіе ихъ между собою привели насъ къ перемѣнѣ мнѣнія по этому вопросу.

⁴⁾ Участіе общины въ судѣ по Р. Правдѣ.

подлинныхъ уставовъ уголовного и гражданскаго права князей Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха¹⁾.

По мнѣнію Мрочекъ-Дроздовскаго: „Краткая и пространная Русская Правда представляютъ собою своды княжескихъ постановленій; краткая Правда представляетъ собою сводъ первоначальной Ярославовой Правды съ дополненіями ея при сыновьяхъ Ярослава; это сводъ главнымъ образомъ хронологическій; пространная Правда,—это сводъ преимущественно попредметный... Окончательную обработку этотъ сводъ получилъ не позднѣе первой половины XII столѣтія... Временемъ появленія Краткой Правды необходимо признать конецъ XI вѣка“²⁾.

Система содержанія Русской Правды.

Правда или судебный уставъ, изданный княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, опредѣливъ наказанія за убійство (ст. 1), нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій (2—9), передержательство бѣглаго раба (10), побои рабомъ свободнаго человѣка (16), самовольное пользованіе чужою лошадей (11), воровство коня, оружія и одежды (12), поврежденіе чужой собственности (17), порядокъ возвращенія украденнаго (13), порядокъ взысканія долговъ (14) и порядокъ возвращенія бѣглаго или похищеннаго раба (15), удовлетворилъ первой настоятельной потребности въ общемъ судномъ законѣ для всей Русской земли, подвластной Кіевскому князю. Но уже при жизни Ярослава образованіе новыхъ правоотношеній и новые случаи судебной практики требовали изданія новыхъ законовъ, подобныхъ закону объ убійствѣ раба за побои свободнаго человѣка (Тр. сп., 58). Накопленіе отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ вызвало потребность ихъ объединенія въ законодательномъ сборникѣ или сводѣ, подобно тому, какъ накопленіе отдѣльныхъ законовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ составленіе официальныхъ сводовъ русскаго законодательства послѣдующихъ историческихъ эпохъ: Новгородской и Псковской судныхъ грамотъ, княжескаго и царскаго Судебниковъ, Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Первый съѣздъ дѣтей Ярослава, бывшій при его жизни, долженъ былъ удовлетворить этой потребности объединенія отдѣльныхъ уставовъ въ законодательномъ сводѣ; къ первоначальному судебному уставу Ярослава, въ составѣ 17 постановленій, онъ присоединилъ въ

¹⁾ Уголовное право Р. Правды, стр. 3 и слѣд.

²⁾ Лекціи, стр. 254—258, изд. 1892 г. Изслѣд. о Правдѣ; в. II, пред., с. XXXI и слѣд.

хронологическомъ порядкѣ послѣдующіе, дополнительные уставы Ярослава и княжескія судебныя рѣшенія по новымъ частнымъ случаямъ княжеской судебной практики, обративъ ихъ въ законы для рѣшенія такихъ же случаевъ въ будущемъ.

Въ дополнительной части свода (отъ 18 до 43 ст. Акад. сп.) различаются три отдѣла постановленій, изъ которыхъ въ каждомъ сначала говорится о нарушеніи правъ личныхъ, а потомъ правъ имущественныхъ, и четвертый отдѣлъ о пошлинахъ. А именно: I, объ убійствѣ огнищанина (18—20), княжаго тиуна и стараго конюха (21), княжихъ сельскаго старосты, рядовича, смерда и холопа (22—24), о вознагражденіи за кражу и истребленіе животныхъ (25—26), о штрафѣ за кражу раба или рабы (27); II, о свидѣтельствѣ послуха при искѣ о нанесеніи побоевъ (28), о кражѣ лошадей, воловъ и обворованіи клѣти (29), о порчѣ и истребленіи княжей борти (30); III, объ истязаніи смерда, огнищанина, тиуна и мечника (31, 32), объ уничтоженіи межъ (33), о кражѣ ладьи и разныхъ мелкихъ животныхъ (34—37), объ убійствѣ и задержаніи вора на мѣстѣ преступленія (38), о кражѣ сѣна, дровъ, овцы, козы и свиньи (39, 40); IV, распоряженіе о судебныхъ пошлинахъ въ пользу емца, мечника, церкви и князя (41) и о содержаніи вирника (42) и мостника (43). Между двумя послѣдними статьями помѣщается слѣдующее указаніе: „то ти урокъ Ярославль“, повидимому, показывающее, что уставъ-урокъ мостникамъ представляетъ собою послѣдующее добавленіе къ законодательному своду Изяслава, Всеволода и Святослава, утвержденному Ярославомъ въ составѣ только 42 статей.

Пространная редакція Русской Правды представляетъ собою законодательство Ярослава Владиміровича, изложенное въ новой системѣ и частію преобразованное, частію дополненное новыми уставами его сыновей и внуковъ. Въ текстѣ Р. Правды пространной редакціи имѣются прямыя указанія на новые уставы дѣтей Ярослава, изданные послѣ его смерти¹⁾. Накопленіе дополнительныхъ къ Р. Правдѣ Ярослава княжескихъ уставовъ вызывало потребность въ новомъ законодательномъ сводѣ, подобно тому, какъ въ московскомъ государствѣ накопленіе дополнительныхъ къ первому Судебнику указовъ вызывало появленіе второго, а затѣмъ и

¹⁾ „По Ярославѣ же паки совокупившесе сынове его..., и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“ (Сп. Тр. и К., 2). Холопа, ударившаго свободнаго мужа, „Ярославъ Володимеричъ былъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны“ (К., 76. Тр. 58).

третьяго Судебниковъ. Пространная редакція Р. Правды была выработана на създѣ въ Берестовомъ: „А се уставилъ Володимерь Всеволодичъ Манамахъ, по Святополчѣ, созвавъ дружину свою на Берестовомъ...“ (Синод., 40. Тр., 48. К., 66). Содержаніе Мономахова свода расположено въ слѣдующемъ порядкѣ: уставы объ убійствѣ и вѣрахъ (Тр., 1—8); о платѣ за умерщвленіе отроковъ, конюховъ, поваровъ, тіуновъ, рядовичей, смердовъ и холоповъ (9—24); о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ о поклепной вирѣ (15—17); о ростѣ судныхъ кунъ (К., 18); о нанесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ (Тр., 18—25); о передержательствѣ бѣглыхъ рабовъ (26); о самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ, утайкѣ найденнаго, порядкѣ возвращенія украденнаго и конокрадствѣ (27—36); о наказаніи вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, о кражѣ скота и обворованіи клѣти, о кражѣ хлѣба изъ гумна или изъ ямы (Кар., 37, 38); о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ воровства (39—42); о замѣнѣ продажи для татей-холоповъ двойнымъ вознагражденіемъ обиженнаго воровствомъ (43); о порядкѣ взыскапія долговъ (44, 45); о поклажѣ (46); о процентахъ (47, 48); о приплодѣ и приростѣ за 12 лѣтъ (48—65). Новые законы Мономаха: о процентахъ (К., 66, 67); о долгахъ (68, 69); о закупахъ и холопахъ (70—77); о поврежденіи бороды и зуба (78, 79); о покражѣ бобра, разрушеніи борти, поврежденіи межъ и порубкѣ межнаго дуба (Т., 62—66. К., 80—84); о пошлинахъ и содержаніи отроковъ-ѣздоковъ и писца (85); о порубкѣ бортнаго дерева, кражѣ пчель и отысканіи вора по слѣдамъ (86—88); объ истязаніи смерда и огнищанина (89—90); о кражѣ ладьи, поврежденіи перевѣса, кражѣ мелкихъ животныхъ, сѣна и дровъ (91—96); о поджогѣ гумна и двора (97); о злонамѣренномъ поврежденіи скота (98); о порядкѣ производства тяжбныхъ дѣлъ (99, 100); объ убійствѣ женщины (101); о неплатежѣ виры за убійство раба или рабы (102); о наслѣдствѣ (103—107); о платѣ и содержаніи городника и мостника (108—109); о наслѣдствѣ (110—117); о судебныхъ пошлинахъ (118); о ротныхъ пошлинахъ (Т., 101); о холопствѣ (102—115. К. 119—132). Этими статьями оканчивается сводъ Мономаха по Синодальному, Троицкому и другимъ древнѣйшимъ спискамъ. Въ списокѣ Карамзинскомъ имѣются еще три статьи: о человѣкѣ, полгавшемъ куны (133), о городскихъ мостахъ (134) и о мукѣ у дворянина, или у колокольни (135). Заключение: „По си мѣсто Судебникъ Ярославль“.

Соединяя въ одинъ сводъ законодательные акты, изданные въ періодъ княженія Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка и Владиміра Мономаха, составители этого свода не ограничились хронологическимъ сопоставленіемъ состоящаго въ ихъ распоряженіи законодательнаго матеріала, а придали ему замѣчательную для

своего времени внѣшнюю и внутреннюю обработку. Собравъ готовый законодательный матеріалъ, Берестовскій сѣздъ выдѣлилъ изъ него статьи, подлежащія измѣненію или дополненію, а остальные расположилъ въ трехъ отдѣлахъ: 1) постановленія о нарушеніи личныхъ правъ (К., 1—26); 2) постановленія о нарушеніи имущественныхъ правъ (27—44); 3) постановленія гражданскаго права (45—48). Процессульныя постановленія помѣщены въ статьяхъ уголовного и гражданскаго содержанія, къ которымъ они относятся: процессъ о вирѣ,—за статьями объ убійствѣ (15—17), процессъ о продажѣ за личныя поврежденія,—за уголовными статьями объ этомъ предметѣ (24—26), процессъ по имущественнымъ правонарушеніямъ,—въ связи съ уголовными и гражданскими постановленіями объ этомъ предметѣ (27, 29, 30, 32—34, 36, 37, 44—48). Постановленія о судебныхъ пошлинахъ точно такъ же помѣщаются за статьями уголовного содержанія, съ которыми данныя судебныя пошлины стоятъ въ непосредственной связи: уставы Ярослава и его сыновей о вирныхъ пошлинахъ помѣщены непосредственно подъ постановленіями объ убійствѣ свободныхъ людей и дикой вирѣ (7, 8); постановленіе о пошлинѣ съ поклепной виры помѣщается въ статьяхъ о поклепной вирѣ (16). Постановленія о частномъ вознагражденіи за убійство княжескихъ отрока, конюха, повара, тиуна огнищнаго и конюшаго и вообще всѣхъ лицъ несвободнаго состоянія, княжескихъ, и боярскихъ, сведены въ одинъ отдѣлъ, помѣщенный подъ статьями о вознагражденіи вирника (9—14). Въ концѣ постановленій о воровствѣ помѣщена такса разнаго рода домашнихъ животныхъ, по которой взималось частное вознагражденіе за похищенную или поврежденную собственность князя и частныхъ лицъ (41, 42). Постановленія Ярослава свода казуистической формы въ Мономаховомъ сводѣ обобщены и изложены въ формѣ общихъ правилъ (10, 38, 39, 40). Наконецъ, составители Мономахова свода, соединивъ однородныя постановленія въ группы, дали имъ спеціальныя заглавія, указывающія на содержаніе статей, подъ ними помѣщенныхъ.

Вторая часть Мономахова свода заключаетъ въ себѣ измѣненные или дополненные Берестовскимъ сѣздомъ уставы Ярослава свода и новые уставы, составленные сѣздомъ и дополнившіе русское законодательство по дѣламъ земскимъ, изданные до времени созванія Мономахомъ Берестовскаго сѣзда. Начинается эта часть новыми уставами: о процентахъ, о долгѣ, о закупѣ (К., 66—75), то-есть статьями, дополняющими постановленія гражданскаго права первой части свода. Далѣе слѣдуютъ статьи уголовного содержанія: о нарушеніи личныхъ и имущественныхъ правъ (76—102), изъ которыхъ однѣ (о холопѣ ударившемъ свободнаго мужа, о бородѣ,

о зубѣ и пр.) представляютъ собою измененные уставы Ярослава свода, а другіе—новые законы, дополняющіе Ярославовы. Въ концѣ свода помѣщены постановленія объ урокахъ городника и мостника (108, 109), о судебныхъ пошлинахъ (117, 118), о ротныхъ урокахъ (Тр., 101), о наслѣдствѣ (103—107; 110—116) и о холопствѣ (119—132). Процессуальныя постановленія, какъ и въ первой части, связаны со статьями уголовного и гражданского права; однородныя по содержанию постановленія соединены въ группы, разграниченныя спеціальными заглавіями.

Денежная система Русской Правды.

Денежной системѣ Р. Правды посвящали свои труды Болтинъ, Карамзинъ, Каченовскій, баронъ Шодуаръ, Казанскій, Погодинъ, Прозоровскій, Бѣляевъ, графъ Толстой, Мрочекъ-Дроздовскій и др. Этому вопросу посвящена также одна изъ главъ обстоятельнаго изслѣдованія Н. Ланге: „Объ уголовномъ правѣ Р. Правды“, по выводамъ котораго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Р. Правдѣ говорится неопредѣленно о гривнѣ, должно разумѣть не гривну серебра, какъ думали Погодинъ, Казанскій, Прозоровскій и др., а гривну кунъ, которая въ $7\frac{1}{2}$ разъ была менѣе гривны серебра. Гривна кунъ равнялась приблизительно рублю серебра нашего времени и заключала въ себѣ 50 кунъ или рѣзанъ, равнявшихся двумъ копѣйкамъ серебра; ногата же была равна пяти копѣйкамъ серебра¹⁾.

По выводамъ проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, „гривна была высшая единица древняго денежнаго счета. Въ качествѣ денежной единицы гривна= $\frac{1}{2}$ фунта серебра (приблизительно) и была вдвое меньше гривны вѣса, или гривны товарной. Какъ денежная

¹⁾ По системѣ Ланге (стр. 25—54) виру, продажи и цѣны на разные предметы, выраженные въ нашихъ деньгахъ, въ эпоху Р. Правды были слѣдующія: 80-гривенная вира=80 рублямъ; 40-грив.=40 р.; полувира=20 р.; 12-гривенная, 3-грив. и 30-кунная продажа=12 р., 3 р., 60 коп.; 60-кунная продажа=1 р. 20 к.; цѣна холопа 5 р., рабы—6 р.; княжескаго коня—3 р.; коня смерда—2 р.; кобылы—3 р. и 1 р. 20 к.; жеребенокъ 1 р.; волъ 1 р.; корона 2 руб. и 80 коп.; теленокъ 10 к., баранъ 5 коп., овца 10 к., козель 20 к., коза 30 к., кабанъ 30 к., свинья 10 к., поросенокъ 5 к., курица 18 к., утка 60 к., гусь 60 к., морская ладья 3 р.; набойная ладья 2 р.; челнокъ 40 к.; стругъ 1 р.; возъ сѣна 10 к.; стогъ сѣна 1 р.; возъ дровъ 10 к. Эти цѣны, конечно, выражаютъ не дешевизну предметовъ, а высокую цѣнность денегъ въ эпоху Р. Правды. По системѣ, принимающей безымянную гривну Р. Правды за серебряную, приведенныя цѣны должны быть увеличены въ $7\frac{1}{2}$ разъ.

единица, гривна называлась гривною кунъ, то-есть, кунною или денежною, но большею частію на языкѣ памятниковъ того времени и самой Правды кунная гривна упоминается безъ всякаго показателя, а вѣсовая гривна, напротивъ, встрѣчается обыкновенно съ показателемъ металла: гривна золота, серебра. Части гривны слѣдующія: ногата= $\frac{1}{20}$, куна= $\frac{1}{25}$, рѣзана= $\frac{1}{30}$. Кромѣ этихъ гривенныхъ частей въ Правдѣ еще упоминается вѣверица (векша); эта единица= $\frac{1}{30}$ части ногаты¹⁾.

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго права, изд. 1892 г. стр. 261.

IV. Мѣстное законодательство Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ ¹⁾.

1. Литература мѣстныхъ законовъ эпохи удѣльныхъ государствъ.

Изученію памятниковъ удѣльнаго законодательства посвящены въ литературѣ слѣдующія сочиненія:

Митрополита Евгенія: „Замѣчанія объ уставныхъ губныхъ грамотахъ“. Вѣстникъ Европы, 1813 г., № 21.

И. Васильева: „Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи“. Труды Москов. Общества Истор. и Древн. за 1830 годъ.

Саларева: „Описаніе разнаго рода Россійскихъ грамотъ“, Вѣстникъ Европы за 1819 г., № 4.

Андреевскаго: „О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ“. Спб. 1855 г.

Соловьева: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ (разработка договоровъ Новгорода съ князьями). Москва. 1846 г. Его же: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ (разработка междукняжескихъ договоровъ). Москва. 1847 г.

Тобиена: „Die altesten Gerichts-Ordnungen-Russlands“. 1846 г.

Григорьева: „О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ“. М. 1842 г.

Березина: „Ханскіе ярлыки“. Спб. 1850 г.

Неволина: „Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи“. Сочиненія; т. VI (разработаны межевыя грамоты).

Чичерина: „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“. Опыты по исторіи русскаго права. 1858 г.

Горбунова: „Льготныя и жалованныя грамоты монастырямъ и церквамъ XIII—XV вв.“ Архивъ Юрид. и Практ. свѣдѣній, Калачова; 1860, 1861 гг., № 1 и 5.

¹⁾ Дополненія къ лекціямъ курса, посвященнымъ обзору источниковъ знанія мѣстнаго права удѣльныхъ государствъ.

- Высоцкаго: „Уставныя, Судебныя и Губныя грам.“ 1860 г.
- Загоскина: „Уставныя грамоты XIV и XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія“. 1875 г.
- Мейчика: „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Мнистерства Юстиціи“. 1883 г.
- Мрочекъ-Дроздовскаго: „Древнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ“. Юридическій Вѣстникъ Московскаго Юридическаго Общества. 1884 г. май—іюнь.
- Калачова: „О Псковской Судной грамотѣ“. Москвитянинъ. 1848 г. кн. I.
- Устрялова: „Ислѣдованіе Псковской Судной грамоты“. 1855 г.
- Энгельмана: „Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты“. 1855 г.
- Панова: „Ислѣдованіе о Новгородской Судной грамотѣ“. Сборникъ студентовъ Пет. Университ. 1857 г., в. I.
- Шумакова: „Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. 1895 г.
- Самоквасова: „Архивный матеріаль“; т. I изд. 1904 г.; т. II изд. 1908 г.
- Соотв. отдѣлы въ напечатанныхъ курсахъ лекцій по исторіи русскаго права проф. Бѣляева, Мрочекъ-Дроздовскаго, Сергѣевича, Латкина, Ясинскаго, Владимірскаго-Буданова и Филиппова. Подробный указатель литературы см. у Н. П. Загоскина: Наука исторіи русскаго права. Казань, 1891 г.

Договорное право.

1. Содержаніе договоровъ съ Нѣмцами вонца XII вѣка и 1229 года.

По договору конца XII в. за убійство посла, заложника и попа взыскивается 20 гривенъ серебра (т. е. 80 гривенъ кунами; статьи 2 и 15); за убійство купца—10 гривенъ серебра (ст. 3); за самоуправный и неправильный арестъ—10 гривенъ старыхъ кунъ (ст. 4); за рану, сдѣланную оружіемъ или коломъ,—6 гривенъ кунъ (ст. 5); за толчекъ и за поврежденіе одежды—3 гривны кунъ (ст. 6); за побои, нанесенные замужней женщинѣ или дѣвицѣ,—въ пользу князя и въ пользу оскорбленной женщины по 40 гривенъ кунами (ст. 71); за сорваніе съ головы женщины повойника—6 гривенъ кунами (ст. 8); насиліе противъ рабы дѣлало ее свободною, а покушеніе на изнасилованіе рабы наказывалось гривною (ст. 14). Въ статьяхъ о порядкѣ судопроизводства опредѣляется, что въ тяжбахъ безъ крови, при равенствѣ свидѣтельскихъ пока-

заній съ той и другой стороны, нѣмецкой и русской, жребій рѣ-
шаетъ, кому должно назначить присягу (ст. 9); при взысканіи
долга, въ которомъ запирается отвѣтчикъ, истецъ получаетъ свой
долгъ по присягѣ 12 представленныхъ имъ свидѣтелей (ст. 10);
тяжба не можетъ служить поводомъ къ насильственному задер-
жанію гостей; нерѣшенная тяжба въ первомъ году откладывается
на второй годъ, а если и тогда искъ не будетъ удовлетворенъ, то
истецъ, объявивъ князю и людямъ, можетъ арестовать имущество
отвѣтчика; тяжба Нѣмцевъ съ Русскими изъ городовъ другихъ
земель не относится къ Новгороду (истецъ долженъ просить судъ
въ тѣхъ земляхъ, а не у Новгорода; ст. 11). По гражданскимъ
искамъ запрещается сажать иноземнаго купца въ тюрьму, отвѣ-
чаетъ его имущество (ст. 13). Статья 12 говоритъ о вознагражде-
ніи кормчаго, проводящаго иноземную лодку.

По договору 1229 года за убійство свободнаго человѣка 10 гри-
веньъ серебра, а холопа—одна гривна серебра (статьи 1—3); за ли-
шеніе глаза, руки и ноги 5 гривенъ серебра, а за выбитый зубъ
3 гривны серебра (3); за ударъ по уху—3 гривны кунъ, а за ударъ
до синяковъ, или раны—полторы гривны серебра (4, 5 и 7); за тѣ
же преступленія противъ посла и попа плата вдвое, «два плате-
жа» (6); за прелюбодѣяніе съ чужою женою 10 гривенъ серебра
(17); за изнасилованіе свободной честной женщины 5 гривенъ се-
ребра (18), а за изнасилованіе женщины, уже потерявшей честь,
и за изнасилованіе рабы одна гривна серебра (18 и 19); за само-
вольное и незаконное лишеніе свободы 3 гривны (20); воръ, пой-
манный на мѣстѣ преступленія хозяиномъ украденнаго, поступалъ
въ полное распоряженіе послѣдняго (32). Ссоры Латинянъ на рус-
ской землѣ не подлежатъ вѣдѣнію русскаго князя; и наоборотъ,
всякія ссоры Русскихъ между собою на нѣмецкой землѣ не под-
лежатъ вѣдѣнію нѣмецкихъ властей (ст. 16). Русскій имѣетъ право
звать Латинянина только на судъ смоленскаго князя, а не иныхъ
русскихъ князей, и Латинянинъ можетъ звать Русскаго только на
судъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу; въ томъ и другомъ случаѣ
исключеніе можетъ быть допущено только съ согласія самого от-
вѣтчика (28). Пересудъ рѣшенныхъ дѣлъ воспрещается: если ка-
кое дѣло между Русскимъ и Латиняниномъ рѣшено передъ судъ-
ями и добрыми людьми въ Смоленскѣ, его нельзя уже начинать
снова въ Ригѣ и на Готскомъ берегу; и наоборотъ, дѣла, рѣшен-
ныя въ Ригѣ и на Готскомъ берегу, не могутъ быть перерѣшаемы
въ Смоленскѣ (33). Въ тяжбахъ, основанныхъ на свидѣтельскихъ
показаніяхъ, одностороннее свидѣтельство не должно имѣть зна-
ченія окончательнаго судебного доказательства; такое значеніе
имѣютъ только показанія двухъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ

долженъ быть Русскій, а другой Нѣмецъ (13). Не допускается употребленіе горячаго желѣза въ судебныхъ доказательствахъ помимо воли обвиняемаго (14). Запрещается Русскому звать Нѣмца на судебный поединокъ въ русской землѣ, а Нѣмцу звать Русскаго на судебный поединокъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (15). Въ Ригѣ и на Готскомъ берегу запрещается сажать въ дыбу обвиняемаго Русскаго, а въ Смоленскѣ запрещается сажать въ тюрьму обвиняемаго Нѣмца; но при отсутствіи поручителей за обвиняемаго, дозволяется заковать его въ желѣзо (8 и 9). Русскій, имѣющій тяжбу къ Нѣмцу, не имѣетъ права самовольно задержать его, а долженъ заявить о своей претензіи нѣмецкому старостѣ; если отвѣтчикъ не послушаетъ старосты, то тотъ можетъ обратиться къ помощи пристава. Точно также Нѣмецъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу не имѣетъ права, безъ заявленія старостѣ, приставить бирича къ отвѣтчику Русскому (29). Приставъ назначается къ отвѣтчику, не желающему платить своего долга, съ разрѣшенія князя или тіуна; приставъ править долгъ съ отвѣтчика въ теченіе 8 дней, а если не исправитъ въ этотъ срокъ, то отпускаетъ его на поруки (21 и 22). Долгъ Русскаго Нѣмцу въ Смоленскѣ и долгъ Нѣмца Русскому въ Ригѣ и на Готскомъ берегу уплачиваются прежде другихъ долговъ (10). Изъ имущества должника, преданнаго конфискаціи за преступленіе, сначала уплачивается долгъ Нѣмцу въ Россіи и долгъ Русскому въ Ригѣ на Готскомъ берегу (11). Наслѣдовавшій имущество княжескаго или боярскаго холопа обязанъ уплатить долгъ послѣдняго (12). Нѣмцы и Русскіе имѣютъ право свободнаго движенія между Готскимъ берегомъ и Смоленскомъ, безъ уплаты мыта (42). Рижскій епископъ, магистръ ордена меченосцевъ и владѣльцы земель по Двинѣ дозволяютъ безпрепятственный проѣздъ по Двинѣ отъ вершины до устья всѣмъ нѣмецкимъ и русскимъ торговымъ людямъ (43). Тіунъ волоцкій, услышавъ о пріѣздѣ на волокъ (между Двиною и Днѣпромъ) купца, обязанъ немедленно послать людей съ повозками, чтобъ перевезти товаръ до мѣста назначенія, безъ задержанія и подъ охраною (23); за утрату Волочаниномъ при перевозѣ купческаго товара отвѣчаютъ всѣ жители волочанской волости (24); если въ одно время съѣдутся на волокъ нѣмецкіе и смоленскіе купцы, то бросается жребій, кого везти впередъ; купцы изъ другихъ земель перевозятся позже Нѣмцевъ и Смольнянъ (42); въ случаѣ крушенія въ пути, купческаго товара, въ водѣ и на берегу, остается собственностію его хозяина; затонувшій товаръ вытаскивается на берегъ хозяиномъ при помощи его дружины, а если потребуетъ помощь, хозяинъ паннируетъ ее по вольной цѣнѣ при свидѣтеляхъ (44). По пріѣздѣ въ городъ съ волока, гость обязанъ дать княгинѣ «поставъ частины», а волоцкому тіу-

ну—рукавицы, за доставку товара безъ задержанія (35). Не запрещается нѣмецкому гостю ѣхать изъ Смоленска въ другія русскія земли, а русскому гостю ѣхать изъ Риги и Готскаго берега въ другія нѣмецкія земли (26). Русскіе нѣмецкихъ купцовъ, а Нѣмцы русскихъ купцовъ не имѣютъ права принуждать къ военнымъ походамъ; они могутъ принять въ нихъ участіе только по своей волѣ (31). Нѣмцамъ въ Смоленскѣ, а Русскимъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу дозволяется продавать и покупать, что имъ угодно (25 и 30). Взятый у гостя товаръ за условленную плату не имѣетъ права возвратить товаръ обратно, а обязанъ за него заплатить (27). За взвѣшивание купленныхъ товаровъ въ пользу вѣсовщика взимается: съ двухъ пудовъ воску—смоленская куна, съ гривны золота—смоленская ногата, съ гривны серебра—двѣ векши, съ гривны серебра въ сосудахъ—смоленская ногата (36—40). Провѣрка рыночныхъ вѣсовъ въ Смоленскѣ производится посредствомъ сличенія съ образцовыми вѣсами, одинъ экземпляръ которыхъ долженъ храниться въ церкви св. Богородицы, а другой у нѣмецкой церкви (41).

2. Содержаніе междукняжескихъ договоровъ.

Вступленіе междукняжескихъ договоровъ обыкновенно содержитъ въ себѣ такія формулы: „Се язъ князь великій Семень Ивановичъ всея Руси со своею братьею молодшею со княземъ Ивановомъ и съ княземъ Андреемъ цѣловали есмы межи себе крестъ у отна гроба...“, „по благословенію отца нашего Кипріяна, митрополита всея Руси, на семь братъ старѣйшій князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ твой князь Володимеръ Андреевичъ цѣлуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему, ко князю къ великому къ Олгу Ивановичу...“ (Рязанскому); „милостью Божьей и Пречистые его Богоматери, и по благословенію отца нашего Филиппа митрополита всея Руси, и по нашей любви на семь на всемъ брате молодшій, князь Михайло Андреевичъ (Можайскій) цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣйшему вел. князю Ивану Васильевичу...“

Условія оборонительнаго и наступательнаго союза выражаются обыкновенно слѣдующими формулами: „Быти ны за одинъ до живота“; „а кто будетъ мнѣ другъ, то и тебѣ другъ; а кто будетъ мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ“; „и не канчивати ти, не сосылатися ни съ кѣмъ безъ моего вѣданья; а мнѣ также безъ тебя не канчивати, ни сосылатися ни съ кѣмъ“; „а съ кѣмъ язъ буду въ докончаньи, и мнѣ и тебя съ тѣмъ учинити въ докончаньи; а съ кѣмъ будешь ты въ цѣлованьи, и тебѣ къ тому цѣлованье сложити“; „а гдѣ ми пойти на рать, всести ти съ нами самому на

конь, безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати“. Въ частности опредѣляются отношенія союзниковъ къ Литвѣ, Татарамъ и сосѣднимъ русскимъ князьямъ, въ такихъ формахъ: „А не пристати ти къ Татарамъ и къ Литвѣ некоторою хитростью, ни къ иному кому; кто будетъ намъ недругъ, то и тобѣ недругъ; а быти ти съ нами вездѣ за одинъ противу ихъ“; „а къ Литвѣ цѣлованье сложити, а пойдутъ на насъ Литва или на кого на нашу братью, на князей, намъ ся боронити, а тебѣ съ нами всимъ съ одного; пойдутъ на тебе, и намъ такоже по тебе помогати, и боронитися всимъ съ одного“; „а жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары оже будетъ намъ миръ по душѣ; а будетъ намъ дати выходъ по душѣ же; а будетъ не дати, по душѣ же; а пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тебѣ съ одинаго всѣмъ противу ихъ; или мы поидемъ на нихъ, и тебѣ съ нами съ одного пойти на нихъ“; „а изъ русскихъ князей кто мнѣ другъ, то и тебѣ другъ, а кто мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ, иди намъ съ одного“.

Личныя междукняжескія отношенія обусловливаются, напирѣмъ, такими формами: „Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а князя Володимера, брата моего, братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемъ, вездѣ, безъ хитрости; а што ти слыша отъ христіанина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о злѣ, а то ти намъ повѣдати въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости“.

Въ статьяхъ, относящихся къ территоріальнымъ границамъ, обусловливается неприкосновенность и защита владѣній однихъ князей со стороны другихъ въ такихъ формулахъ: „А вотчины ти наша и всего великаго княженія блюсти, а не обидити; а вотчины ти наша и всего княженія не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ, и твоимъ братаничамъ. А имугъ насъ сваживати (ссорить) Татарове и имугъ давати тебѣ нашу отчину великое княженье, и тобѣ ея не имати и до живота; а имугъ давати намъ твою вотчину Тверь, и намъ ея также не имати и до живота; а въ Капинъ ти ся не вступати, и что потягло къ Капину, вѣдаетъ то вотчичъ князь Василей“. „А вотчины вы моее блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны, и всѣхъ Московскихъ волостей и Коломенскихъ, что ся потягло къ Москвѣ и къ Коломнѣ, по реку по Оку“... и т. д. (слѣдуетъ подробное обозначеніе границъ вел. княж. Московскаго отъ Рязанскаго).

Порядокъ рѣшенія спорныхъ дѣлъ опредѣляется слѣдующими формулами: „А судомъ и данью потягнути по землѣ и по водѣ. А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежъ, да межи насъ поговорять; а не уговорятся, и ѣдутъ на третій, на князя на великаго на Ольга; на кого помол-

вить, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отдасть. А чьи судьи на третій не поѣдутъ, или на кого третій помолвитъ, а онъ взятаго не отдасть, то правому отнять, а то ему не въ измѣну. А цѣлованья не сложити и до живота“. „А всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчій отъ перваго нашего цѣлованья, отъ положенья веригъ св. Апостола Петра. А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, они ѣдутъ на третій, на князя великаго на Ольга. А намъ, княземъ, въ судъ опчій не вступитися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есмы положили. А вывода и рубежа межи себе не замышляти, а хто замыслить рубежь, рубежника по исправѣ выдати. А суженаго не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, рабѣ судъ отъ вѣка; холопа, рабу, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ“.

Юридическое положеніе подданныхъ одного удѣльнаго князя на территоріи другого формулируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А людей ти нашихъ блюсти, а не обидити, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вѣтчинѣ не держати, ни грамотъ не давати. А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тебѣ, или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей вѣтчинѣ, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися. А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вѣтчинѣ, или въ твоей вѣтчинѣ, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопахъ не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ. А мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и торговцевъ, а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ и при моемъ отцѣ. А мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти. А почнуть твои искати передъ насъ, или наши передъ тебе, или предъ наши намѣстники, или передъ волостели, хоженаго въ городѣ алтынъ, а на правду вдвое; а дальній ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на правду вдвое. А кто отъ насъ пригонится въ твою отчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаеъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины нѣтъ“.

3. Содержаніе договоровъ Новгорода съ князьями.

Во вступленіи и заключеніи именуется стороны, заключившія договоръ, и дается клятвенное обѣщаніе исполнить его ненарушимо.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ права и обязанности князя, какъ правителя, запрещается князю управлять новгородскими дѣлами, оставаясь внѣ предѣловъ Новгородской территоріи, и раздавать

оттуда новгородскія волости въ управленіе; раздачу волостей князь обязуется производить вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ и только новгородскимъ мужамъ; запрещается князю лишать мужа волости безъ вины; запрещается князю нарушать договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами; наконецъ, запрещается издавать вѣчевыя грамоты безъ княжескихъ печатей.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ судебное значеніе князя, запрещается князю нарушать судныя грамоты, производить судъ и выдавать судныя грамоты безъ посадника; вѣрять жалобамъ рабовъ на господъ; судить рабовъ и половниковъ въ отсутствіи ихъ господъ; нарушать частныя договоры; вѣрять клеветѣ безъ судебного разбирательства; посылать судей по волостямъ не въ обычное время и брать судебныя пошлины сверхъ обычныхъ въ Новгородѣ. Для разбирательства дѣлъ между людьми князя и Новгородцами учреждается особый судъ на Городищѣ, состоящій изъ боярина княжескаго и боярина новгородскаго. Недовольные этимъ судомъ могутъ перенести дѣло на судъ самого князя съ новгородскимъ посадникомъ, рѣшеніе котораго окончательно.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ финансовыя права князя, перечисляются новгородскія волости, управляемыя новгородскими мужами, по назначенію князя и посадника; запрещается князю, княгинѣ, ихъ дѣтямъ, боярамъ и дворянамъ приобрѣтать села въ предѣлахъ новгородской территоріи; „по пошлинѣ“, опредѣляются княжескія пожни, право охоты, даръ, судебныя пошлины, погонь, мыть и черный боръ; запрещается княжескимъ боярамъ брать у купцовъ повозки въ мирное время.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ отношенія княжеской области къ Новгородской, какъ отдѣльныхъ владѣній, запрещается князю, княгинѣ, ихъ боярамъ и дворянамъ переводить людей изъ новгородской территоріи на свою землю въ значеніи закладчиковъ; опредѣляется размѣръ мыта для Новгородцевъ въ предѣлахъ княжеской области; дозволяется свобода торговли новгородскимъ купцамъ въ княжеской области, и наоборотъ; опредѣляется выдача бѣглыхъ преступниковъ, рабовъ и половниковъ; наконецъ, опредѣляются границы между родовымъ удѣломъ князя и новгородскими владѣніями.

Въ статьяхъ и отдѣльныхъ грамотахъ, опредѣляющихъ временныя и случайныя отношенія, содержатся постановленія о военныхъ союзахъ, о возстановленіи обычныхъ отношеній, нарушенныхъ войною, о вознагражденіи военныхъ издержекъ, объ измѣненіи территоріальныхъ границъ, объ исключительныхъ правахъ князя въ нѣкоторыхъ новгородскихъ волостяхъ.

Княжеское уставное законодательство по церковнымъ дѣламъ.

Содержаніе церковныхъ уставовъ.

Уставъ князя Всеволода-Гавріила состоитъ изъ семи частей.

Первую часть составляетъ повтореніе распоряженія о церковной десятинѣ Устава Владиміра Равноапостольнаго по пространной редакціи, съ измѣненіемъ, состоящимъ въ томъ, что въ началѣ грамоты, вмѣсто: „Се язъ князь Василій, нарицаемый Володимиръ“.— сказано: „се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещенія Гавріиль, правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Олгы...“; а въ послѣдующемъ изложеніи прибавлено: „Даша ей десятину во всей русской земли и со всѣхъ княженій, въ соборную церковь св. Богородицы, яже въ Кіевѣ, и св. Софіи Кіевской, и св. Софіи Новгородской, и митрополитомъ кіевскимъ и архіепископомъ новгородскимъ“.

Вторую часть составляютъ повтореніе распоряженія Устава Владиміра о передачѣ вѣдѣнію церкви судовъ и тяжбъ церковныхъ: „Обрѣтохъ въ Греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжбъ не судити князю“..., и новыя распоряженія князя Всеволода, которыми онъ увеличиваетъ церковную десятину передачею Новгородской церкви нѣкоторыхъ доходовъ новгородскаго князя, названныхъ въ грамотѣ общимъ именемъ „оброковъ“. Эти оброки—доходы новгородскаго князя были пожертвованы княземъ Всеволодомъ съ согласія представителей новгородской общины: „И созвалъ есмы, говорится въ грамотѣ, десять соцкихъ, и старосту Болеслава, и барича Мирошку, и старосту Иванскаго Васюту; и погадалъ есмь со владыкою, и съ своею княгинею, и съ своими бояры, и съ десятью соцкими и съ старостами; далъ есмы судъ и мѣрила и т. д.“. Въ концѣ второй части вмѣняется въ обязанность Новгородскому собору духовенства проклинать тѣхъ родственниковъ князя Всеволода, которые отберутъ отданное имъ Новгородской церкви.

Третья часть содержитъ въ себѣ точное повтореніе постановленій Устава Владиміра въ пространной редакціи, опредѣляющихъ сферу дѣлъ, подсудныхъ церковному суду.

Четвертая часть подробнѣе развиваетъ постановленія Устава Владиміра о надзорѣ духовныхъ властей за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Всеволодъ говоритъ здѣсь, что предписанное княземъ исполняется его боярами, а они своимъ норовятъ, а гостей обижаютъ, и тѣмъ губятъ княжескую душу; въ грамотахъ патріарха Фотія, принесенныхъ въ Русь княземъ Владиміромъ, значитъ, что епископъ долженъ наблюдать за всѣми торговыми вѣсами и мѣри-

лами, всякій годъ ихъ взвѣшивать, чтобъ не были они ни уменьшаемы, ни увеличиваемы, долженъ заботиться о нихъ, какъ о душахъ человѣческихъ, подъ отвѣтственностью передъ Богомъ; если же при провѣркѣ вѣсовъ и мѣръ кто-либо попадетя въ плутовствѣ, того казнить смертью, а имущество его раздѣлить въ 3 части одну часть отдать церкви св. Софіи, другую церкви св. Іоанна, а третью въ казну Новгорода.

Пятая часть перечисляетъ лица и учрежденія, переданныя вѣдѣнію церкви и поименованныя въ Уставѣ Владиміра, съ прибавленіемъ свѣщегаса, сторожника и изгоевъ, при чемъ пояснено, что „изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ отъ холопства выкупится, купецъ одождаетъ; а се четвертое изгойство къ себѣ приложимъ: аще князь осиротится“.

Шестая часть заключаетъ въ себѣ повтореніе заклѣтья противъ нарушителей правъ церкви, помѣщеннаго въ Уставѣ Владиміра по пространной редакціи, съ прибавленіемъ слѣдующаго заключенія: „А то вся дѣла приказахъ св. Софіи и всему Новограду, монимъ мужемъ десяти соцкимъ: вы соблюдайте, а не соблюдете и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицомъ Царя славы. Аминь“.

За приведеннымъ заключеніемъ, въ видѣ приписки, помѣщается седьмая часть, говорящая о подсудности тяжбъ между братьями о наслѣдствѣ церковному суду и опредѣляющая законную часть въ наслѣдствѣ дѣтямъ отъ третьей и четвертой жены, признаваемымъ незаконными.

Кромѣ приведеннаго церковнаго устава, приписывается Всеволоду-Гавріилу изданіе „Грамоты, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ“. Эта грамота сохранилась до насъ въ неисправныхъ спискахъ, съ ясными искаженіями первоначальнаго текста. Во вступленіи Всеволодъ-Гавріиль именуется себя самодержцемъ, владычествующимъ надъ „всею русскою землею и всею областью Новгородскою“; но этотъ князь никогда не былъ великимъ Кіевскимъ княземъ и самодержцемъ русской земли. Другая явная неисправность текста состоитъ въ томъ, что въ началѣ грамоты говорится о построеніи Всеволодомъ-Гавріиломъ церкви св. Івана на Петрятинѣ дворищѣ, а въ концѣ ея читаемъ: „Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей Святаго Великаго Івана до погреба“; но это противорѣчіе еще можетъ быть разрѣшено тѣмъ, что подъ выраженіемъ „поставилъ еси церковь“ должно разумѣть только возобновленіе или перестройку церкви св. Іоанна.

Содержаніе грамоты составляютъ распоряженія князя Всеволода о передачѣ въ распоряженіе Ивановской церкви торговыхъ пошлинъ отъ продажи воска въ Новгородъ и Торжокъ; о жалованьи

причту Ивановской церкви и обязанностяхъ его службы; объ организаціи и обязанностяхъ купеческой общины, состоявшей при Ивановской церкви и владѣвшей монополіей торговли воскомъ: таксированы пошлины съ оптовой продажи воска; опредѣляются блюстители содержанія Ивановской церкви, ея причта и предметовъ, хранившихся въ этой церкви; заклятіе противъ нарушителей постановленій грамоты.

Уставъ Святослава Ольговича состоитъ изъ вступленія, распоряженія о церковной десятинѣ отъ вирь и продажъ и санкціи.

Во вступленіи говорится слѣдующее: „По уставу нашихъ предшественниковъ въ Руси, нашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, епископу принадлежитъ десятина отъ всѣхъ даней, вирь и продажъ, входящихъ въ княжескую казну“, то-есть, буквально повторяется то, что сказано въ спискѣ пространной редакціи Устава Владиміра, напечатанномъ въ III части продолженія Древней Россійской Вивліюэки (изд. Крестинина).

За вступленіемъ слѣдуетъ распоряженіе о церковной десятинѣ въ Новгородской землѣ, въ которомъ говорится: „А здѣсь въ Новгородѣ, что составляетъ десятину отъ даней, я нашелъ опредѣленнымъ князьями, бывшими прежде меня; не нашелъ только опредѣленія десятины отъ вирь и продажъ, по неизвѣстности, что поступаетъ отъ нихъ въ казну княжескую; необходимо для епископа и для князя и въ этомъ точно опредѣлить десятую Божью часть. Того ради, вмѣсто церковной десятины отъ вирь и продажъ, я уставилъ братъ епископу 100 гривенъ новыхъ кунъ, которые должны выдавать Доможиричъ изъ Онѣги; а если у него не соберется полныхъ ста гривенъ кунъ, пусть дасть 80, а остальные 20 гривенъ дополняются изъ казны княжескаго дома“. Далѣе въ уставѣ слѣдуетъ точное обозначеніе церковной десятины отъ погостовъ Онежскихъ, Обонежскихъ и Бѣжецскихъ, то-есть отъ новгородскихъ волостей, доходъ съ которыхъ, — дани, даръ и пошлины съ соляныхъ варницъ, — поступалъ въ казну княжескую.

Въ заклятіи противъ нарушителей устава, послѣ хронологической даты, означающей 1137 годъ, говорится: „Кто нарушитъ это постановленіе, сдѣланное мною, княземъ Николаемъ-Святославомъ съ Владыкою Нифонтомъ, будь то князь или какой Новгородецъ, тотъ будетъ противенъ Богу и Святой Софіи“.

Уставъ Ростислава Мстиславича содержитъ въ себѣ распоряженія о средствахъ содержанія Смоленской епископіи.

Князь Ростиславъ Мстиславичъ, по завѣщанію отца своего и по соглашенію съ людьми своими, митрополитомъ Михайломъ и епископомъ Манойломъ, учредилъ въ Смоленскѣ епископію и далъ уставную грамоту, съ цѣлью обезпечить средствами существованія

вновь учрежденное епископство. А если кто разрушит Смоленскую епископію, сказано въ заключеніи грамоты, или приобщитъ ее снова къ епископіи Переяславской, нарушивъ слово святого митрополита русскаго Михаила, то князь Смоленскій отыметъ все свое, данное имъ на содержаніе Смоленской церкви.

Постановленіями, направленными къ обезпеченію средствъ существованія Смоленской епископіи, передаются въ распоряженіе смоленскаго епископа слѣдующія статьи княжескихъ доходовъ: десятина отъ всѣхъ даней, поступавшихъ въ казну княжескую деньгами и натурою, при чемъ въ грамотѣ перечисляются поселенія—погосты Смоленской области, съ обозначеніемъ въ гривнахъ количества княжеской дани и церковной десятины съ cadaго изъ нихъ; „прощеники“, о которыхъ говорится: „се даю Святой Богородицѣ и епископу прощеники, съ медемъ, и съ кунами, и съ вирую, и съ продажами, и ненадобѣ ихъ судити никакому же челоуѣку“; городъ Холмъ и два села, Дросенское и Ясенское, съ изгоями и съ землею, озерами, и сѣнокосами; пустошь, огородъ и лѣсъ съ состоявшими при нихъ княжескими людьми, и восемь капій воску на церковное освѣщеніе.

Перечень дѣлъ, подсудныхъ епископу, съ доходами съ нихъ, начинается распоряженіемъ: „А тяжъ епископихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ“, а затѣмъ именуется: двоеженство, незаконный бракъ, похищеніе дѣвицъ, зелья, душегубство, драка двухъ женъ и всѣ тяжбы между церковными людьми. Въ концѣ перечня дѣлъ, подсудныхъ церковному суду, помѣщается запрещеніе свѣтскимъ властямъ вмѣшиваться въ церковные суды, выраженное въ слѣдующей формѣ: „Аже будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же отъ мала и до велика, и по всей волости Смоленской“.

Вѣчевое законодательство.

1. Составъ содержанія Новгородской Судной Грамоты.

О судѣ владыки, посадника, князя, княжескаго намѣстника, тиуновъ, тысяцкаго и докладчиковъ (ст. 1—5, 25, 20, 26); о „наводкѣ“,—возбужденіи народа противъ суда (6); о защитѣ поземельнаго владѣнія противъ самоуправства (7); о судебныхъ пошлинахъ (8, 33); о мѣсячномъ срокѣ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ (9); судъ о паѣздѣ и грабежѣ (10, 11); о правѣ владѣнія землею по судной грамотѣ (12); о встрѣчномъ искѣ (13); о крестномъ цѣлованіи въ судебномъ процессѣ (14—19, 25, 27, 38); о судномъ протоколѣ (21);

о послухахъ (22, 23); о срокахъ явки на судъ (24, 41); о двухмѣсячномъ срокѣ для рѣшенія поземельныхъ дѣлъ (28, 29); объ обязанности судьи окончить начатое дѣло (30); о срочной грамотѣ для явки въ судъ (31); о повѣренномъ въ тяжбахъ (32); о расплатѣ по суднымъ грамотамъ въ мѣсячный срокъ (34); о помощи со стороны мѣстныхъ властей истцу въ призывѣ отвѣтчика къ суду (36 и 37); объ обѣтной грамотѣ (39); о задержаніи истца отвѣтчикомъ и выдачѣ безсудной грамоты родственнику или другу перваго (40); „о ятцахъ“,—пособникахъ на судѣ (41).

2. Составъ содержанія Псковской Судной Грамоты.

О судѣ княжескомъ, намѣстника Новгородскаго владыки, посадника, вѣча, пригородныхъ намѣстниковъ, пригородскихъ старостъ и братчины (ст. 1—6, 77, 113); о преступленіяхъ, караемыхъ смертью (7, 8); о давности поземельнаго владѣнія и условіяхъ его обращенія въ собственность (9); судъ о лѣсной землѣ и пошлыны съ дѣлъ о землѣ (10—11); о выкупѣ недвижимыхъ имѣній (13); о наслѣдованіи по завѣщанію и по закону (14, 15, 53, 55, 88—91, 100); о поклажѣ (17—19); искъ и судъ о боѣ и грабежѣ (20, 27); о судебномъ поединкѣ (21, 36, 37, 119); о послушествѣ (22—24); о вызовѣ къ суду отвѣтчика позовникомъ и истцомъ (25, 26); о договорѣ займа, долгѣ и поручительствѣ (28—33, 38, 73, 74); искъ о татьбѣ (34, 35, 57); договоръ личнаго найма и найма, связаннаго съ займомъ (39—44, 51, 63, 75, 76, 84—87); необходимость опредѣленія цѣны иска (45); покупка краденыхъ вещей (46); о находкѣ (47); искъ о взяткахъ (48); о пошлинахъ (49, 50, 64, 65, 81, 82, 83); объ отношеніи уголовного наказанія къ частному вознагражденію (52); о сводѣ (54); объ отводѣ обвиненія (56); объ обыскѣ татьбы чрезъ приставовъ (57); отношеніе сторонъ къ суду и судебное представительство (58); о подверникахъ при судѣ (59); оговоръ преступникомъ другихъ лицъ (60); о воспрещеніи перерѣшенія дѣлъ (61); о прекращеніи дѣлъ миромъ (62); о храненіи арестованныхъ вещей (66); о самоуправствѣ по исполненію договоровъ (67); о воспрещеніи чиновникамъ быть адвокатами (68, 69, 71); объ искахъ по церковнымъ имуществамъ (70); о правахъ пожизненнаго владѣльца (72); о процентахъ (73, 74); о межевомъ судѣ (78); о городскомъ и княжихъ дьякахъ (79); о примиреніи по дѣламъ о побояхъ (80); о договорѣ торговаго товарищества (92); о судебныхъ издержкахъ (93); о братскомъ совладѣніи (94, 95); объ убійствѣ, отцеубійствѣ, братоубійствѣ и убійствѣ случайномъ (96—98); о неявкѣ къ судебной присягѣ; о торговлѣ и порукѣ (101); о платѣ за обученіе мастеру (102); объ отношеніи

подеусѣдника къ хозяину (103); о залогѣ (104, 107); объ искахъ чужеземцевъ (105); о сябрномъ совладѣніи (106); о составленіи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ (108); о разграниченіи подсудности церковнаго и свѣтскаго суда (109); о доказательствѣ собственности на домашнія вещи (110); о дракѣ между тяжущимися на судѣ (111); оцѣнка животныхъ (112); о мѣнѣ и куплѣ въ состояніи опьяненія (114); о воспрещеніи княжимъ людямъ держать кормчы (115); о присягѣ при обвиненіи въ поджогѣ (116); о судѣ и наказаніи за поврежденіе бороды (117); о куплѣ и продажѣ (118); о судебномъ поединкѣ между женщинами (119); о солидарной отвѣтственности по дѣламъ о боѣ (120).

Значеніе вѣча въ удѣльныхъ княжествахъ и народоправствахъ.

1. Содержаніе теоріи двоевластія и критика ея аргументаціи.

Историкъ С. М. Соловьевъ въ своей диссертациі „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ“ высказалъ мысль, по которой Рюрикъ былъ призванъ „для возстановленія наряда, нарушеннаго усобицами родовъ“, а результатомъ этого призванія было „странное двоевластіе, сопоставленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ“ (стр. 9, 10). Эту мысль повторилъ историкъ Н. И. Костомаровъ въ сочиненіи „Сѣверно-Русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада“: „Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали ихъ „княжить и володѣти по праву“; отсюда и возникло то двоевластіе, то существованіе одна о-божъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ, земской или вѣчевой и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности“ (т. I, с. 30). Идея двоевластія въ древней Руси получила спеціальное развитіе въ книгѣ проф. В. И. Сергѣевича „Вѣче и Князь“, исходнымъ тезисомъ которой является слѣдующее положеніе: „Народъ и Князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта; съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой, главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подлѣ формою вѣча. Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи; гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представлялъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всемъ городамъ русскимъ“ (с. 1, 2).

Вѣче въ значеніи одного изъ верховныхъ органовъ государственной власти въ древней Руси характеризуется слѣдующими опредѣленіями: „Всякое народное собраніе, едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобъ его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, есть вѣче. Рѣшеніе вѣча имѣетъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ или соглашеніе подавляющаго большинства; если нѣтъ такого соглашенія, вопросъ рѣшается войною. Участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ имѣли право всѣ жители области, но участвовать лично, а не чрезъ представителей; никто не былъ обязанъ посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ. Вѣчевыя собранія не были періодическими; они созывались смотря по потребности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и наоборотъ, въ цѣлый годъ могло не быть ни одного. Вѣче могло быть созвано какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ. Подъ народомъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли даже двухъ лицъ; но чтобы вѣче дѣйствительно состоялось нужно, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Составъ вѣча могъ быть очень непостоянный. Назначеннаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было; вѣче могло собраться всюду. Вѣче собиралось на неопредѣленный срокъ, смотря по предмету совѣщанія. Порядокъ совѣщаній былъ словесный и совершенно безформенный“ (Вѣче и Князь, с. 23, 55—64, 88).

Въ изложеніи предметовъ вѣдомства вѣча и князя авторъ приходитъ къ заключеніямъ, по которымъ участіе вѣча въ политической сферѣ ограничивалось только призваніемъ и изгнаніемъ князя; въ дѣлахъ же законодательства, суда и администраціи вѣче является только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ изъятіе изъ общаго правила, „Вѣче, какъ основная форма быта,—говоритъ авторъ,—вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князя; къ предметамъ же послѣдняго рода относятся управленіе и судъ“. „Вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ государства отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія: самоуправленіе не въ средствахъ вѣча“ (66, 67). Въ дальнѣйшемъ, подробномъ исчисленіи предметовъ вѣдомства вѣча авторъ высказываетъ: „Главнѣйшая дѣятельность вѣча состояла въ призваніи и изгнаніи князя, а потомъ слѣдовали: договоръ съ княземъ, законодательная дѣятельность, объявленіе войны и заключеніе мира, распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій и судъ чрезвычайный и политическій“. Но призваніе и изгнаніе князя вѣчемъ

не было общимъ правиломъ въ древней Руси, а избраніе князя народомъ въ исключительныхъ случаяхъ возможно всегда и вездѣ; избраніе и изгнаніе царей народомъ практиковалось у насъ и въ XVII вѣкѣ, когда о „вѣчевомъ бытѣ“ не можетъ быть рѣчи. О договорахъ князей съ вѣчемъ въ удѣльныхъ княжествахъ древней Руси намъ ничего неизвѣстно; а разсматривая законодательную дѣятельность вѣча, какъ необходимое дополненіе къ праву призванія (?), авторъ не приводитъ ни одного примѣра ея проявленія въ какомъ бы то ни было актѣ. Приводимые примѣры участія вѣча въ сферѣ судебной взяты изъ исторіи Новгорода и Пскова (67 стр. 89). Излагая предметы вѣдомства князя и его органовъ, г. Сергѣевичъ высказываетъ: „все общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя“ (99). Но если самоуправленіе было не въ средствахъ вѣча, если законодательство, судъ, администрація, защита государства, по общему правилу, составляли предметы вѣдомства князя, то что же оставалось за вѣчемъ, какъ органомъ государственной власти?

Такимъ образомъ, поставивъ въ началѣ книги дѣятельность народа на первый планъ, признавъ вѣче „могущественнымъ и постояннымъ элементомъ верховной государственной власти“, вѣдавшимъ тѣ же предметы, что и князь, почтенный авторъ, при точнѣйшемъ опредѣленіи вѣча и предметовъ его вѣдомства, низводитъ этотъ верховный политическій органъ на степень безформеннаго экстраординарнаго народнаго сходбища, лишеннаго какой бы то ни было юридической компетенціи.

Это самопротиворѣчіе теоріи двоевластія въ древней Руси явилось естественнымъ слѣдствіемъ метода, посредствомъ котораго получено понятіе о всеобщности вѣча и его значеніи въ составѣ политическихъ учрежденій древней Руси.

Существованіе на всемъ пространствѣ древней Руси „вѣчевой формы быта“ проф. Сергѣевичъ доказываетъ: 1) свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ видно, что въ 24 городахъ древней Руси граждане „творили вѣча“; „собирались на вѣча“ и „совѣщались на вѣчахъ“; 2) свидѣтельствами лѣтописей, въ которыхъ „высказывается результатъ воли народной“, куда принадлежать, на примѣръ, слѣдующія выраженія лѣтописцевъ: „въ 1067 г. Мѣняне затворились отъ Изяслава“; „въ 1142 г. Ладожане собираются отражать Емь“; „въ 1150 г. Дорогобужцы, при приближеніи Изяслава, выходятъ къ нему со крестами; въ томъ же году Корчане выходятъ навстрѣчу къ Изяславу и кланяются ему съ радостью“; „въ 1185 г. Римовичи затворяются въ градъ отъ Половцевъ“; 3) свидѣтельствомъ Суздальскаго лѣтописца, по которому: „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на

вѣча сходятся“. Свидѣтельства лѣтописей, по мнѣнію г. Сергѣевича, доказываютъ, что народное вѣче дѣйствовало не только въ Новгородѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ, что „вѣчевой бытъ“ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ (20).

Основывая на сказанныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ „вѣчевой бытъ“ древней Руси, авторъ долженъ былъ доказать предварительно, что лѣтописцы всегда и вездѣ употребляютъ слово „вѣче“ въ значеніи органа народной государственной власти, дѣйствовавшего рядомъ съ княземъ и ему равнаго. Такого доказательства не имѣется; да его и не можетъ быть. Слово вѣче имѣетъ въ лѣтописи обширное значеніе: будучи сокращеніемъ существительнаго „свѣщаніе“—совѣщаніе¹⁾, происшедшаго отъ глагола „вѣщать“—говорить, слово вѣче означаетъ въ лѣтописяхъ всякаго рода народныя собранія и совѣщанія, какъ случайныя, мятежныя, неимѣющія юридическаго значенія, такъ и постоянныя, законныя, опредѣленной компетенціи. О вѣчахъ перваго рода говорятъ, на примѣръ, слѣдующія извѣстія: „всташа простая чадь на архимандрита Есипа и сотвориша вѣче“²⁾; военный отрядъ Новгородцевъ „стояша на Невѣ нѣколько дней, и сотвориша вѣче и хотѣша убити Судомира“³⁾; Смоленское ополченіе въ военномъ походѣ, у Кіевского города Треполя „почаша вѣче дѣяти“⁴⁾; „начаша Новгородци вѣче дѣяти въ тайнѣ, по дворамъ...; княже! дѣютъ людье вѣче ночь, и хотятъ ты яти“⁵⁾; „во градѣ Москвѣ бысть мятна многа и мятежь великъ зѣло... всташа вѣчемъ народы мятежныи, не добрыи челоуѣцы, людие крамольницы“⁶⁾; вѣче бысть на бесермень по всѣмъ градамъ русскимъ“⁷⁾; Псковичи „учали сильно дѣяти надъ священники... и въ однихъ рубахахъ стояша на вѣчѣ“⁸⁾; и т. д. Вѣча—собранія-совѣщанія такого рода существовали и существуютъ во всѣ времена, у всѣхъ народовъ.

О народныхъ собраніяхъ другаго рода говорятъ Суздальскіи и другіе лѣтописцы въ извѣстіяхъ о вѣчахъ, какъ исконномъ учрежденіи, дѣйствовавшемъ во всѣхъ городахъ Руси, и судебные акты актовыхъ книгъ Кіевского центральнаго архива, по которымъ

1) П. С. Р. Л.; I, 13, 19, 31.

2) П. С. Р. Л.; III, 42.

3) Тамъ же, XV, 348.

4) Тамъ же, II, 132.

5) Тамъ же 97.

6) Тамъ же, IV, 85.

7) Тамъ же, IV, 39.

8) Тамъ же, 59.

„вѣча“—народныя собранія общинъ существовали съ незапамятнаго времени въ древней Россіи и сохранялись до XVI-го столѣтія¹⁾. Очевидно, только извѣстія о вѣчахъ второго рода, опредѣленнаго состава, дѣйствовавшихъ постоянно, могутъ служить научнымъ матеріаломъ, годнымъ для опредѣленія истиннаго значенія народныхъ собраній въ составѣ политическихъ учреждений древней Руси. Свидѣтельства же о вѣчахъ случайныхъ, фактическихъ народныхъ собраніяхъ, существующихъ всегда и вездѣ, во всякомъ государствѣ, не могутъ служить доказательствами „вѣчевого быта“, въ древней Руси, какъ опредѣленной государственной формы.

Теорія двоевластія извѣстіе лѣтописи о какомъ бы ни было вѣчѣ почитаетъ годнымъ для доказательства „вѣчевой формы быта“ въ данномъ городѣ древней Руси и для характеристики этой формы. Напримѣръ, вѣчевой бытъ въ Смоленскѣ г. Сергѣевичъ доказываетъ свидѣтельствомъ лѣтописи о вѣчѣ смоленскаго ополченія, бывшемъ въ кievской области, у Треполя²⁾. Вѣчевой бытъ Галича доказывается указаніемъ на вѣче 1231 года³⁾, состоявшее изъ 18 отроковъ князя Данила, т. е. изъ младшихъ членовъ княжеской дружины⁴⁾. Для доказательства вѣчевой формы быта въ Ростовѣ, Суздальѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и Переяславлѣ Залѣсскомъ приводится лѣтописное извѣстіе 1262 года слѣдующаго содержанія; „Вложи Богъ ярость въ сердца крестьянамъ, изволиша вѣчь, и выгнаша поганыхъ“ (Татаръ) изъ городовъ Ростова, Суздаля, Владиміра и Переяславля⁵⁾. Въ отношеніи Москвы вѣчевой бытъ доказывается указаніемъ на крамольное вѣче 1382 года, когда, по свидѣтельству лѣтописца, „всташа вѣчемъ народы мятежницы, недобрыи челоуѣцы, людіе крамольницы“⁶⁾; и т. д. Негодны для научнаго опредѣленія роли вѣча въ составѣ политическихъ учреждений древней Руси и свидѣтельства лѣтописей, въ которыхъ говорится, что граждане такого-то города *предались* непріятелю, *зтворились* отъ него, *вышли* навстрѣчу со крестомъ и т. д. Такими свидѣтельствами можно доказать существованіе вѣчевого быта въ какомъ угодно государствѣ и въ какое угодно время. По сказанію нашего лѣтописца, во время осады греческаго Корсуня княземъ Влади-

¹⁾ См. Н. Иванишева: О дрѣв. сельск. общинахъ въ Юго-Запад. Россіи; с. 12 и слѣд.; прилож. с. 36, 37.

²⁾ Вѣче и князь, 6.

³⁾ Тамъ же, 8.

⁴⁾ П. С. Р. Л.; II, 171.

⁵⁾ Вѣче и князь, 13.

⁶⁾ Тамъ же, 13.

міромъ „Корсуныне боряхуся крѣпко изъ града“, „люде изнемо-гоша водною жажею и предашася“¹⁾. Значить, и въ греческихъ городахъ эпохи князя Владиміра существовала „вѣчевая форма быта?“ Такими же свидѣтельствами лѣтописей проф. Сергѣевичъ пользуется въ ученіи объ организаціи древнерусскаго вѣча и въ опредѣленіи предметовъ его вѣдомства и отношеній къ князю.

2. Право призванія и изгнанія князя Новгородцами.

Избраніе и изгнаніе князей въ народоправствахъ не было случайнымъ, исключительнымъ фактомъ, каковымъ оно является въ родовыхъ удѣльныхъ княжествахъ древней Россіи, а было безспорнымъ правомъ народа, юридическимъ правиломъ, коренившимся въ грамотахъ князя Ярослава Владиміровича, данныхъ Новгороду. Подъ 1173 годомъ въ лѣтописи говорится: „Новгородцы издавна суть свобожены прадѣды князь нашихъ“; а подъ 1196 годомъ: „А Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо, туто собѣ князя поймають“²⁾. Въ 1136 году „Новгородцы призвала Плесковичи и Ладожаны и сдумаша изгонити князя своего Всеволода; и всадиша его въ епископъ дворъ съ женою, и съ дѣтьми, и съ тещею; и сторожи стражаху его день и ночь, по 30 мужъ, съ оружіемъ; и сѣде 2 мѣсяца; и пустиша его изъ города, а сына его пріяша. А се вины его творяху: 1) не блюдѣтъ смердовъ; 2) чему хотѣлъ еси сѣсти въ Переяславли, а къ намъ цѣлова крестъ; 3) ѣхалъ еси изъ полку переди всѣхъ“ (всѣхъ прежде бѣжалъ съ битвы въ Суздальской войнѣ³⁾). Въ 1141 году „Новгородцы яша Ростислава, и всадиша въ епископъ дворъ; сѣдѣвша четыре мѣсяца; въ то же лѣто вниде Святополкъ Новгороду и пустиша Ростислава къ отцу“⁴⁾. Въ 1154 году „выгнаша Новгородцы Ярослава Изяславича и введоша Ростислава сына Мстиславля... иде Ростиславъ изъ Новгорода Кіеву на столъ, оставивъ сына Давида въ Новгородѣ; и вознегодоваша Новгородцы, зане не створи имъ наряда, но болѣ раздра, и показаша путь сынови его по немъ“⁵⁾. Въ 1170 году „сдумавше Новгородцы, показаша путь князю, а сами послашася къ Андрееви: „на всей волѣ нашей даждь намъ князь“⁶⁾. Въ 1218 году князь Святославъ Мстисла-

1) П. С. Р. Л.; I, 46, 47.

2) П. С. Р. Л.; II, с. 105; XV, с. 286.

3) Тамъ же, III, стр. 7; XV, стр. 199.

4) Тамъ же, III, 9.

5) Тамъ же, с. 11.

6) Тамъ же, IV, 8; XV, 222.

вичь „присла своего тысяцкаго на вѣче, рече: „не могу быти съ Твердиславомъ, отъимаю посадничество у него“. Рекоша же Новгородцы: „есть ли вина его?“ Онъ же рече: „безъ вины“. Рече же Твердиславъ: „тому есть радъ, еже вины моя нѣту; а вы, братіе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны“. Новгородцы же отвѣщаша князю: „оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловаль: безъ вины мужа не лишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не владимъ“¹⁾. Въ 1228 г. „Новгородцы послаша къ князю Ярославу на томъ: поиди къ намъ, забожницы отложи, судье по волости не слати, на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты намъ князь, или ты собѣ, а мы собѣ“²⁾. Въ 1229 году „приде князь Михаилъ... и ради быша Новгородци своему хотѣнію, и цѣлова крестъ на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити; кто сбѣжалъ на чужу землю, а симъ повелѣ: кто сдѣ живеть, како уставили передніи князи, тако платите дань“³⁾. Въ 1230 году „послаша по Ярослава на всей воли Новгородской. Ярославъ же приде въ Новгородъ, и сотвори вѣще, и цѣлова св. Богородицу на всихъ грамотахъ Ярославлихъ“⁴⁾. Въ 1339 году Новгородцы говорятъ в. к. Ивану Даниловичу: „Ты, господине, цѣловаль крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ Новгородской, *по грамотамъ прадѣда своего великаго князя Ярослава Володимировича*“⁵⁾

3. Организациія управленія въ Новгородѣ.

Высшими органами управленія въ Новгородѣ были: *владыка, князь, посадникъ и правительственный советъ.*

Правительственная власть новгородскаго владыки и его намѣстника въ Псковѣ, какъ и въ княжествахъ, опредѣлялась Номоканономъ и церковными уставами первыхъ христіанскихъ князей Рюрикова рода. Но въ княжествахъ владыки избирались соборами духовенства съ участіемъ князей, а *въ Новгородѣ и Псковѣ ихъ избирало народное вѣче безъ участія князей*; посвященіе въ архіепископы „нарѣченный владыка“, избранный вѣчемъ, получалъ отъ все-россійскаго митрополита, какъ и всѣ русскіе архіепископы и епископы. Не было срока, въ который избранный народомъ владыка обязанъ былъ получить посвященіе митрополита. Въ правитель-

¹⁾ Тамъ же, III, 37; XV, 328.

²⁾ Тамъ же, III, 44; XV, 351.

³⁾ Тамъ же, III, 44.

⁴⁾ Тамъ же, III, с. 47.

⁵⁾ Тамъ же, III, 79; V, 221.

ственномъ отношеніи избраніе почиталось важнѣе посвященія. *Нареченный немедленно занималъ „владычныя полаты“ и вступалъ во все права владыки; а архимандриты, игумены и все духовенство становились подъ его власть, хотя бы до избранія онъ былъ и ниже ихъ духовнымъ саномъ. Управление и судъ владыки пользовались полною независимостью отъ власти княжеской.*

По договорнымъ грамотамъ безъ участія вѣчевыхъ посадниковъ князя не имѣли права дѣлать какія бы то ни было правительственныя распоряженія: не имѣли права назначать мѣстныхъ правителей и судей въ волости, подвластныя Новгороду; безъ вины и суда лишать новгородскихъ мужей назначенныхъ имъ волостей; выдавать новыя и нарушать прежде состоявшіяся грамоты; наказывать кого бы то ни было и производить судъ. Нѣкоторыя волости были изъяты изъ княжескаго управленія и суда и стояли въ непосредственной зависимости только отъ посадника. Финансовыя права князя были также ограничены вѣчевыми постановленіями и договорами. *Вся земля народоправства почиталась достояніемъ св. Софійи и Великою Новгородомъ, а не князя.* По договорамъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія новгородскаго князя и его дружины было Городище, предмѣстье Новгорода. Князь, его родственники и его служилые люди не имѣли права приобрѣтать частныхъ имѣній въ предѣлахъ народоправства и принимать закладниковъ. *За свою службу князь получалъ жалованье отъ Новгорода, въ видѣ определенныхъ доходовъ съ извѣстныхъ волостей и определенного вѣчевымъ закономъ процента изъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ. Въ дѣлахъ вѣнскихъ князь является только исполнителемъ вѣчевыхъ рѣшеній:* онъ предводительствуетъ войскомъ, собраннымъ по рѣшенію вѣча и идущимъ на войну, рѣшенную вѣчемъ; онъ заключаетъ миръ по рѣшенію вѣча и подписываетъ договоръ, составленный на вѣчѣ. Эти ограниченія княжеской власти въ народоправствахъ имѣли своимъ слѣдствіемъ частую мѣну князей, нарушавшихъ законныя границы своей власти, привыкшихъ въ своихъ родовыхъ удѣлахъ къ другому государственному порядку.

Посадникъ въ княжествахъ имѣлъ значеніе княжескаго намѣстника, назначаемаго и смѣняемаго княземъ. Въ народоправствахъ посадникъ является высшею выборною, вѣчевою правительственною должностію. Посадники избирались вѣчемъ изъ мѣстныхъ боярскихъ родовъ на неопредѣленный срокъ¹⁾. Посадникъ, оста-

¹⁾ Въ 1243 году въ Новгородѣ умеръ Степанъ Твердиславичъ, бывший посадникомъ 13 лѣтъ. (П. С. Р. Л.; III., с. 54). Отъ XV вѣка сохранилось извѣстіе, по которому въ это время новгородскіе посадники смѣнялись ежегодно. Лануа, пар. 41.

вившій должность, сохранялъ высшее положеніе въ обществѣ въ значеніи „старого“ посадника. Должностной посадникъ въ отличіе отъ старыхъ назывался „степенный“. Въ XV вѣкѣ, при частой смѣнѣ посадниковъ, образовался цѣлый классъ старыхъ посадниковъ, помѣщаемый въ вѣчевыхъ грамотахъ на первомъ планѣ, выше всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Въ Новгородѣ всегда былъ только одинъ степенный посадникъ; во Псковѣ въ XV вѣкѣ упоминаются одновременно два степенныхъ посадника. Случалось, что одно и то же лицо было посадникомъ нѣсколько разъ; иногда даже въ одинъ и тотъ же годъ смѣнялись и опять возводились въ должность степеннаго посадника одни и тѣ же лица. Въ отсутствіе князя посадникъ соединялъ въ себѣ власть князя и посадника по управленію и суду: Вознагражденіемъ службы посадниковъ служили пошлины отъ рѣшаемыхъ ими дѣлъ, въ количествѣ, опредѣленномъ вѣчевыми грамотами, и опредѣленный доходъ съ волостей, упоминаемый въ источникахъ подъ именемъ „посадническаго поралья“.

Власть посадника, подобно власти владыки и князя, простиралась на всю область народоправства, а по объему стояла не ниже власти княжеской. Наравнѣ съ княземъ, посадникъ предводительствовалъ военными силами, велъ мирные переговоры и къ грамотамъ, утвержденнымъ вѣчемъ, прикладывалъ свою печать, рядомъ съ печатью князя. *Въ законодательной сферѣ значеніе посадника важнѣ значенія князя*: посадникъ обязанъ былъ слѣдить за потребностями законодательства и докладывать вѣчу объ отмѣнѣ старыхъ законовъ и необходимости изданія новыхъ. *Въ сферѣ управленія дѣятельность посадника равнялась дѣятельности князя*: князь не имѣлъ права дѣлать какія бы то ни было правительственныя распоряженія безъ согласія посадника¹⁾. *Въ сферѣ суда власть посадника равнялась власти князя*, такъ какъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями говорится: а князю или намѣстнику князя „безъ посадника новгородскаго суда не судити“²⁾. Согласно съ тѣмъ Новгородская судная грамота постановляетъ: „А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великаго князя по старинѣ“³⁾. По Псковской судной грамотѣ князь и посадникъ „на вѣчи суда не судють; судити имъ у князя на сѣнѣхъ, взирая въ правду, по крестному цѣлованію“ (ст. 4).

1) См. Костомарова, Сѣв. Рус. Нар., I, с. 155.

2) С. С. Г. и Д.; № 8 и друг.

3) См. Костомарова, Сѣв. Рус. Нар., т. II, стр. 48. Бест.-Рюмина, Рус. Ист.; I, 336. Никитскаго, Прав. совѣтъ, въ Ж. М. Н. П. за 1869 г., № 11.

Новгородскій правительственный совѣтъ составляли мѣстные бояре, между которыми первое мѣсто занимали *старые посадники*. Указанія источниковъ на этотъ совѣтъ такъ кратки и неясны, что мы не можемъ составить точнаго понятія о его организаціи, компетенціи и порядкѣ дѣлопроизводства. Повидимому, правительственный совѣтъ обсуждалъ предварительно дѣла, поступавшія на окончательное рѣшеніе вѣча.

Послѣ владыки, князя и посадника высшимъ чиновникомъ въ новгородской администраціи былъ *тысяцкій*. *Должность тысяцкаго существовала только въ Новгородѣ; во Псковѣ ея не было*. Въ княжествахъ древней Руси тысяцкій назначался и смѣнялся княземъ, а обязанность его состояла въ предводительствѣ городскими полками, то есть мѣстными народными ополченіями. Въ Новгородѣ тысяцкій, подобно посаднику, *избирался отъчємъ изъ знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій; компетенція же его власти не ограничивалась предводительствомъ новгородскимъ ополченіемъ; но имѣла еще административное и судебное значеніе*. Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ принималъ участіе въ военныхъ походахъ, вѣроятно, въ значеніи предводителя ополченія города Новгорода, почему иностранцы называли его „*dux*“—*вождь-полководецъ*. Иногда тысяцкій вмѣстѣ съ владыкою и посадникомъ принималъ мѣры къ укрѣпленію Новгорода и велъ переговоры съ сосѣдними государями. *Вмѣстѣ съ посадникомъ тысяцкій открывалъ отъчевья совѣщанія и слѣдилъ за ихъ порядкомъ*. Онъ имѣлъ свою особую печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалованнымъ и другимъ вѣчевымъ грамотамъ непосредственно за печатью посадника; во всѣхъ вѣчевыхъ грамотахъ его *имя помѣщалось рядомъ съ именемъ посадника*. Подобно посадникамъ, должностные тысяцкіе назывались „*степенными*“, а оставившіе должность — „*старыми*“. Старые тысяцкіе составляли одинъ изъ высшихъ классовъ новгородскаго народонаселенія, занимавшій въ вѣчевыхъ грамотахъ мѣсто между старыми посадниками и боярами. *Подобно должностному посаднику, должностной тысяцкій за свою службу, кромѣ доходовъ отъ суда получалъ опредѣленный доходъ съ волостей, носившій названіе „поралье“¹⁾*.

По отношенію къ вѣчу, какъ органу верховной государственной власти, владыка, князь и посадникъ являются органами центральной администраціи, такъ какъ ихъ административная и судебная дѣятельность, по порученію вѣча, проявляется на всемъ пространствѣ государства, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ новгородскихъ пригородахъ и волостяхъ. *Власть тысяцкаго, исходя*

¹⁾ А. И., I, № 26.

также отъ вѣча, *проявляется только въ предѣлахъ Новгорода, какъ мѣстной общины*. Слѣдовательно, тысяцкій по отношенію къ власти владыки, князя и посадника представлялъ собою *власть мѣстную*: онъ былъ спеціальнѣйшій *представитель и блюститель интересовъ населенія юрода Новгорода*. А такъ какъ населеніе города Новгорода составляло преобладавшій элементъ въ составѣ новгородскаго вѣча, какъ власти государственной, то *тысяцкій имѣлъ важное вліяніе на исходъ вѣчевыхъ совѣщаній*; его вліяніе могло дать преобладаніе той или другой вѣчевой партіи¹⁾.

Народонаселеніе городовъ, пригородовъ и волостей новгородской и псковской земли дѣлилось на *общины*, во главѣ которыхъ стояли *выборные начальники*, называвшіеся *старостами и соцькими*. Старосты представляли собою мѣстную выборную власть, сохранившуюся у русскихъ Славянъ съ глубокой древности. При первыхъ князьяхъ Рюрикова дома упоминаются въ лѣтописи *старѣйшины градскіе*, какъ представители мѣстнаго земства. Старосты новгородскіе упоминаются *въ первый разъ при Ярославі Владиміровичѣ*, который, побѣдивъ Святополка, отпустилъ домой Новгородцевъ, „давъ *старостамъ по десяти гривенъ*“. Старосты различались по различію общинъ, на которыя дѣлилось населеніе городовъ, пригородовъ и волостей. Въ Новгородѣ и Псковѣ высшимъ значеніемъ пользовались старосты, стоявшіе во главѣ народонаселенія частей города. Такія части въ Новгородѣ назывались *концами и улицами*, а ихъ представители именовались *кончанскими и уличанскими старостами*. Кончанскаго или уличанскаго старосту выбирало *вѣче конца или улицы*, какъ мѣстной общины, а потому кончанскій и уличанскій староста былъ представитель всѣхъ жителей данной мѣстности безъ отношенія къ ихъ роду занятій и общественному положенію. Рядомъ съ кончанскими и уличанскими старостами

¹⁾ Въ случаяхъ побѣды на вѣчѣ партіи, противной тысяцкому, вѣче становилось къ нему враждебно и лишало его власти. Напримѣръ, въ 1228 году „взятеся весь городъ, и пошли съ вѣча въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава..., и отняша тысяцкое у Вячеслава, и даша Борису“. Если тысяцкій становился враждебно къ князю, то князь, при посредствѣ своей партіи, старался возбудить противъ него новгородское вѣче. Напримѣръ, въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ поднялъ вѣче на тысяцкаго Якуна... Великій князь Иванъ Даниловичъ Калита, желая оказать честь Великому Новгороду и расположить къ себѣ новгородское вѣче, сдѣлалъ пиръ для новгородскихъ владыки, степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго, какъ высшихъ сановниковъ и самыхъ вліятельныхъ членовъ новгородскаго вѣча. См. Костомарова, С. Р. Н.; II, стр. 48.

существовали въ Новгородѣ и Псковѣ *старосты отъ житыхъ людей и купцовъ*, какъ выборные начальники общинъ, члены которыхъ были связаны не общими интересами по мѣсту жительства, а общими интересами *по общности занятій или промысла*. Въ источникахъ упоминаются общины *Ивановскихъ купцовъ, Побережанскихъ, Обоньжскихъ, прасоловъ, суконниковъ* и проч. Въ Псковѣ купцы дѣлились *по рядамъ*, и каждый рядъ имѣлъ своего старосту¹⁾).

Рядомъ со старостами повсемѣстно въ древней Руси упоминаются соцкіе. Но какія права и обязанности принадлежали соцкимъ, что въ Новгородѣ значила сотня, какъ она относилась къ концамъ и улицамъ и въ какихъ отношеніяхъ стояли соцкіе къ старостамъ и высшимъ властямъ,—на эти вопросы не отвѣчаютъ сохранив-

¹⁾ Въ договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года посылается поклонъ князю отъ посадника, тысяцкаго и „всѣхъ сотскихъ“. Въ договорѣ Новгорода съ Казимиромъ IV говорится: „А сведется вира,—убьютъ сотскаго въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотскаго, ино четыре гривны. По смыслу этого постановленія, сотскіе были въ каждомъ селеніи. По Псковской судной грамотѣ, сотскіе исполняютъ полицейскія обязанности, производятъ предварительныя изслѣдованія по дѣламъ, относящимся къ бою, грабежу и спорамъ о границахъ поземельной собственности. Въ Двинской уставной грамотѣ упоминается сотскій, какъ представитель всѣхъ черныхъ людей Двинской земли. Въ уставѣ Всеволода Мстиславича соцкіе и старосты сопоставляются отдѣльно, но поручается имъ общая обязанность; здѣсь говорится: „Язъ князь Всеволодъ созвалъ есмь десять сотскихъ, и старосту Болеслава, и бирюча Морошку, и старосту Иванского Васюту, и погадавъ со владыкою, и съ своею княгинею, и съ своими боярами, и съ десятью сотскими, и старостами, далъ есмь судъ и мѣрила, которыя на торгу въ Новгородѣ Св. Софіи... А домъ Св. Софіи владыкамъ строити съ сотскими, а старостамъ и торговцамъ, докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новгородѣ, строить домъ св. Іоанна“.

По мнѣнію Н. И. Костомарова, „администрація старость должна быть другая, чѣмъ сотскихъ“, а по мнѣнію В. И. Сергѣевича, „эти два разныя наименованія служатъ для обозначенія одной и той же власти; первое изъ нихъ заимствовано отъ древнѣйшаго военнаго дѣленія на сотни, второе же отъ свойства самыхъ лицъ, которыя избирались въ сотники или сотскіе: это были пожилые люди, старосты“. Можетъ быть названіе старосты произошло также отъ древнѣйшаго дѣленія народонаселенія на сотни: старшій въ сотнѣ, старшій отъ сотни, старъ отъ ста—староста, и тогда сотскій и староста будутъ названія однозначія.

шіеся памятники; даже трудно сказать, были ли староста и соцікій разными должностями, одна хозяйственнаго, а другая полицейскаго характера, какъ думаютъ одни ученые, или это была одна должность, какъ думаютъ другіе.

Низшіе исполнители вѣчевыхъ постановленій и распоряженій властей, поставленныхъ вѣчами, назывались пригородными посадниками, княжескими намѣстниками, волостелями, тіунами, дьяками, дворянами, приставами, биричами, подвойскими, позовниками, извѣтниками, межевниками и писцами. Лица, занимавшія эти должности, назначались и смѣнялись тѣми властями, при которыхъ они состояли въ значеніи исполнителей или помощниковъ.

4. Юридическое значеніе вѣча въ княжествахъ и народоправствахъ.

По праву завоевателей первые Рюриковичи господствовали надъ покоренными народами и областями самовластно и передавали свою власть порядкомъ наслѣдованія, въ которомъ воля народа не имѣла юридическаго участія. Въ значеніи завоевателей, князья опредѣляли дани, издавали уставы, управляли и судили по своей волѣ, справляясь съ народною волею настолько, насколько сами находили это нужнымъ. Послѣ Ярослава, за дарованіемъ Новгороду политической свободы волею князя и за обращеніемъ остальныхъ областей Руси въ родовыя княжества, вѣче Новгорода является высшимъ и единственнымъ органомъ государственной власти, призывающимъ князя по своей волѣ и опредѣляющимъ его дѣятельность наравнѣ съ дѣятельностью выборнаго посадника; а въ родовыхъ княжествахъ народное вѣче проявляетъ свою волю только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда на вакантный столъ являлось нѣсколько претендентовъ, обращавшихся къ народной помощи и одинаково опиравшихся въ своихъ распряхъ на родовое право или на силу. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій народонаселеніе княжествъ, принимая одного изъ князей-соперниковъ, иногда заключало съ нимъ договоръ. Напримѣръ, Мстиславъ Изяславичъ, принятый Кіевлянами въ 1169 году, „взялъ рядъ съ братьею, съ дружиною, и съ Кіянны“¹⁾. Въ 1175 году Владимірцы призвали Ярополка Ростиславича, „въ св. Богородицѣ весь нарядъ положивше“²⁾. О содержаніи этихъ договоровъ ничего неизвѣстно, такъ какъ ни одного договора князей съ народонаселеніемъ родовыхъ княжествъ не сохранилось. Но во всякомъ случаѣ содер-

¹⁾ П. С. Р. Л.; II, 96.

²⁾ Тамъ же, I, 159.

жаніе этихъ договоровъ не могло имѣть ничего общаго съ сохранившимися до насъ договорами Новгорода съ его князьями, по которымъ законодательная власть принадлежала новгородскому вѣчу, а правительственная и судебная дѣятельность князя является ограниченою договорными условіями и властью выборнаго посадника. Содержаніе сохранившихся памятниковъ законодательной дѣятельности князей въ родовыхъ княжествахъ показываетъ, что здѣсь законодательная власть, верховное управленіе и верховный судъ были сосредоточены только въ рукахъ князя, какъ единаго органа верховной государственной власти. Нигдѣ не видно, чтобы вѣче княжествъ имѣло значеніе органа государственной власти, равнаго князю, дѣйствовавшаго съ нимъ въ высшей сферѣ законодательства, управленія и суда. По юридическимъ памятникамъ въ Кіевѣ и во всѣхъ другихъ центральныхъ городахъ родовыхъ княжествъ только князь издавалъ законы и опредѣлялъ наказаніе за ихъ нарушеніе; только князь опредѣлялъ перемѣны въ организаціи суда, въ порядкѣ подсудимости и въ правилахъ судопроизводства; только князь назначалъ и смѣнялъ высшихъ чиновниковъ центральнаго и мѣстнаго управленія; только князь опредѣлялъ сферу дѣлъ и правила дѣятельности административнаго и судебного персонала.

Какое же значеніе имѣло въ родовыхъ удѣльныхъ княжествахъ народное вѣче, какъ юридическое учрежденіе? Со времени завоеванія Руси Варягами народное вѣче, въ значеніи общественнаго учрежденія, могло дѣйствовать только по порученію князя-завоевателя, съ его соизволенія, и въ сферѣ общественной, а не государственной. Въ видахъ необходимости, обусловленной недостаткомъ личнаго правительственнаго персонала и незнанія условій юридической жизни покоренныхъ народовъ, завоеватель долженъ былъ предоставить подвластнымъ народамъ самоуправленіе, но не въ сферѣ государственнаго управленія, гдѣ интересы завоевателя и покоренныхъ городовъ не могли быть одинаковы, а въ сферѣ интересовъ мѣстныхъ, общинныхъ. Въ значеніи органа мѣстной общины, а не государства, мы встрѣчаемъ народное собраніе, — вѣче, дѣйствующимъ, какъ учрежденіе постоянное, юридическое, на всемъ пространствѣ древней Руси, какъ въ княжествахъ, такъ и въ народоправствахъ. Въ постановленіяхъ законодательныхъ актовъ о дикой вирѣ ясно проявляется дѣленіе территоріи всѣхъ удѣльныхъ государствъ на участки, населеніе которыхъ было связано круговою порукою по отношенію къ отвѣтственности за убійства, совершенныя на землѣ, принадлежавшей верви, обязанной отыскать преступника, или заплатить опредѣленный штрафъ князю; судебная дѣятельность мѣстнаго вѣча проявляется въ актахъ, открытыхъ проф.

Иванишевымъ; дѣятельность мѣстной общины, предполагающая вѣча, народныя собранія и совѣщанія, проявляется въ постановленіяхъ удѣльнаго законодательства о правѣ и обязанности волостныхъ общинъ распредѣлять между своими членами дани, кормы, всякаго рода повинности, и въ постановленіяхъ о выборныхъ должностяхъ мѣстной администраціи, старость, соцкихъ, подвойскихъ; въ постановленіяхъ о выборныхъ судныхъ мужахъ, добрыхъ или лучшихъ людяхъ и цѣловальникахъ, долженствовавшихъ засѣдать въ судахъ и „правду стеречи“, и т. д. Во всѣхъ дѣлахъ этого рода законъ предполагаетъ дѣятельность общиннаго, мѣстнаго народнаго собранія, какъ общественнаго учрежденія, дѣйствующаго юридически, законно и постоянно.

Но рядомъ съ мѣстными вѣчами въ Новгородѣ и Псковѣ дѣйствовало вѣче въ значеніи верховнаго органа государственной власти, соединявшаго въ себѣ права законодателя и верховнаго правителя и судьи, принадлежавшія въ родовыхъ княжествахъ только князю. По сохранившимся памятникамъ вѣчевого законодательства новгородскій и псковскій князь является только высшимъ органомъ центрального управленія, дѣйствующимъ въ предѣлахъ власти, опредѣленныхъ договоромъ и пошлиною, подъ которою подразумѣвались льготныя грамоты Ярослава Владиміровича и вѣчевого законодательство. Значеніе новгородскаго вѣча, какъ верховнаго органа государственной власти вполне ясно выражается въ содержаніи сохранившихся памятниковъ вѣчевого законодательства.

Слѣдовательно, удѣльныя государства древней Руси не отличались отъ другихъ государствъ „страннымъ двоевластіемъ“; верховныя государственная власть принадлежала одному органу: въ удѣльныхъ княжествахъ—князю, а въ народоправствахъ—вѣчу.

№ VI. Основаніе и факты участія народной воли въ преемствѣ великокняжеской власти до времени монгольскаго завоеванія Россіи.

Факты преемства княжеской власти по смерти Ярослава Владиміровича свидѣтельствуютъ, что до Всеволода Олговича, захватившаго кievскій столъ въ 1145 году, великокняжеская власть наследуется въ порядкѣ родового старшинства; насильственные захваты столовъ были только временными фактическими нарушеніями законнаго порядка наследованія; воля умиравшаго князя осуществлялась на практикѣ только тогда, когда совпадала съ

родовымъ правомъ¹⁾. При первыхъ Рюриковичахъ и при ближайшихъ потомкахъ Ярослава Владиміровича, пока родовое старшинство между немногочисленными князьями не представляло сомнѣній, не могло быть рѣчи объ участи народной воли въ преемствѣ княжеской власти, такъ какъ завоеванный народъ не можетъ имѣть права распоряжаться властью господствующаго надъ нимъ завоевателя²⁾.

Но съ размноженіемъ князей родовой порядокъ преемства великокняжеской власти по началу бокового первородства вызвалъ на практикѣ почти непрерывныя междукняжескія войны. Въ сферѣ гражданской жизни тяжбы между сонаслѣдниками рѣшаются общественнымъ судомъ, стоящимъ надъ гражданами³⁾. Въ сферѣ государственной споры за удѣлы въ родовомъ владѣніи рѣшаются или договорами князей, не имѣвшими юридической прочности, или судомъ Божиимъ, посредствомъ войны, такъ какъ надъ князьями другого суда не было.

Войны между князьями за родовое старшинство и за удѣлы въ родовомъ владѣніи имѣли своимъ слѣдствіемъ призваніе воли народа къ участию въ порядкѣ преемства княжеской власти, какъ

¹⁾ Отъ смерти Ярослава до монгольскаго завоеванія лѣтописи упоминаютъ о 4 завѣщаніяхъ князей, нарушавшихъ родовой порядокъ наслѣдованія, передававшихъ удѣлъ младшему князю помимо старшаго: Всеволода Ольговича, Юрія Долгорукаго, Всеволода Юрьевича и Ярослава Владиміровича (Галицкаго). Но ни одно изъ нихъ по смерти завѣщателей не было признано ни князьями, ни народомъ. Завѣщанные столы были заняты не князьями, какимъ они слѣдовали по завѣщанію, а князьями, имѣвшими на нихъ родовое право. См. П. С. Р. Л.; I, с. 149, 158; II, 136; Лѣт. по Ипат. сп., с. 233; Лѣт. по Ник. сп., ч. II, с. 333.

²⁾ Въ 1067 году Кіевляне противъ воли своего князя Изяслава Ярославича освободили изъ темницы князя Всеслава Брячиславича, въ видахъ получить въ немъ предводителя противъ Половцевъ. За это своеволіе тяжко заплатились Кіевляне: Изяславъ ушелъ въ Польшу, и возвратился оттуда съ Поляками; Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ, а Изяславъ „посла предъ сына своего Мстислава Кіеву. И пришедъ Мстиславъ, и съче, иже бѣша высѣкли (изъ поруба) Всеслава, числомъ 70 чадъ, а другія слѣпиша; другія же безъ вины погуби, не испитавъ. Изяславу же идущю къ граду, придоша людье противъ съ поклономъ и пріиша князь свой Кіане; и съде Изяславъ на столъ своемъ“. П. С. Р. Л.; I, стр. 72—74.

³⁾ По Русской Правдѣ: „Аще братья растяжутся *передъ княземъ*, то которой дѣтскій идетъ *изъ дѣлти*, тому взяти гривна кунъ“ (т., 100).

силы, дававшей преимущество одному изъ соперниковъ, спорившихъ за извѣстный столъ. Населеніе городовъ, склоняясь на сторону того или другого изъ князей-претендентовъ, даетъ ему преобладаніе надъ соперникомъ. Въ первый разъ воля народа была призвана къ участию въ порядкѣ преемства княжеской власти въ 1145 году. Всеволодъ Ольговичъ, князь черниговскій, овладѣвъ кievскимъ столомъ силою и желая передать его своему брату, созвалъ Кіевлянъ и заставилъ ихъ присягнуть въ вѣрности Игорю Ольговичу, не имѣвшему на Кіевъ родового права¹⁾. Со времени Всеволода Ольговича участие воли народа въ преемствѣ спорныхъ княжескихъ столовъ становится обычнымъ: князья въ борьбѣ за спорные столы вступаютъ въ соглашенія не только съ родственниками своими, но и съ народонаселеніемъ спорныхъ удѣловъ, дававшимъ преобладаніе одному сопернику надъ другимъ.

По смерти Всеволода Ольговича Кіевляне, сознавая незаконность власти Игоря Ольговича, послали извѣстить о смерти Всеволода ближайшаго и способнѣйшаго въ то время Мономаховича переяславскаго князя Изяслава Мстиславича, и сказать ему: „Пойди, княже, къ намъ; хотимъ тебе; ты нашъ князь; а Ольговичъ не хотимъ; не хотимъ быти аки въ задничи“,—не желаемъ переходить по наслѣдству подобно частному имѣнію²⁾. Изяславъ Мстиславичъ занялъ кievскій столъ; но долженъ былъ выдержать борьбу съ своими дядями, которымъ Кіевъ принадлежалъ по родовому праву. Юрій Долгорукій два раза отнималъ Кіевъ у племянника³⁾; наконецъ послѣдній пригласилъ старшаго дядю Вячеслава и правилъ Кіевомъ отъ его имени до своей смерти⁴⁾. Въ 1154 году, по смерти Изяслава, Вячеславъ, опираясь на старость и слабость, пригласилъ въ соправители Ростислава Мстиславича, а Кіевляне съ своей стороны признали Ростислава своимъ княземъ подъ условіемъ, чтобъ онъ почиталъ своего дядю Вячеслава, какъ чтилъ его Изяславъ⁵⁾. По смерти Вячеслава, полки Ростислава были разбиты Изяславомъ Давидовичемъ, и Кіевляне, нуждаясь въ защитникѣ противъ Половцевъ, признали побѣдителя своимъ княземъ⁶⁾. Но Юрій Долгорукій отнялъ Кіевъ у Давидо-

¹⁾ Лѣт. по Ипат. сп., стр. 229.

²⁾ П. С. Р. Л.; II., 22, 23.

³⁾ Тамъ же, 45, 48, 49.

⁴⁾ Тамъ же, 60, 61 и сл.

⁵⁾ Тамъ же, 74, 75.

⁶⁾ „Изяславъ же (разбивъ Ростислава) посла Кіаномъ, река: хочу къ вамъ поѣхати. Они же, боячесья Половецъ, зане тогды тяжко баше Кіаномъ, не осталъ бо ся баше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ, и

веча, какъ свою отчину: „И вниде въ Кіевъ и сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ, и прія его съ радостію вся земля русская“¹⁾. Въ 1157 году, по смерти Юрія Долгорукаго, Кіевляне снова пригласили Изяслава Давидовича²⁾; но въ 1159 году Ростиславъ Мстиславичъ отнялъ Кіевъ у Изяслава и княжилъ въ немъ до своей смерти³⁾. Въ 1167 году, по смерти Ростислава, сыновья его Рюрикъ и Давидъ, братъ Владиміръ и Кіевляне рѣшили отдать Кіевъ Мстиславу Изяславичу⁴⁾; но въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ войсками Андрея Боголюбскаго; Мстиславъ Изяславичъ былъ изгнанъ, а на его мѣсто Боголюбскій посадилъ младшаго брата своего Глѣба⁵⁾. Самъ же Андрей Юрьевичъ, старшій въ родѣ Мономаха, остался въ землѣ Суздальской, въ городѣ Владимірѣ. Съ этого времени Кіевъ теряетъ значеніе главнаго политическаго центра въ русской землѣ, переходитъ въ разрядъ второстепенныхъ столовъ.

Родъ суздальскихъ князей ведетъ свое начало отъ младшаго сына Владиміра Мономаха Юрія Долгорукаго, получившаго отъ отца Ростовскій удѣлъ и избравшаго въ немъ своимъ мѣстопробываніемъ городъ Суздаль. Въ 1155 году Юрій Долгорукій, опираясь на родовое старшинство, отнялъ Кіевъ у Изяслава Давидовича и посадилъ старшаго сына своего Андрея въ Вышгородъ, подъ Кіевомъ, а Ростово-Суздальскую землю завѣщалъ меньшимъ сыновьямъ⁶⁾. Но Андрей Боголюбскій оставилъ Вышгородъ, возвратился въ Суздальскую землю и поселился въ городѣ Владимірѣ, на р. Клязьмѣ. Въ 1157 г., по смерти Юрія Долгорукаго, Ростовцы и Суздальцы предложили старшій столъ въ Суздальской землѣ Андрею Боголюбскому, какъ старшему въ родѣ Долгорукаго и народному любимцу⁷⁾. Получивъ отчій столъ, Ростовъ и Суздаль,

послаша Кіяне епископа Демьяна Каневскаго, рекуче: поѣди Кіеву, ать не возмутъ насъ Половцы; ты еси нашъ князь, а поѣди. Изяславъ же вѣхавъ въ Кіевъ, и сѣде на столѣ“. Тамъ же, 76.

¹⁾ Тамъ же, 77.

²⁾ „Пріѣхаша къ Изяславу Кіяне, рекуче: поиди, княже, Кіеву: Гюрги ти умерлъ“. Тамъ же, 81.

³⁾ Тамъ же, 85, 86.

⁴⁾ „По Ростислави смерти начаша слати по Мстислава брата Володимірѣ Мстиславичѣ, Рюрикѣ, Давидѣ; и Кіяне отъ себя послаша, Черные Клобуки отъ себе послаша“. Тамъ же, 96.

⁵⁾ Тамъ же, 90—100.

⁶⁾ П. С. Р. Л.; I, 158.

⁷⁾ „Ростовцы и Суздальцы, сдумавше вси, пояша Андрея, сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и

Боголюбскій остался жить во Владимірѣ и „хотя единъ быти властель“, изгналъ за предѣлы Суздальской земли многихъ бояръ своего отца, меньшихъ братьевъ и двухъ племянниковъ отъ старшаго брата, изгоевъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей¹⁾). Въ 1175 году, по смерти Боголюбскаго, въ Суздальской землѣ не было ни одного князя; а за предѣлами ея оставались въ живыхъ слѣдующіе потомки Долгорукаго: два сына, Михайлъ и Всеволодъ, два внука отъ старшаго его сына Ростислава, малолѣтній внукъ отъ Андрея Боголюбскаго, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, и малолѣтніе внуки отъ Всеволода, Глѣба и Мстислава. Явился вопросъ, кто долженъ былъ наследовать Андрею Боголюбскому? Родовое старшинство принадлежало Михаилу Юрьевичу; но населеніе Ростова, Суздаля и Переяславля, уступая давленію сосѣдняго рязанскаго князя Глѣба, рѣшило призвать на столъ Боголюбскаго шурьевъ Глѣба рязанскаго, изгоевъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей²⁾). Когда это народное рѣшеніе было получено въ Черниговѣ, гдѣ нашли пріютъ изгнанные Боголюбскимъ его братья и племянники, то Юрьевичи, и Ростиславичи, дяди и племянники, договорились княжить въ Суздальской землѣ сообща, поручивъ старѣйшинство Михаилу Юрьевичу, которому оно принадлежало и по родовому праву³⁾). Это рѣшеніе князей, несогласное съ народнымъ рѣшеніемъ, вызвало междоусобную войну въ Суздальской землѣ. Владимірцы подчинились рѣшенію князей и приняли къ себѣ Михаила Юрьевича, а Ростовцы принудили Владимірцевъ изгнать Михаила и принять младшаго Ростиславича—Ярополка⁴⁾). Михайлъ

Суздали; занѣже бѣ любимъ всѣми за премудрую его добродѣтель“. П. С. Р. Л.; I, 149.

¹⁾ П. С. Р. Л.; IX, 221.

²⁾ П. С. Р. Л.; I, 158.

³⁾ „И сдумавше сами, рекоша: „любо лихо, любо добро всѣмъ намъ, пойдемъ вси 4“, Гюргевича два, а Ростиславича два. И поидоста преди два, Михалко Гюргевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ, утвердившеся межи собою, давше старѣйшинство Михаилу, и цѣловавше крестъ у епископа черниговскаго изъ руки; и пріѣхаста на Мосеву“. Тамъ же.

⁴⁾ „Пріѣхаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка къ Володимерю... Муромцы и Рязанци приведоша... Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышленъ о собѣ“. Онъ же отвѣщавъ, рече: „прави есте, ци хотите меня дѣля погынуть?“ поѣха въ Русь... Ярополка князя посадиша Володимерцы съ радостью въ городъ Володимеръ на столъ, въ святѣй Богородицѣ весь порядъ положивше. Не противу же Ростиславичема бяхутся

и Всеволодъ Юрьевичи изгнали Ростиславичей изъ Суздальской земли и раздѣлили ее между собою: Михаилъ сѣлъ во Владимірѣ, а Всеволодъ—въ Переяславль Залѣскомъ. Ростовъ и Суздаль не получили особаго князя¹⁾. По смерти Михаила Всеволодъ занялъ Владимірѣ, согласно съ родовымъ правомъ и желаніемъ Владимірцевъ²⁾. Ростовцы снова пытаются возвратить себѣ главенство между городами Суздальской земли; но Всеволодъ разбилъ войска ихъ и захватилъ въ плѣнъ союзника Ростовцевъ рязанскаго князя Глѣба³⁾.

Всеволодъ Юрьевичъ, прозванный Большое Гнѣздо, утвердившись во Владимірѣ, подобно Андрею Боголюбскому, соединилъ въ своихъ рукахъ всю землю Суздальскую, не далъ въ ней удѣловъ своимъ племянникамъ, а надѣлилъ ими только своихъ сыновей. Старшаго изъ нихъ Константина онъ посадилъ въ Ростовѣ. Въ 1212 году, чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ приказалъ старшему сыну Константину явиться во Владимірѣ и занять его, а Ростовъ уступить слѣдовавшему за нимъ брату Юрію. Константинъ отвѣчалъ отцу слѣдующею просьбою: „Старѣйшаго мя сына имаши, и старѣйшину мя хоцещи устроити, то даждь ми старый, начальный градъ Ростовъ, а къ нему Володимірѣ; аще ми не хоцеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимірѣ и къ нему Ростовъ; не презри моленія моего, отче, аще угодно ти есть“. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ Константинъ поставилъ непременнымъ условіемъ прибавленіе Владиміра къ Ростову, а потому Всеволодъ лишилъ его благословенія и старшинства, передавъ послѣднее вмѣстѣ съ владимірскимъ столомъ младшему сыну Юрію, и заставилъ Владимірцевъ присягнуть послѣднему, какъ великому князю. Узнавъ объ этомъ, Константинъ „воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрѣя, брата своего, и на всѣхъ думцевъ, иже сдумаша сія сотворити, и много волненія и смущенія бысть о семъ, и многи людіе сюду и сюду отбѣжаху метущеся“⁴⁾. Въ 1216 году Константинъ, побѣдивъ Юрія въ Липецкой битвѣ, за-

Володимерци, но не хотяще покоритися Ростовцемъ... Ростовци посадиша у собѣ Мстислава Ростовѣ“. Тамъ же, 159.

¹⁾ Тамъ же, 160.

²⁾ „Преставися... Михалко... Володимерци же, помянувшѣ Бога и крестное цѣлованье къ великому князю Гюргю, вышедше передъ золотая врата, цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтѣхъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ въ Володимери“. Тамъ же, 161.

³⁾ Тамъ же, 162, 163.

⁴⁾ Никон. Лѣт., ч. II, стр. 310, 311.

нялъ Владиміръ, и „граждане вси придоша противу его со кресты“; а Юрій вынужденъ былъ довольствоваться только даннымъ ему Радилowymъ Городцомъ на Волгѣ¹⁾. Въ 1217 году Константинъ помирился съ братомъ Юріемъ и „даде ему по своемъ животѣ Суздаль и Владиміръ“²⁾. Въ 1218 году, по смерти Константина, „сяде на великомъ княженіи въ Володимери братъ его Юрій Всеволодовичъ“, погибшій въ битвѣ съ Татарами на р. Сити въ 1238 году³⁾.

Слѣдовательно, родовой порядокъ преемства государственной власти вызвалъ въ Суздальской землѣ тѣ же слѣдствія, что и въ Кіевской области: непрерывную борьбу между сонаслѣдниками за родовое наслѣдство, насильственные захваты столовъ князьями, имѣвшими на своей сторонѣ фактическое преобладаніе, и участіе воли народа въ рѣшеніи вопроса о принадлежности стола тому или другому родственнику. Такія же слѣдствія были вызваны родовымъ порядкомъ преемства власти и во всѣхъ другихъ княжествахъ Русской земли, раздробленной на множество удѣльныхъ государствъ и ослабленной княжескими междоусобіями до невозможности отразить внѣшняго завоевателя.

1) Тамъ же, 331, 333.

2) Тамъ же, 336.

3) Тамъ же, 337.

№ VII. Архивы и архивные материалы.

Происхождение, история, централизация и научное значение архивных материаловъ.

Со времени появления письменнаго дѣлопроизводства въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ появилась и необходимость *хранить публичныхъ и частныхъ письменныхъ актовъ, какъ средствъ удостовѣренія и укрѣпленія публичныхъ и частныхъ правъ*. Хранилища такихъ актовъ, именуемая нынѣ *архивами*, были учреждены въ Россіи сначала при ризницахъ особо уважаемыхъ храмовъ, а потомъ и при канцеляріяхъ правительственныхъ и общественныхъ судебно-административныхъ учреждений, называвшихся приказными и земскими дворами, избами, дворцами и палатами.

Въ Кормчей книгѣ, нынѣ хранящейся въ Московской Синодальной Библиотекѣ, имѣется слѣдующая древняя отмѣтка: „Въ лѣто 6790 (1280) написаны быша книги сія повелѣніемъ новгородскаго князя Дмитрія и стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента, и *положены быша въ церкви святой Софїи на почитаніе священникамъ и на послушаніе христіанамъ*“. Рядомъ съ каноническими правилами и наставленіями св. отцовъ церкви въ этой книгѣ содержатся Русская Правда пространный редакціи, церковный уставъ князя Владиміра краткой редакціи и церковный уставъ князя Святослава 1137 года¹⁾. Въ Псковѣ публичные и частные юридическіе акты хранились въ „*ларь*“ храма св. Троицы; а акты, здѣсь хранимые, признавались безспорными судебными доказательствами²⁾.

1) См. Рус. Дост.; ч. I, стр. 18—21.

2) „А тотъ умершій съ поряднею и рукописаніе у него написано и *въ ларь положено*, ино на тыхъ приказникахъ не искати чрезъ рукописаніе“. Пск. Суд. Грам., ст. 14. Въ лѣтописи упоминается „игумень Евгеній, иже преже былъ ларникомъ во Псковѣ, и въ той власти многу тяготу людямъ сотвориша, и убѣже, и пострижеса“.

Древнѣйшіе статуты Западной Руси требовали, чтобы воеводы, старосты и земскіе судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтъ и землѣ отвели *безопасныя помѣщенія для храненія актовыхъ книгъ*, а гдѣ такихъ помѣщеній въ наличности не было, тамъ должно было построить каменныя хранилища въ дворцахъ и замкахъ и содержать въ нихъ актовыя книги прежнихъ лѣтъ въ крѣпкихъ сундукахъ, за тремя замками, одинъ ключъ отъ которыхъ хранился бы у судьи, другой у подсудка, а третій у писаря. Пользоваться архивными документами дозволялось только въ архивныхъ помѣщеніяхъ и въ присутствіи ихъ хранителей¹⁾. Сеймовыя постановленія предписывали оберегать архивы надежною стражею, помѣщать актовыя книги старыхъ лѣтъ въ обособленныхъ каменныхъ зданіяхъ и ежегодно ревизовать²⁾.

Судебники Восточной Руси, Уложение 1649 года и отдѣльные царскіе указы требовали, чтобы дьяки и подъячіе не выносили „государевыхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ“ на частныя дворы и подворья, а *хранятъ бы ихъ „со всякимъ опасеніемъ и радніемъ“ въ городѣхъ—крѣпостяхъ, въ казенныхъ помѣщеніяхъ приказныхъ палатъ, дворцовъ, дворовъ и избъ, за печатями, подъ угрозой потери права приказной службы и наказанія кнутомъ за нарушеніе требованій закона, направленныхъ къ храненію въ цѣлости и порядкѣ архивныхъ матеріаловъ*³⁾.

Дьяки и подъячіе обязаны были хранить архивные акты въ сборникахъ установленной *столбовой формы* (столбцы или свитки), и всякое дѣло скрѣплять своею рукою „по составомъ“—склейкамъ листовъ⁴⁾.

Отдѣльные акты и сборники актовъ всѣхъ видовъ и формъ хранились *въ закрытыхъ помѣщеніяхъ*, именуемыхъ въ источникахъ столами, сундуками и сундучками, ящиками и ящичками, ларами и ларцами, коробками и коробочками, мѣшками и мѣшечками⁵⁾. Подвижныя хранилища размѣщались *въ „палатахъ“ и „казенкахъ“ приказныхъ дворцовъ и избъ*; а для внутренней и внѣшней охраны приказовъ и хранившихся въ нихъ государевыхъ дѣлъ назначались *въ ночное время дежурства* изъ подъячихъ, сторожей,

¹⁾ Статутъ 1566 г., раздѣлъ IV, артикулъ 11; Статутъ 1588 г.; раздѣлъ IV, артикулъ 13 (11).

²⁾ Сборн. Арх. Инст. кн. I; отд. I, стр. 23 и 27.

³⁾ Судебникъ 1550 г.; ст. 28, 41, 62 и 69. Уложение 1649 г.; ст. 11—13. Полн. Собр. Зак., № 1602.

⁴⁾ Судебникъ 1552 г., ст. 28; Уложение 1649 г., ст. II.

⁵⁾ См. Д. Я. Самоквасова „Архивное дѣло въ Россіи“; кн. II, стр. 5 и слѣд. Изданіе 1902 г.

Исторія русскаго права. Д. Самоквасовъ.

разсылныхъ, стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, число которыхъ опредѣлялось значеніемъ города и размѣромъ приказнаго зданія¹⁾).

Контроль храненія провинціальныхъ архивовъ въ порядкѣ и цѣлости состоялъ въ рукахъ наместниковъ и воеводъ, въ свою очередь, состоявшихъ подъ контролемъ московскихъ приказовъ, которымъ мѣстные учрежденія обязаны были представлять ежегодные отчеты и описи о состояніи архивовъ²⁾. Высшій контроль приказной службы былъ сосредоточенъ при особѣ государя, которому всѣ приказы обязаны были представлять „описныя книги“ приказныхъ дѣлъ въ опредѣленный срокъ, подъ угрозой царской опалы за неисполненіе этого требованія; а государь контролировалъ приказное дѣлопроизводство при посредствѣ Тайной или Ближней царской думы и состоявшаго при ней Приказа тайныхъ дѣлъ,—канцеляріи царя и царской думы³⁾).

Слѣдовательно, въ основѣ древняго русскаго архивнаго законодательства лежали раціональныя начала: письменные акты дѣятельности государственныхъ учрежденій по удостовѣренію и укрѣпленію публичныхъ и частныхъ правъ признавались государственною собственностью, хранились исключительно въ казенныхъ зданіяхъ и описывались должностными лицами подъ фактическимъ контролемъ мѣстныхъ центральныхъ и высшихъ органовъ правительственной власти. Коренное начало древняго русскаго архивнаго законодательства выражается въ требованіи *хранить „государевы дѣла“— архивныя матеріалы въ цѣлости и порядкѣ, безъ уничтоженія дѣйствующими учрежденіями какихъ бы то ни было актовъ своего дѣлопроизводства.*

Но осуществленіе этого требованія закона встрѣчало на практикѣ преграду въ разрозненности архивныхъ матеріаловъ во множествѣ столичныхъ и провинціальныхъ приказныхъ учрежденій, при которой защита бумажныхъ актовъ отъ естественныхъ разрушителей,—воды и огня,—была невозможна. Архивные матеріалы гибли массами отъ сырости въ городахъ столичныхъ и провинціальныхъ. Даже въ приказахъ, состоявшихъ при особѣ государя, архивные документы по истеченіи 20—50 лѣтъ оказывались съ отгнившими началами и концами и совершенно гнилыми „отъ палатныя сырости“⁴⁾. Съ другой стороны законъ требовалъ хранить приказныя дѣла бережно въ городахъ и не выносить ихъ изъ приказныхъ помѣщеній за городъ и на частныя дворы и подворья;

¹⁾ Тамъ же, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, стр. 9—13.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 13—16.

по города древней Руси были „деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ“; постройки въ городахъ были также деревянные; а „деревянная Россія“ возобновлялась по истеченіи каждаго полустолѣтія: выгорало такое количество городовъ и селеній, сколько ихъ было на государственной территоріи ¹⁾).

Въ видахъ храненія архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ Регламентомъ Петра Великаго было постановлено: окончательно рѣшенныя дѣла 3-лѣтней давности обязательно сдавать въ архивъ, и „*имѣть два архива*: всѣмъ дѣламъ всѣхъ коллегій: которыя не касаются приходу и расходу, быть подъ надзираніемъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи, а которыя касаются приходу и расходу, тѣмъ быть подъ надзираніемъ ревизіонъ-коллегіи“ ²⁾; а общимъ наказомъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ 17-го Сентября 1728 года было предписано: „*Въ каждой провинціи учредить архивъ и хранить въ одномъ мѣстѣ всѣ рѣшенныя дѣла, составя имъ описи—„росписные списки“*“ ³⁾. Этимъ же закономъ ар-

¹⁾ Горѣли города, приказныя палаты, дворцы, дворы и избы, а въ нихъ горѣли и архивные матеріалы. Едва успѣла оправиться Москва отъ „московскаго разорѣнія“, какъ вновь была разрушена пожаромъ: „Въ нынѣшнемъ во 134 (1626) году Мая въ 3 день загорѣлися въ Китаѣ городъ дворцы, и Китай городъ выгорѣлъ, и отъ Китая Кремль городъ выгорѣлъ... и въ палатахъ во многихъ горѣло и во многихъ прикѣзѣхъ многія государевы дѣла и многая государева казна погорѣли“... Если же въ Кремлѣ и Китай-городѣ пожары уничтожали приказныя палаты со всѣми дѣлами и казною, въ нихъ хранившимися, то въ деревянныхъ провинціальныхъ городахъ пожары приказныхъ избъ представляли очень частое и повсемѣстное явленіе. Тамъ же, стр. 14—18.

²⁾ Генеральный Регламентъ, глава 44.

³⁾ „А которыя дѣла въ прежде бывшихъ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ были, кромѣ вѣдѣнія магистратскаго, всё собрать въ одно мѣсто и внести въ росписной списокъ, а чтобъ оныя впредь порядочно были содержаны, то велѣтъ къ настоящему и будущему правленію, яко уложеніе, регламенты и инструкціи, указы, окладныя и доимочныя книги и прочее, тому подобное, содержать въ своей канцеляріи, а вершенныя и дѣйствомъ оконченныя и старыхъ лѣтъ дѣла, которыя уже къ дѣйству и рѣшенію не подлежатъ, тѣ, отобравъ, положить въ особенное безопасное мѣсто, и учинить имъ роспись съ нумерами, чтобы въ случаѣ пріисковъ не было затрудненій, и никакое бѣ дѣло не утратилось; также и впредь оконченныя и вершенныя дѣла въ помянутое храненіе съ роспискою отдавать и въ росписи вносить“.
Полн. Собр. Зак., № 5333.

живное дѣло юсударства было передано высшему управленію и контролю Правительствующаго Сената.

Сенатскимъ указомъ 27 Января 1736 года было предписано: „Для старыхъ дѣлъ на *архивы сдѣлать палаты каменныя со сводами и полами каменными и съ затворы у дверей и у оконъ и съ рѣшетки желѣзными*“¹⁾; а 28 Мая 1768 года сенатскимъ указомъ было постановлено: 1) „чтобы въ каждомъ мѣстѣ къ опредѣленію въ *архивариусы* присутствующими *выбираемы были люди трезвою житія и неподозрительные, съ порокажь и иныхъ пристрастіяхъ не примѣченныя*; 2) *дабы архивы непремѣнно въ каждый годъ одинъ разъ самими присутствующими съ прилежнымъ наблюденіемъ свидѣтельствованы были*“²⁾

Именной указъ 24 Октября 1780 года предписалъ: „Для сохраненія дѣлъ бывшихъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, кои сами собою уже упраздняются, и для удобнѣйшихъ обо всемъ нужномъ справокъ *учредить здѣсь особый архивъ старыхъ дѣлъ*... Въ этотъ архивъ каждое мѣсто изъ именованныхъ выше обязано тотчасъ отослать всѣ свои рѣшенныя дѣла, равно и тѣ, кои не требуютъ рѣшенія; да и какъ скоро которое либо дѣло возоприиметь свое окончаніе,—туда же отдавать“³⁾. Именной указъ 12 Марта 1781 года требованія предыдущаго указа распространилъ на всѣ провинціальныя учрежденія⁴⁾.

Именнымъ указомъ 13 Юня 1782 года значеніе архива определено слѣдующими словами: „Изъ *архива никакое дѣло вынесено быть не можетъ*; да и члены онаго не обязаны свидѣтельствовать архивныхъ копій, потому что *оное не есть такое мѣсто, въ которомъ бы производство дѣлъ было, а единое есть оныхъ хранилище*“⁵⁾.

Именной указъ 17 Юня 1800 года объявилъ: „Поелику Генеральнаго Регламентъ въ 44 главѣ предписано: „книги, документы,

¹⁾ Тамъ же, № 6875.

²⁾ Тамъ же, № 13127.

³⁾ Тамъ же, № 15074.

⁴⁾ „По прошествіи годового срока въ канцеляріяхъ оставить единственно только тѣ дѣла, по коимъ челобитчики или отвѣтчики явятся и рѣшенія требовать будутъ; прочія жъ дѣла, остающіяся за срокомъ, отдать въ архивъ къ вѣчному забвенію“. Тамъ же, № 15133.

⁵⁾ Тамъ же, № 15431.

Именнымъ указомъ 2 октября 1782 года учрежденъ въ Москвѣ „особый архивъ, подобный С.-Петербуржскому, подъ названіемъ *Государственный Московскій Архивъ старыхъ дѣлъ*“; (тамъ же, № 15530); именнымъ указомъ 7 Октября 1785 года постановлено: *архивъ Вотчинной Коллегіи отдѣлать особо* (тамъ же, № 16273); *архивъ разрядный*

дѣла, учиненныя регистратуры, когда оныя три года въ канцеляріи и конторѣ лежали, потомъ въ архивъ архивариусу отдаются“, предписать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, Губернскимъ правленіямъ и Казеннымъ палатамъ, *чтобы они рѣшенныя по вѣдомству своему дѣла болѣе трехъ лѣтъ въ канцеляріяхъ не удерживали, а отдавали бы оныя, по силѣ Генеральнаго Регламента, въ надлежащее время въ архивъ, подѣ опасеніемъ строгаю и неминуемаю за сіе отвѣта и по законамъ взысканія*“¹⁾.

Это былъ послѣдній указъ времени направленія и контроля архивной службы въ государствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, когда государственныя архивныя матеріалы были сосредоточены сравнительно въ немногихъ столичныхъ и провинціальныхъ центральнахъ архивахъ (Губернскихъ правленій, Казенныхъ палатъ и палатъ Суда и Расправы), когда архивы были помѣщены въ каменныхъ зданіяхъ присутственныхъ мѣстъ, а ихъ храненіе и описаніе поручалось лучшимъ людямъ канцелярій.

По учрежденіи министерствъ въ началѣ XIX столѣтія за Сенатомъ оставалась обязанность контроля по исполненію дѣйствующаго законодательства всѣми столичными и провинціальными государственными учрежденіями; но на практикѣ *Сенатъ потерялъ значеніе „правительствующаго“*, потому что его старая законодательная функція была передана Государственному Совѣту, а правительственная Министрамъ и Комитету Министровъ, имѣвшимъ возможность кассировать всякое рѣшеніе Сената при посредствѣ докладовъ Государю и Высочайше утвержденныхъ журналовъ, положеній и правилъ Комитета Министровъ. При такихъ условіяхъ *повѣрка Сенатомъ порядка дѣлопроизводства въ столичныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ, требуемая закономъ, прекратилась*; а въ результатѣ уже въ первой четверти XIX вѣка беспорядочность въ дѣлопроизводствѣ канцелярій дѣйствовавшихъ учреждений характеризуетъ Сенатскій указъ 11 Ноября 1820 года слѣдующими словами: „Сенатомъ усмотрѣны: 1) величайшая медленность въ производствѣ дѣлъ, не взирая на то, что по многимъ предметамъ состоялись Высочайшія повелѣнія рассмотретьъ и рѣшить оныя безъ очереди; 2) необыкновенное удаленіе отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на суды и чиновниковъ; 3) *чрезвычайное небреженіе о сохраненіи*

переданъ въ вѣдомство Департамента Герольдіи; а сенатскимъ указомъ 18 февраля 1798 года предписано: „рѣшенныя и исполненныя, равно хранящіяся въ архивахъ упраздненныхъ среднихъ мѣстъ дѣла (судебныя)... отдать съ надлежащею описью въ архивъ Палаты суда и расправы“. Тамъ же, № 19387.

¹⁾ Тамъ же, № 19456.

съ цѣлости дѣлъ, книгъ и реестровъ, содержащихся въ архивахъ... не только Генеральный Регламентъ, но и указъ 1768 года Мая 28 оставлены въ совершенномъ забвеніи..., можно ли, чтобы до такой степени ослабѣлъ порядокъ и замолчали законы“¹⁾).

Тѣмъ же Сенатскимъ указомъ предписано: „Въ огражденіе на будущее время правительствъ отъ вреда, производимаго безпорядочнымъ содержаніемъ архивовъ, повсемѣстно и строжайшимъ образомъ предписать, дабы всѣ мѣста и лица, обязанныя содержать архивы или вести установленныя законами книги, непремѣнно и во всей точности соблюдали силу 38 и 44 главъ Генеральнаго Регламента и указъ 1768 года Мая 28 дня, подѣ опасеніемъ за неисполненіе того преданія суду по всей строгости законовъ“. Сенатскимъ указомъ 6 Апрѣля 1825 года снова предписано: „Въ сдачѣ дѣлъ въ архивъ надлежитъ непремѣнно руководствоваться, какъ главнымъ и кореннымъ на сей случай закономъ Генеральнаго Регламента, 44 главою и подтвердительными указами Правительствующаго Сената... всѣмъ губернскимъ и областнымъ правленіямъ и правительствамъ строжайше подтвердить о точномъ и неослабномъ исполненіи вышеозначенныхъ узаконеній съ тѣмъ, что отвѣтственность за упущенія въ семъ случаѣ падеть на тѣ лица, на кои возложенъ надзоръ за исправнымъ теченіемъ дѣлъ и своевременною отдачею оныхъ въ архивъ“²⁾).

Сенаторы, ревизовавшіе западную Сибирь въ 1828 году, замѣтили большія неисправности въ разрозненныхъ архивахъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, и на основаніи Генеральнаго Регламента предложили мѣстнымъ начальствамъ „учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ общій архивъ для храненія рѣшенныхъ дѣлъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ“... Но это предложеніе сенаторовъ, какъ и сенатскіе указы первой четверти XIX столѣтія о централизаціи архивовъ и храненіи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ, оставались мертвою буквою, потому что рядомъ съ сенатскою регламентаціей по архивному дѣлу въ государствѣ уже дѣйствовала министерская регламентація другого направленія, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ во второй половинѣ XIX столѣтія такое движеніе документальнаго народнаго имущества на бумажныя фабрики, что въ настоящее время во многихъ центральныхъ архивахъ при Губернскихъ правленіяхъ, Казенныхъ палатахъ и другихъ провинціальныхъ и столичныхъ дѣйствующихъ учрежденіяхъ, содержавшихъ въ себѣ еще въ половинѣ XIX столѣтія богатая

1) Полн. Собр. Закон.. № 28460.

2) Тамъ же, № 30316.

собранія актовъ и документовъ прошлыхъ столѣтій, не осталось въ наличности даже актовъ первой половины XIX столѣтія¹⁾.

Въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, со времени появленія письменнаго дѣлопроизводства въ государственныхъ учрежденіяхъ были издаваемы законы объ охранѣ архивовъ, дававшіе средства на храненіе въ цѣлости и порядкѣ архивныхъ матеріаловъ; письменные акты дѣятельности правительственныхъ учреждений, дававшіе, удостовѣрившіе и укрѣплявшіе публичныя и частныя права, хранились въ канцелярскихъ архивахъ безъ уничтоженія какихъ бы то ни было дѣлъ.

Съ развитіемъ въ новой исторіи раздѣленія властей и децентрализаціи правительственнаго управленія и суда, древнія учрежденія были частью упразднены, частью преобразованы, при чемъ ихъ компетенція дробилась между многими новыми учрежденіями; возникло множество хранилищъ бумажнаго дѣлопроизводства при канцеляріяхъ множества новыхъ учреждений, спеціально судебныхъ, административныхъ, военныхъ, полицейскихъ, финансовыхъ, учебныхъ, земскихъ, сословныхъ, благотворительныхъ, промышленныхъ²⁾.

Во владѣніе новыхъ канцелярій переходили архивы упраздненныхъ учреждений; а съ теченіемъ времени канцелярскія помѣщенія наполнялись и актами по рѣшеннымъ дѣламъ новаго письменнаго дѣлопроизводства. Естественный ростъ архивныхъ матеріаловъ требовалъ соответственнаго расширенія государственныхъ расходовъ на архивныя хранилища и хранителей; но государственная казна уже не могла удовлетворить потребностямъ множества новыхъ учреждений въ средствахъ храненія архивовъ въ цѣлости и порядкѣ. Очищая мѣсто въ своихъ помѣщеніяхъ для храненія дѣлъ новѣйшаго происхожденія, новыя присутственныя мѣста вынуждены были передвинуть старыя дѣла изъ своихъ помѣщеній въ дешевыя хранилища: документальное народное имущество,

¹⁾ См. Д. Самоквасова: Архивное Дѣло въ Россіи; кн. I и II. Изд. 1902 г.

²⁾ Во Франціи конца XVIII-го столѣтія, какъ нынѣ въ Россіи, насчитывалось множество архивовъ; въ одномъ только городѣ Парижѣ ихъ было болѣе 400: „Le mal dont nous plaignons encore aujourd’hui,—la décentralisation,—était incomparablement plus accentué sous l’ancien régime; on calcule qu’avant 1789 il y avait en France près de dix mille dépôts, plus de quatre cents à Paris seulement“; Ch. V. Langlois et H. Steid: „Les archives de l’histoire de France“; p. IV. Paris. 1891. См. Д. Самоквасова: „Централизація государственныхъ архивовъ“; кн. II; стр. 206—213. Изд. 1899 г.

хранившееся прежде въ канцеляріяхъ, въ сундукахъ и шкафахъ, специально приспособленныхъ для храненія рукописныхъ матеріаловъ, очутилось въ сырыхъ, холодныхъ и темныхъ подвалахъ, на чердакахъ, въ сараяхъ и старыхъ крѣпостныхъ башняхъ¹⁾.

Съ дальнѣйшимъ накопленіемъ актовъ письменнаго дѣлопроизводства въ канцеляріяхъ новыхъ учрежденій приходилось имъ нанимать частныя помѣщенія для храненія старыхъ архивныхъ дѣлъ; а на этотъ предметъ не было назначеній въ канцелярскихъ штатахъ, по множеству архивовъ, требовавшихъ средствъ, непосильныхъ для государственныхъ казначействъ. Тогда дѣйствующія учрежденія были поставлены въ необходимость уничтожать устарѣвшія рѣшенныя дѣла, чтобы дать мѣсто новымъ актамъ²⁾.

Законъ, требовавшій храненія архивовъ въ цѣлости и порядкѣ, въ каменныхъ зданіяхъ, въ сундукахъ и шкафахъ, подъ надзоромъ лучшихъ людей, и практика службы, помѣщавшая архивы въ подвалахъ, на чердакахъ, въ сараяхъ и башняхъ, въ беспорядочныхъ кучахъ, стали въ рѣзкое противорѣчіе: документальные памятники дѣятельности государственныхъ учрежденій стали гибнуть массами отъ сырости, огня, крысъ, частнаго расхищенія и официальной продажи на рынки и бумажныя фабрики.

Въ XIX столѣтіи, преимущественно во второй его половинѣ, государства Западной Европы нашли разумный выходъ изъ сказаннаго противорѣчія между закономъ и практикою жизни. Такимъ выходомъ послужили учрежденіе каедръ архивовѣдѣнія и школъ архивоведенія, обособленіе архивовъ отъ канцелярскихъ регистратуръ, централизація устарѣвшихъ дѣлъ въ немногихъ государственныхъ архивахъ, изданіе общаго для всѣхъ вѣдомствъ архивнаго законодательства, учрежденіе общаго для всѣхъ вѣдомствъ архивнаго управленія и контроля и снабженіе государственныхъ архивовъ специальными зданіями и штатами ученыхъ архивистовъ, способныхъ разбирать, классифицировать, описывать и научно издавать древніе документы.

¹⁾ Въ началѣ истекшаго столѣтія государственные архивы въ Лондонѣ, какъ нынѣ въ Москвѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ Новгородѣ и другихъ русскихъ городахъ, помѣщались въ очень неудобныхъ для рукописей хранилищахъ; напримѣръ, свитки королевскаго архива помѣщались въ старой башнѣ непосредственно надъ пороховымъ погребомъ. Въ 1822 году часть королевскаго архива была помѣщена въ одной изъ конюшенъ; а когда эта конюшня была сломана, чтобы очистить мѣсто для зданія національной галереи, то королевскій архивъ былъ помѣщенъ въ другой конюшнѣ. Тамъ же, стр. 160.

²⁾ Тамъ же, кн. I; с. 98 и 100; кн. II, с. 133—137., 140—142 и др.

Эта реформа архивнаго дѣла въ государствахъ Запада не потребовала непосильныхъ расходовъ изъ государственныхъ казначействъ; ее осуществили въ наше время не только богатыя, но и бѣднѣйшія государства. Эта реформа настоятельно необходима и въ Россіи, какъ государствѣ цивилизованномъ, также обладающемъ обширнымъ и сложнымъ письмоводствомъ и обязаннымъ упорядочить архивное дѣло въ интересахъ настоящаго и будущихъ поколѣній русскаго народа.

Изученія памятниковъ исторіи законодательства недостаточны для фактической знанія исторіи юридической жизни народа, потому что законодательство часто стремится измѣнить старыя формы жизненныхъ правовыхъ институтовъ, но остается мертвою буквою на практикѣ и умалчиваетъ объ обычномъ правѣ, преимущественно опредѣляющемъ юридическія отношенія въ народной массѣ. Нашему законодательству до второй половины XIX столѣтія были неизвѣстны русская большая семья съ выборнымъ главою и русская община съ періодическимъ передѣломъ полей, открытая барономъ Гактегаузенемъ; масса русскаго народа и теперь не знаетъ содержанія многотомнаго Свода Законовъ Россійской Имперіи, а опредѣляетъ личныя и имущественныя отношенія въ семьѣ и сельской общинѣ старымъ народнымъ обычаемъ, познаваемымъ при посредствѣ изученія актовъ дѣлопроизводства по крестьянскимъ дѣламъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ. Весь порядокъ словеснаго и письменнаго административнаго и судебнаго дѣлопроизводства остается внѣ опредѣленій древняго русскаго законодательства, въ наше время можетъ быть познанъ только посредствомъ изученія архивныхъ матеріаловъ, содержащихъ въ себѣ акты дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ учреждений и юридическіе акты частныхъ лицъ, въ которыхъ народная юридическая жизнь проявляется полнѣе и вѣрнѣе, нежели въ сохранившихся законодательныхъ актахъ. Въ архивахъ хранятся богатѣйшіе фактическіе матеріалы по исторіи русской церкви, исторіи экономическаго быта русскаго народа, территориальнаго расширенія нашего государства и порядка заселенія русскимъ народомъ вновь приобретаемыхъ земель; по исторіи организаціи и движенія правъ разныхъ классовъ государственнаго народонаселенія; по исторіи организаціи и дѣятельности высшихъ центральныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ учреждений; по исторіи понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ и организаціи и дѣятельности судебной власти; по исторіи отношеній семейныхъ, общественныхъ, договорныхъ, наследственныхъ и способовъ пріобрѣтенія и укрѣпленія личныхъ и имущественныхъ правъ; по исторіи внѣшнихъ и внутреннихъ событій русскаго государства, военныхъ и дого-

ворныхъ отношеній къ сосѣдямъ, средствъ государственной обороны, внутреннихъ народныхъ волненій и по множеству другихъ вопросовъ историко-юридическихъ наукъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что фактическое изученіе исторіи права возможно только при посредствѣ научной разработки архивныхъ матеріаловъ, являющихъ собою несомнѣнные факты организаціи и дѣятельности древнихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. По вѣрному слову бывшаго Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ Веселовскаго, сказанному въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 Декабря 1884 года; „Архивы хранятъ основные источники, на которыхъ только и можетъ соиздаться правдивая исторія русскаго народа и русскаго права“... „Все новое и выдающееся, что только появлялось въ нашей исторической литературѣ за послѣдніе годы, было плодомъ архивныхъ разысканій... Новое слово могутъ дать только архивныя сокровища, накопленныя у насъ вѣками, но тронутыя изслѣдователями въ слабой степени¹⁾. Описаніе, изданіе научная разработка архивовъ древнихъ актовъ людьми спеціальной подготовки къ этому важному и трудному дѣлу,—единственное научное средство вывести древніе періоды русской исторіи и исторіи русскаго права изъ современнаго „лабиринта личныхъ мнѣній и взглядовъ“²⁾.

¹⁾ Вѣстникъ Арх. и Исторіи, изд. Арх. Инст. за 1886 г.; вып. VI, стр. 74.

²⁾ См. „Архивное Дѣло въ Россіи“; кн. I. Введеніе: „Научная и практическая цѣнность архивовъ“. Д. Самоковсова. 1902 г.

№ VIII. Литература мнимаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ.

Законъ о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ древней Россіи представляетъ собою не фактъ, а домысль теоріи, основанный на содержаніи указа 1597 года, устанавливающего исковую давность по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Татищевъ, а за нимъ и Карамзинъ, основываясь на словахъ этого указа, — „которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ, и тѣхъ возити назадъ“, — вывели заключеніе, что „тогда былъ запрещенъ переходъ крестьянъ“. Къ такому же заключенію приводитъ содержаніе этого указа Б. Н. Чичерина, И. Д. Бѣляева, Н. И. Костомарова и др.¹⁾.

Погодинъ и проф. Энгельманъ, принимая во вниманіе запрещеніе сказаннымъ указомъ искать „бѣглыхъ крестьянъ, бѣжавшихъ“ отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ за 6, 7, 10 и болѣе лѣтъ, а съ другой стороны усматривая и въ послѣдующихъ указахъ (1606 г.) такую же пятилѣтнюю давность по исковымъ дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ, какая установлена закономъ 1597 года, находятъ, что крестьяне, самовольно оставлявшіе своихъ господъ въ 1587 году, даже въ царствованіе Ивана Грознаго уже

¹⁾ Б. Н. Чичеринъ: „Въ 1592 или 1593 г. послѣдовало укрѣпленіе крестьянъ; самый указъ до насъ не дошелъ, но содержаніе его ясно видно изъ указа 24 ноября 1597 года“. Опыты; стр. 223. Бѣляевъ: „Когда именно, въ которомъ году состоялась новая мѣра общаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, совершенно измѣнившая жизнь русскихъ крестьянъ, мы не знаемъ, ибо первоначальный указъ до насъ не сохранился, или пока еще не отысканъ... впрочемъ должно согласиться, что прикрѣпленіе послѣдовало не раньше 1590 года“. Крестьяне на Руси; стр. 105, 106. В. И. Сергѣевичъ относитъ предполагаемый указъ о прикрѣпленіи „къ самому началу царствованія Θεодора Иоанновича“. Лекціи и изслѣд.; стр. 637. Ср. „Древности Русскаго Права“; т. I, стр. 246. Костомаровъ: „Распоряженіе 1592 года должно необходимо касаться перехода въ Юрьевъ день и непременно въ духъ прекращенія этого права“. Истор. моногр.; I, стр. 373.

признавались бѣглыми, и приходятъ къ заключенію, что указъ 1597 года представляетъ собою законъ о давности судебныхъ исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а Федоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ не издавали никакихъ законовъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Профессоръ Энгельманъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ 1592 г. признаетъ „мнимымъ“, несуществовавшимъ; „не могъ пропасть безслѣдно законъ такой великой важности и такъ интересный для бояръ и дьяковъ, записывавшихъ и хранившихъ законы въ приказахъ; указъ 1597 года о давности исковъ о крестьянахъ и былъ закономъ о прикрѣпленіи крестьянъ“¹⁾.

По ученію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „подъ книгами указа 1607 года можно разумѣть лишь писцовыя книги. Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства, предпринятая имъ... Кромѣ сомнительнаго указа 1607 года, есть несомнѣнныя узаконенія 1601 и 1602 гг., указывающія на характеръ начинающагося государственнаго прикрѣпленія; по этимъ указамъ царь Борисъ временно, на одинъ годъ, разрѣшалъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня, кромѣ черныхъ земель, вотчинъ дворцовыхъ, церковныхъ и вотчинъ высшихъ служилыхъ лицъ, и за исключеніемъ всего Московскаго уѣзда²⁾... Что общаго и окончательнаго закона о прикрѣпленіи дано не было, о томъ свидѣлствуютъ послѣдующіе факты... Потеряли право перехода только старинные крестьяне и крестьяне-домохозяева, записанные въ писцовыя книги, но не дѣти ихъ, племянники и бобыли“³⁾... „Общій дѣйствительный законъ о прикрѣпленіи, заключаетъ почтенный профессоръ, есть XI-я глава Уложенія царя Ал. Мих., гдѣ говорится: „По нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было, что ни кому за себя крестьянъ не примати. А будетъ кто съ сего государева Уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и бра-

¹⁾ См. Энгельмана: „О давности“ и „Die Leibeigenschaft“.

²⁾ Слѣдовательно, эти законы, какъ и прежніе, воспрещали вывозить тяглыхъ людей, и въ этомъ отношеніи были только повтореніемъ давнихъ княжескихъ жалованныхъ, договорныхъ, духовныхъ и судныхъ грамотъ. Сверхъ того, эти указы не даютъ права перехода крестьянамъ, а даютъ право вывоза крестьянъ дворянамъ между собою. Въ указахъ говорится слѣдующее: „Ц. Борисъ Феодоровичъ и сынъ его... велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ дворянамъ... промежъ себя... возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году... промежъ собою... возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина, или двухъ“. Указатель Максимовича, стр. 128.

³⁾ Обзоръ Ист. Рус. Права, стр. 140, 141. Изд. 1888 г.

тью и племянниковъ принимать“, тотъ не только долженъ возвратить ихъ „со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и съ землянымъ, безъ урочныхъ лѣтъ“, но и уплатить 10 рублей за годъ¹⁾.

Такимъ образомъ, *общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ одни изслѣдователи усматриваютъ въ Уложеніи 1649 года, другіе въ указъ объ исковой давности блымаъ крестьянъ 1597 года, третьи въ предполагаемыаъ указъ начала царствованія Феодора Иоанновича.* Въ дѣйствительности *общаго* закона о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ не было издано въ царскую эпоху, потому что въ древней Россіи *всѣ* разряды *тяглыаъ* земледѣльцевъ были прикрѣплены къ землѣ *ихъ* господъ *уже* въ эпоху Русской Правды, сохранявшей силу закона и въ послѣдующее время, когда вольный земледѣлецъ, своевольно бѣжавшій отъ своего господина, обращался въ полное рабство, а бѣлаго раба его господинъ имѣлъ право искать вездѣ и возвратить себѣ при помощи общественной власти²⁾. Но запрещая всѣмъ землевладѣльцамъ принимать на свои земли тяглыхъ земледѣльцевъ всѣхъ разрядовъ, законъ древней Россіи наказывалъ принимавшихъ бѣглецовъ опредѣленнымъ штрафомъ только въ томъ случаѣ, когда имъ было извѣстно рабское состояніе принятаго³⁾, а въ противномъ случаѣ онъ не подлежалъ отвѣтственности, какъ за пріемъ вольнаго человѣка⁴⁾.

XI-ая глава Уложенія 1649 года представляетъ собою не „общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ“, а законъ объ отмѣнѣ исковой давности (урочные годы бѣглыхъ крестьянъ), учрежденный указомъ 1597 года, и новый общій законъ, опредѣляющій на будущее время

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ См. Д. въ А. И.; № 51, стр. 84.

³⁾ „Аще ли челядинъ скрывается любо у Варяга, любо у Колбяга, и его за три дни не выведуть, а познають и въ третій день, то взымати ему свой челядинъ, а три гривнѣ за обиду“; „оже челядинъ крыется, а заключють и на торгу, а за три дни не выведуть его, а познають и въ третій день, то свой челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продажи“. Рус. Правда; спис. Акад., ст. 10; сп. Кар., ст. 27.

⁴⁾ Въ такомъ случаѣ наказывался только бѣглець, частный по усмотрѣнію своего господина, а черный человѣкъ опредѣленнымъ имущественнымъ штрафомъ, равнявшимся двойной цѣнѣ, слѣдовавшей съ него въ государственную казну ежегодной дани: „А кто поверга свой дворъ, а вбѣжить въ боярскій дворъ, или кто иметь соху таити, а изобличать, на томъ взяти вины вдвое за соху“.

⁵⁾ А. Э.; I, № 32. Грамота 1437 года.

ответственность землевладельцев за принятие бѣглыхъ крестьянъ, въ размѣрѣ 10 руб. въ годъ за одного крестьянина¹⁾.

Уложение 1649 года, какъ и законы предыдущихъ царей, не уничтожило класса вольныхъ людей въ Россіи, обновляемаго зарубежниками и вольноотпущенными, и права добровольнаго ихъ поступленія въ крестьяне всѣхъ землевладельцевъ, а только обставило пріемъ ихъ болѣе подробно регламентаціей, направленной къ предупрежденію ошибочнаго пріема бѣглыхъ крестьянъ, о чемъ свидѣлствуютъ крестьянскія порядныя второй половины XVII вѣка и тексты Уложения²⁾.

Уложение 1649 года не уничтожило и „свободы перехода“ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому по договору найма: „А будетъ чьи крестьяне и бобыли учнутъ у кого наймоватися въ работу, и тѣмъ крестьяномъ и бобылемъ у всякихъ чиновъ людей наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей повольно, и какъ отъ нихъ тѣ наймиты отработаются, и имъ отпущать ихъ отъ себя безо всякаго задержанія“ (ст. 32). Слѣдовательно, Уложение 1649 года

¹⁾ „Бѣглыхъ крестьянъ и бобылей... отдавать изъ бѣговъ тѣмъ людѣмъ, изъ-за кого они выбѣжатъ по переписнымъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ, а впредь отнюдь никому чужихъ крестьянъ не пріимать и за собою не держать; а будетъ кто съ сего государева уложенья учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ пріимать и за собою держать... взять за всякаго крестьянина по десяти рублей на годъ и отдавать истцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли“ (Улож. 1649 г., ст. 3, 9 и 10).

²⁾ „А будетъ къ кому въ вотчину и въ помѣстье придутъ какіе люди и скажутъ, что они вольные, и похотятъ тѣ люди за ними жити во крестьянѣхъ, или въ бобыляхъ, и тѣмъ людѣмъ, къ кому они придутъ, спрашивать ихъ, какіе они вольные люди, и гдѣ ихъ родина, и за кѣмъ жили, и отгуды пришли, и не бѣгле ли чьи люди и крестьяне и бобыли, и есть ли у нихъ отпускныя?... Рѣчи ихъ записывать подлинно; да будетъ тѣ, которыхъ приведутъ къ запискѣ, доведутся по ихъ распроснымъ рѣчамъ отдать во крестьянство тѣмъ людѣмъ, кто ихъ къ запискѣ приведетъ, и тѣмъ людямъ, кому они отданы будутъ въ крестьянство, велѣтъ тѣхъ людей къ распроснымъ рѣчамъ во взятыя руки прикладывать“ (гл. XI, ст. 20). „А будетъ кто... прихожаго челоуѣка приведетъ къ запискѣ, не провѣдавъ подлинно, приметъ чужаго крестьянина, или бобыля, имати на тѣ годы, сколько за кѣмъ жилъ... по 10 рублей на годъ для того, не провѣдавъ подлинно, не пріимай чужаго. А которые крестьянскіе дѣти отъ отцовъ своихъ и отъ матерей учнутъ отпиратися, и тѣхъ пытать“ (тамъ же, стр. 21, 22).

сохранило за крестьянами право переходить съ земель съ ихъ землевладѣльцевъ на чужія земли, уничтоживъ только обязательность расчета наемнаго крестьянина съ его господиномъ въ Юрьевскій срокъ и условія о ссудѣ и пожитомъ, затруднявшія въ эпоху Судебниковъ возвращеніе крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наемными крестьянами были люди владѣльческіе, оброчные, а не вольные.

Классъ вольныхъ крестьянъ въ Россіи, извѣвъ-бродягъ, уничтожается только съ уничтоженіемъ класса вольныхъ людей закономъ Уложенія 1649 года, по которому вольный человекъ, прожившій 3 мѣсяца на чужой землѣ безъ договора, обращался въ раба владѣльца земли¹⁾, и законами Россійской Имперіи о подушной подати, ревизіяхъ и обязательной припискѣ къ сельскимъ и городскимъ обществамъ, подъ угрозой строгаго наказанія бродягъ, никуда не приписанныхъ²⁾.

¹⁾ „А будетъ которые вольные люди на Москвѣ и въ городахъ жили у тѣхъ людей меньше трехъ мѣсяцъ, и тѣхъ людей отпустить на волю, а служилыхъ кабалъ на нихъ не давати, потому что они жили у нихъ безкабално немногое время; а будетъ сыщется, что жили больше трехъ мѣсяцъ, и на тѣхъ людей кабалы давати и по неволѣ, хотя они въ нимъ итти въ холопы и не похотятъ“. Тамъ же; гл. XX, ст. 16.

15
100

UNIVERSITY OF MICHIGAN

06975 5125

UNIVERSITY

3 9015 06

**DO NOT REMOVE
OR
CARD**

